

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1982

2

10 335
19 89/2

80

10.3.55/2
1982

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- КОЛАУ НАДИРАДЗЕ.** Стихи. Новые переводы.
Перевод Михаила Синельникова 3
- БАХТАНГ ДЖАВАХАДЗЕ.** Стихи. Перевод
Александра Маркевича и Вла-
димира Тереладзе 32

ПРОЗА

- СОЛОМОН ДЕМУРХАНАШВИЛИ.** Солнцево-
рот. Фрагмент из романа. Перевод Анаи-
ды Беставашвили 10
- ВЛАДИМИР АЛПЕНИДЗЕ.** Цуртавские коло-
кола. Фрагмент из романа. Перевод Анаи-
ды Беставашвили 39
- ВЛАДИМИР ОСИНСКИЙ.** Хроника одной ко-
мандировки. Повесть. Продолжение . . . 47
- МИРОН ХЕРГИАНИ.** Золотистая отмель. Рас-
сказ. Перевод Татьяны Соколовой-
Рухадзе 92

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО. Слово о грузинской

2

1982

ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. И традиционность, и новизна. Окончание. Перевод Роберта Златкина. 140

КОТЭ КАХИАНИ, СЕРГО ПАПАШВИЛИ. Поэт высокого интеллекта 156

ТАМАЗ ВАСАДЗЕ. Одиннадцатая заповедь 160

О ЧЕРК

ЭДУАРД ЕЛИГУЛАШВИЛИ. «Уличное» воспитание 168

ГЕОРГИЙ ХЕЧУАШВИЛИ. Вожаки стареют в дороге. Перевод Нодара Тархнишвили 175

ПУБЛИЦИСТИКА

СОСО СТУРУА. Выполняя волю партии 189

К 200-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

ВАЛЕРИАН МАЧАРАДЗЕ, СЕРГЕЙ ПОВАЛЬНИКОВ. Подлинник русско-грузинского договора 1783 года 201

ИСКУССТВО

МИХАИЛ БАРАНОВ. Истоки вдохновения. 211

ИНГА БАХТАДЗЕ. Художник сердца и ума 216

ХРОНИКА 220

ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА 222

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ОБНОВЛЕННОМУ КУТАИСИ

Вновь ты — весенний, и снова увлек
Душу цветеньем... Хочу в этот день я
(Ведь расставаться не вышел нам срок,
И не увял ни один лепесток)
В слово признания, в несколько строк,
Сердцем рожденное влить песнопенье.
Кажется, с детства, с пеленок, едва
Стал узнавать материнские руки,
В небо твое я глядел, и жива
В раненом сердце его синева, —
Песня найдет золотые слова,
Сможет волнение выразить в звуке!
Как же излить мне, в напеве каком
Эту любовь?! Но везде и повсюду
Пылкой мечтой лишь к тебе я влеком,
Ведь с материнским впитал молоком
Я красоту твою всю целиком...
Солнце твое и луну не забуду!
Город родимый, моя колыбель,
И возмужанье, и горечь утраты,
Первая вера, высокая цель,
Стыд пораженья, казнящий досель,
Первых стихов обжигающий хмель,
Первой любви громовые раскаты!..
Так, но отныне ты будешь другим,
Дивно лицо твое помолодело.
Памятлив, прошлым наполнен моим,
Строишь в горении весен и зим
Новую жизнь, чтоб, грядущим храним,
Стал ты нетленной красой Сакартвело!
Радуюсь, лишь на тебя я взгляну,
Ибо настало, взойдя над страной,
Время окончиться долгому сну.
Я новизны познаю быстрину,
Мощную музыку стройки, весну
И выражение улиц иное.

Голову снегом побелят года,
Туго натянут сребристые струны.
Воспоминаний пройдет череда,
И расскажу в старом доме тогда
Внукам, как сказку, что стала седа, —
О красоте твоей, давней и юной.

1936

В АБХАЗИИ

Край Картли выжженный и древний, многодивный
Имеретинский край уже ушли из глаз.
И золотом траву здесь орошают ливни,
Шум золотых дождей я слушаю сейчас.
Я вспоминаю грусть покинутого Поты,
Безмерность синевы и одинокий плен
Огромных кораблей, когда в ночной дремоте,
Тоскуя и грозя, взывает вой сирен.
Как жизнь, как ласка, был мне этот воздух сладок,
И ведала душа, что нечто полюблю
Неузнанное мной и полное загадок,
И бредил я в жару, как будто во хмелю.
И сердце, трепеща, как сокол быстрокрылый,
Полета жаждало, всему наперекор.
И утешенье мне своей волной дарило
Лишь море, лишь его затерянный простор.
И набежало вдруг, воображенье нежа,
Так много дум и чувств, неведомых дотоль,
Когда ушла гряда знакомых побережий,
И солнце улеглось в пылающую соль.
Как раненый олень, спустившийся в долину,
Я морем окружен, тревогой с толку сбит,
И неизбежный миг ничем не отодвину,
Лишь одиночество — души надежный щит.
Но грезу юных дней я видел, как бывало,
Ведь жаждал встретить я, своей тоской гоним,
Блаженную страну, и сердце трепетало —
С младенчества мечта не расставалась с ним!
И вот в голубизне крутого разворота
Зеленый берег взмыл из пенящихся дуг,
Как будто мне рывком
Плечо подставил кто-то,
И сердце широко, как море, стало вдруг.

И солоней, чем соль, текло дыханье вала,
Хлестало по лицу и проникало в грудь,
Передо мной, как сон, Абхазия вставала,
Вся златосолнечна — от счастья не вздохнуть!
Заботы отошли, и сердце, молодея,
Не чувствует былых печалей и обид...
Как будто я стою у входа в сад Медеи,
Где правит пир лазурь и миррою поит.
И где-то далеко гремели трубы «Арго»;
Запятнан кровью жертв и солнцем опален,
Заветное руно, пылающее ярко,
Навеки увозил коринфянин Язон!
Сверкали цепи гор, на солнце раскаленных,
И ветер пролетал, благоуханно пряно;
Багряные лучи на дальних небосклонах
Сжигали паруса, ушедшие в туман.
Догадывался я: здесь Нурадин-Фридона,
Должно быть, в первый раз и встретил Таризл.
Чудесный вестник-негр отсель во время оно
С посланием любви в Каджети полетел.
Чтоб, разрывая мрак бездонного провала,
Влюбленному ответ издавека принести —
Омытый морем слез обрывок покрывала,
Как облака клочок и утешенья весть.
Кто радости такой не жаждал! В жаркой дрожи
Кто не бросался ниц! В мираже огневом
Кто не блуждал, томясь! И сердце у кого же
Не таяло от слез, да будь он даже львом...
Ведь я и сам — любовь, я — только песнопенье,
Земли грузинской песнь! И, словно плач навзрыд,
Дождь золотой кипит, свои потоки пеня,
И жаждет плоть моя и в золоте горит.
И я хочу бродить, подобно Таризлу,
В просторах голубых... Не отвратить судеб!
И в сердце — та же страсть, и сердце обгорело,
Смертельно ранен я и от любви ослеп, —
Но благодарен я той воле благосклонной,
Вручившей душу мне для солнечной земли,
За то, что светлый день венчал меня короной
И в сердце небеса незримо жить могли.

121.955

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკა
საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკა

Когда ты умирал, — должно быть, выбив ставни,
 Врывался в окна вихрь, пронзающий насквозь,
 Твой ветер — тот Сапфир, души мучитель давний...
 Зачем спешила смерть и сердце ей сдалось?!
 Не дышишь! Холод жгуч, на очи и на плечи
 Колющий сыплют лед, и слышен шум в гробу...
 И одиночество, и капель стук, и речи
 Терзают ли тебя, клянешь ли ты судьбу?
 Сейчас в твоей груди умолкнувшую лиру
 Звучанье новое разбудит, чтобы ты
 Смог выразить в словах, передавая миру,
 Сердцебиенья боль и все твои мечты!
 Неужто тишины, в тебе царящей ныне,
 Не смоеет скрытый там, за ледяным челом,
 Водоворот огня — друг друга не обнимем,
 И больше никогда не вспомним о былом?!
 Чтоб радостен был мир и дружбою украшен,
 Всегда желанна жизнь и сладостна любовь,
 Чтоб влагой чистых слез в уединеньи нашем
 Поэзия глаза нам обжигала вновь.

1944

ЛУКАВЫЙ ГОСТЬ

Под бархатом лунным —
 Лепет
 И шелест,
 И блеск росы...
 Без усталости кто-то лепит
 В эти ночные часы
 Цветы на лугах сонливых
 И треплет и здесь, и там
 Овчину озябшей нивы,
 И носится по полям.
 Да, это ему
 спросонок
 Я дверь отворил на звонок.
 Голубоглазый ребенок
 Так робок и одинок.
 Сказал, что луна качала

Его колыбель
И во сне,
Сурова и величава,
Велела прийти ко мне.

Он просит:

«Выйдем из дома!»
...Гость за руку крепко взят,
Забыта ночная дрема...
Нас розами встретил сад,
Мерцающий и блестящий...

И вдруг ребенок исчез.

Растаял в цветущей чаще...
Да это — обманщик, бес!
Как он исхитрился, однако,
Заставил покинуть постель!..
Но ландыш, незримый досель,
Сказал, подмигнувши из мрака:
«Ах, глупый поэт, зевака!
Да это же — сам апрель!»

1972

ВЕСНА В ТБИЛИСИ

Обошла переулки украдкой
И фиалками вышила след...
Бирюзовою кровлею шаткой
Весь Тбилиси накрыт и согрет.
Ты — как милая мать предо мною,
Крепость предков! И, полон любви,
Я хочу это сердце больное
Уронить на колени твои!
Ты прими меня, жаждой не мучай!
Чистота твоя сердцу мила,
Так седая скалистая круча
Заточенного манит орла.
Мой Тбилиси, поющий спросонья,
Ты — как чаша с церковным вином!
Этот белый и грузный Сиони
Словно в сердце воздвигнут моем!
В блеске чуда, в дурмане всесилья,
Грезя морем фиалковых груд,

Верю вновь, что могучие крылья
На разбитых плечах прорастут.
Как ребенка, руками своими
Обними меня, к солнцу подбрось,
Чтобы сердце, твердя твое имя,
От весеннего звона рвалось.

1926

ПЕСНЬ ОРФЕЯ

i

Как солнце жгло, с каким огнем во взоре
Луна глядела?.. Ночью или днем
Впервые «Арго» показался в море,
Наполнив блеском синий окоем?!
Он так прекрасен был в своем разбеге,
Как лебедь бел, как облако летуч.
Воспламеняя воинов доспехи,
Скользил по меди солнца первый луч.
И сказочна, волшебна, баснословна,
Их ослепляла, издали видна,
Лелеявшая золотого овна
И золото рождавшая страна.
Но золота заветного чудесней —
Мелодии колхидской колдовство...
И музыка, и страстность этой песни
Измучили Орфея самого.
Вот он привязан к мачте, и сирены,
Пронзая звуком глубину сердец,
Поют, надменны и самозабвенны...
В саду Медеи плачешь ты, певец!
...И золотом похищенным владея,
И твердость рук и луков испытав,
Домой плывут... Оставлена Медея,
Забыта горечь плачей и отрав.
И встретили торжественные трубы
Корабль с добычей. Гимнов череда,
Все покрывая, заглушила грубо
Мелодию чужую — навсегда!

Веков утихли гулы, и накрыла
Вода Колхиду, но с морского дна
Вновь льется звук таинственный и милый,
И необычно светится луна.
Иное чудо и другие виды!..
Мир солнцем новорожденным согрет,
Равнина заболоченной Колхиды
Как будто вновь рождается на свет!
Забыв тысячелетия печали,
Земля поет и, свергнув гнет воды,
Спешит согреться первыми лучами,
Вливает сладость в первые плоды!
Как будто золото, снившееся дедам,
Тем из потомков отдает она,
Кто новой жизни теплоту изведаль,
В ком зыблется незримая струна.
И внемлет пенью богатырь-крестьянин,
Страны хозяин, гордый силой рук.
Звучит напев, которым в сердце ранен
Был сам Орфей, и вечен этот звук.

1937

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Соломон ДЕМУРХАНАШВИЛИ

СОЛНЦЕВОРОТ

ЗИМА в Баку все еще упорствовала. Стояли ветреные дни. Каспийское море бушевало и с ревом билось о берег.

В ожидании Авеля Ладо Кецховели считал минуты и не находил себе места. Ночевал он в комнате Авеля, куда пробирался украдкой, словно вор, чтобы никто ничего не заподозрил. По вечерам он посещал тайные кружки, днем большей частью сидел за перти и читал.

Ладо еще в январе узнал о том, что в Германии Ленин издал газету «Искра», которая проникла в Россию и в скором времени стала распространяться по всей империи. Ладо давно мечтал заполучить эту газету, и вот как раз в те дни, когда Апель был в Тифлисе, с помощью Красина ему удалось раздобыть первый номер «Искры». С бесценной добычей за паузой, в лихорадочном нетерпении, словно мучимый голодом человек, раздобывший кусок хлеба, спешил Ладо в комнатку Авеля, чтобы с головой погрузиться в газету, о которой так много слышал.

«Насущные задачи нашего движения» — так называлась ленинская передовица. Ленин ставил вопрос о создании хорошо организованной, неразрывно связанной с рабочим движением марксистской партии, партии, без которой рабочий класс не сможет выполнить свою великую историческую миссию: освободить

---

* Предлагаемый читателю фрагмент из романа Соломона Демурханашвили «Солнцеворот» посвящен жизни и деятельности известного революционера Авеля Енукидзе.

самого себя и весь народ от политического, экономического и духовного рабства. Лозунгом для газеты служила известная строка из послания декабристов к Пушкину: «Из искры возгорится пламя».

Ладо дважды перечитал «Искру» от корки до корки и пришел в сильнейшее волнение: вот что надо было бы напечатать в первую очередь, если бы у них был печатный станок! Но дело с типографией затягивалось. Ладо теперь бегал на почту по два раза в день — спрашивал депешу из Тифлиса. Наконец на третий день пришла телеграмма от Авеля. Из намеренно запутанного текста он понял, что все было в порядке и с Авелем едет кто-то, знающий типографское дело. Ночь накануне приезда Авеля казалась бесконечной. Утром Ладо встретил друзей на вокзале, но даже не заговорил с ними, чтобы не вызывать никаких подозрений. До конспиративной квартиры добирались по-рознью.

Кецховели искренне обрадовался встрече с Ваном Болквадзе. Во-первых, это был испытанный и надежный товарищ, во-вторых, типографское дело знал как свои пять пальцев и работал за троих.

Ладо расцеловал смущенно улыбавшегося Болквадзе и весело воскликнул:

— Ну и возмужал же ты у нас, сорванец!

В Тифлисе, где они вместе работали, Ладо ласково называл Вану Болквадзе «сорванцом». Вану, все так же смущенно улыбаясь, глядел в заросшее бородой лицо Кецховели, которое и в минуты радости сохраняло выражение упрямой целеустремленности.

— Как поживают товарищи в Тифлисе? Что там нового?

— В августе была большая забастовка, многих арестовали. Весь город на ноги поднялся.

— Знаю, мы тут об этом слышали, читали.

— А вы-то сами как, товарищ Ладо?

— Да ничего, живу как зверь, которому охотники на пятки наступают, — Ладо поглядел на Авеля, присевшего на тахту и с трудом стягивавшего с ног сапоги. — Ну, что скажешь нового? Какие вести привез? Получилось что-нибудь?

Авель скинул один сапог и со вздохом облегчения выпрямился.

— С помощью Ваню я выполнил почти все поручения. Мы привезли деньги, необходимые детали для типографии и прокламации для печатания.

— И прокламации тоже привезли? Прекрасно, Авель! Вот там, — Кецховели указал на единственное в комнате окно, где возвышалась груда книг, — лежит выпущенная Лениным газета «Искра». Прочти непременно, она нам еще очень и очень понадобится.

— «Искра»? — широко раскрыл глаза Авель. Он тоже знал об этой газете и ему не терпелось увидеть ее наконец. Он быстро снял второй сапог, откинул падавшую на лоб каштановую прядь и поспешил к окну, чтобы взять газету.

— Авель, — сказал Ладо, — ты еще успеешь все прочитать, а сейчас нам необходимо решить одно очень важное дело. Сегодня же вечером мы должны перенести печатный станок.

— Сегодня? — удивился Авель.

— Именно. И как только стемнеет. Сколько вы привезли денег?

— Сто рублей.

— Значит, хватит, чтобы выкупить станок. Он стоит всего триста рублей.

Авель взглянул на Ладо и про себя отметил, что друг осунулся за эти дни, глаза ввалились.

«Голодает, — думал Авель, — месяц назад получил двести рублей от брата и копейки оттуда не взял, так как отложил эти деньги на покупку печатного станка».

Авель горько вздохнул и стал обдумывать доставку станка на квартиру: это ведь не прокламации и даже не шрифты, чтобы их можно было спрятать. Нанимать фаэтон? Опасно, извозчик сразу заподозрит неладное. А где взять надежного человека? До сих пор Авель не задумывался над этим, но Ладо...

Думал ли об этом Ладо?

— Как же мы перевезем станок?

— Я три дня этим вопросом занимаюсь. Нашел человека, который даже не знает, что такое типография и печатный станок. У брата хозяина нашей квартиры есть фургон, он развозит по лавкам продукты. Вот на этом фургоне мы и перевезем станок. Вы, ребята, теперь отдыхайте. Я сегодня же все улажу, а вече-

ром примемся за дело. Работа нас ждет большая, связана она с серьезным риском.

— Связана с серьезным риском! — задумчиво повторил Авель слова Кецховели, когда тот вышел из комнаты.

— Может, лучше повременить, — неуверенно проговорил Болквадзе, — в таком деле спешить негоже.

— Ладо уже не переубедишь. И потом, в таких вопросах у него опыта больше. Ты ведь не боишься, Вано?

Болквадзе улыбнулся:

— Эх, мой Авель, чего мне бояться? Одинокий человек крепче камня. Я только боюсь, как бы нам не засыпаться и не провалить все дело.

— Не думаю. Ладо не так наивен, чтобы рисковать без надежды на успех.

Кецховели вернулся в пять часов.

— Все готово, друзья! В шесть меня ждет Шапошников. Вы следуйте поодаль и смотрите, чтобы за нами никто из шпиков не увязался. Если заметите что-нибудь подозрительное, надо менять квартиру, шрифты и станок прятать. В шесть часов я со своим «транспортом» буду в типографии Шапошникова, — с этими словами Ладо молниеносно исчез.

Авель и Вано пешком прошли по Воронцовской улице до типографии и, остановившись на углу, затеяли беседу, изображая случайно встретившихся приятелей. При этом они пристально следили за тем, как был погружен в фургон печатный станок и как «транспорт» двинулся к Балаханской улице. Кеcховели выбирал безлюдные темные улочки. Авель и Вано шли вслед за фургоном, зорко поглядывая по сторонам.

Когда фургон отъехал от типографии, Ладо прикрыл драгоценный груз старой, вытертой буркой и сам взялся за поводья, возница же шел за фургоном. Авель и Вано останавливались у каждого перекрестка, оглядывая тротуары и мостовые. Нет, подозрительного ничего не было. Навстречу попадались редкие прохожие, и на фургон они никакого внимания не обращали.

Не мешкая, внесли станок в дом. Ладо вручил вознице две бутылки водки.

— Он ни о чем не догадался? — спросил Амель, когда Ладо запер за собой дверь и вздохнул с явным облегчением.

— Кажется, нет. Только спросил, что это мы везем такое тяжелое. Я сказал, что это деревообрабатывающий станок, брат, говорю, приедет из Персии и заберет его.

Никто не сомневался, что Кецховели всегда придумает убедительный ответ.

— Ну, Ваню, — весело сказал Ладо, — теперь дело за тобой и за этой машиной.

Ваню, улыбаясь полными, как у негра, губами, ходил вокруг станка, ласково поглаживая его руками. Печатный станок далек был от технического совершенства, но они и такому были рады. Главное, что у них в руках было оружие, с помощью которого они донесут слово правды до тысяч угнетенных и обездоленных, разбудят их и поднимут на борьбу.

Кецховели еще раз перечитал привезенную из Тифлиса прокламацию. В ней речь шла об августовской забастовке тифлисских рабочих, о ее итогах и дальнейших перспективах.

«Правда, последнее наше сражение было острым, — гласила прокламация, — наша последняя схватка с врагом была страшной. Правда и то, что битва эта закончилась не в нашу пользу и вместо победы, незачем скрывать, принесла нам поражение, но это ничего не значит. Волков бояться — в лес не ходить, гласит русская поговорка. Кто боится поражения, тот должен бояться и борьбы, этого единственного средства освобождения.

Да, в борьбе и только в борьбе спасение, товарищи. Примирение для нас невозможно, борьба — неизбежна. Так приготовимся, товарищи, к этой борьбе с еще большей сознательностью, с еще большим единством».

Кецховели решил перевести прокламацию на русский и напечатать ее на двух языках.

Ему не терпелось посмотреть, какие получатся оттиски на том и другом языке.

— Пока лишь нам троим будет известно местонахождение станка, — сказал Ладо, — не говорите об этом даже самым близким людям.

Слово Кецховели было законом, и нарушивший его считался предателем. Все трое хорошо это знали.

— Если ты не против, — обратился Ладо к Авелю, — эту ночь я проведу у тебя. Сделаем перевод прокламации, чтобы Ваню мог утром набрать текст.

— Гость от бога, — улыбнулся Авель, — об этом можно не спрашивать.

Они закрыли ставни, надежно заперли дверь и покинули будущую «типографию».

Улочка была безлюдной. В маленьких, сложенных из необожженного кирпича лачугах тускло мерцали огоньки. На небе, расчищенном ветром от туч, светила яркая, холодная луна.

Три тени бесшумно двигались по направлению к железнодорожному поселку.

— По-моему, все в порядке, — заметил Ладо, когда они миновали Балаханскую улицу, — нас никто не заметил, теперь главное, друзья, как будет работать машина.

— Это мы завтра узнаем, — откликнулся Ваню.

— Ты думаешь, мы завтра успеем ее испытать?

— Думаю, что успеем.

И в самом деле, наутро, когда Авель пошел в депо, Ваню поспешил на Балаханскую улицу, прихватив с собой русский текст прокламации, приготовленный за ночь, и приступил к набору. К полудню Кецховели доставил бумагу. Грузинский текст был уже готов, и Ваню занимался набором русского. Через полуприкрытые ставни с трудом пробивался неяркий дневной свет.

— Сегодня уж, так и быть, закончим, а впредь работать будем только по ночам, — сказал Ладо, — днем это опасно. Надо запастись керосином.

— Мне тоже так кажется, — согласился Ваню, — мы очень рискуем.

Вечером появился Авель. Кецховели и Болквадзе как раз приступали к печатанию. От усталости они едва держались на ногах. Появление Авеля и принесенный им ужин — сыр, колбаса, хлеб и бутылка водки (в честь радостного события) были как нельзя кстати.

— Не знаю, как ты, товарищ Ладо, а я проголо-

дался как волк. Думаю, и вам не меньше моего есть хочется!

— Я ждал Авеля, знал, что он не придет с пустыми руками. У меня же, чего греха таить, в кармане ни гроша!

Станок был почти налажен. Оставалось нанести краску и приступать к печатанию. Ладо сгорал от нетерпения. Он куска не мог проглотить, не убедившись прежде, что печать получается четкая.

— Еще минуточку, ребята! Только взглянем, что у нас выходит, а потом сядем за стол и покутим на славу!

Вано, занявшийся было ужином, вытер руки о фартук, прибавил в лампе огня и вернулся к станку. Ладо и АVELь, затаив дыхание, следили за спокойными, размеренными движениями наборщика. Вот он запустил станок и через минуту показал листок бумаги с оттиском. Печать получилась что надо — четкая, ясная, придраться не к чему! Вано заложил второй лист и отпечатал на сей раз русскую прокламацию. И здесь все было в порядке...

Не так часто выпадают мгновенья полного, ничем не омраченного счастья. В жизни этих троих — Ладо, Авеля и Вано сейчас наступили минуты вот такого полного счастья.

Всегда сдержанный, строгий Кецховели на сей раз не удержался и крепко расцеловал товарищей.

Взволнованные и радостные, сели они за стол. В этот час будущее рисовалось им в самых радужных тонах, цель казалась близкой как никогда.

Работали они, не поднимая головы, до рассвета. Сложили русские и грузинские листовки пачками и тихонько разошлись, чтобы вечером собраться на квартире у Виктора Бакрадзе и составить дальнейший план действий. Было решено все прокламации — уже напечатанные и те, которые будут печататься впредь, отправлять в Тифлис, чтобы бакинская полиция не заподозрила, что типография находится здесь. Все лишнее следовало перевезти к Виктору Бакрадзе, ибо печь была только у него, и там сжечь. Отправку готовой продукции и получение материалов для печати возложили на Авеля Енукидзе.

В один из октябрьских дней 1901 года Авель получил письмо от отца:

«Здравствуй, дорогой наш сыночек Авель! Шлем тебе привет от всего нашего родительского сердца. С поклоном к тебе брат твой Серапион, наши домашние и добрые соседи.

Сынок Авель, после того как получили мы в августе твое письмо, ничего о тебе не знаем. Неужто так охладело к нам твое сердце?! Мы пишем тебе уже третье письмо, а ответа все нет и нет. Матушка твоя места себе не находит. Даже во сне твое имя твердит. Что за времена такие настали, когда дети при родителях жить не хотят! Ты сообщал, что переходишь на другую работу, так уж переезжал бы к нам поближе, мы бы тогда и горя не знали!

Сынок Авель! Мы живем — на судьбу не жалуемся. Нынешний год урожай сняли неплохой — семь коди¹ отборного зерна. На обмолот одолжили быка у Илико, запрягли с нашим на пару и так справились. И виноград уродился на славу. Та корова, что мы о прошлом годе купили, нынче сама телочку принесла. Этой осенью Спиридон жениться надумал. Да, забыл сказать тебе — его орденом наградили, святой Анны третьей степени. Вот чьи родители могут со спокойной совестью сказать: мы вырастили доброго сына. И начальство его ценит!

Сынок Авель, коли уж приехать не можешь, так хоть пиши старикам. Я надеюсь, что ты порадуешь нас и не дашь родителям помереть, с тобой не повидавшись.

Пишет отец твой
Сопром Енукидзе».

День был воскресный. Накануне всю ночь Авель провел за печатанием прокламаций. Разошлись они только под утро, а сегодня надо было отправлять литературу в Тифлис. С тех пор как начала работать подпольная типография, нагрузка у всех резко возросла. Особенно доставалось Ладо и Авелю. Им приходилось править корректуру. У Ладо так уставали глаза, что

¹ Коди (груз.) — мера веса, равная 2¼ пуда.

121.555

3023110333
6 0 1

он вынужден был прибегнуть к помощи очков. После занятий в кружках они по очереди работали в типографии. Спали по несколько часов в сутки. Утром Абель снова спешил в депо. Конечно, уставал, но чувствовал себя счастливым как никогда. Знал, каждая брошюра, газета, листовка, напечатанная ими, была настоящей бомбой для правительства.

Письмо из деревни захватило его врасплох. «Неужто так охладело к нам твое сердце!». Эти слова не давали покоя. Несмотря на бессонную прошлую ночь, Абель не мог заснуть, ворочался с боку на бок. Перед глазами, как живой, стоял отец — сильный, широкоплечий, глядел с немим укором...

И еще видел Абель гумно, залитое щедрым солнцем, золотистые снопы, примятые молотильной доской, и сердце его, истосковавшееся по родной земле, сладко заныло.

Нет, Абель ничего не забыл. Напротив, скучает и по дому, и по близким... Разве забудешь горы, обступившие со всех сторон родную деревню! Но Сопром все равно не поймет, что придает Авелю силы, что помогает ему выдерживать разлуку с любимой родиной.. От Этери он тоже получил два письма и ответ послал, обнадеживал ее, утешал, надеялся на скорую встречу. Но типография теперь отнимала все силы и время. Уже восемь месяцев не был он в Тифлисе. За эти восемь месяцев работа развернулась с такой мощью и широтой, о которых можно было только мечтать. И все это благодаря энергии и самоотверженности Ладо Кецховели.

В Баку революционные идеи нашли поистине благодатную почву. Они проникали в массы трудящихся и порождали в их сердцах горячий отклик.

Баку все больше привлекает к себе внимание как растущий и крепнущий центр борьбы за свободу...

За истекшие восемь месяцев события развивались следующим образом.

Примерно через месяц после организации подпольной типографии Ладо объявил:

— Товарищи, я считаю, что нужно переводить печатный станок в другое место. Мне кажется, соседи за нами следят.

Как чуткий зверь ощущает опасность, так и подпольщики чуяли недоброе. Их ночные бдения и дневные отлучки явно привлекали внимание соседей. Ведь известно, что человек — самое любопытное из всех созданий природы! Все-то ему нужно знать: почему в доме всегда наглухо закрыты ставни, почему ночью сквозь них просачивается свет, что делают постояльцы по ночам и куда они исчезают днем?

Одним словом, решили съезжать с Балаханской улицы и временно перевезти станок к Николозу Долидзе.

Интересная революционная биография была у двадцативосьмилетнего Долидзе. Отчисленный из духовной семинарии за бунтарские настроения, он попал в монастырь. Вскоре оттуда бежал и начал работать на батумской фабрике Манташева, где подружился с Эгнатэ Ниношвили и Миха Чодришвили. Они вместе снимали комнату, вместе проводили нелегальные рабочие сходки. Уволенный с фабрики за участие в забастовке, Долидзе продолжал революционную деятельность в Тифлисе. В 1900 году по заданию Тифлисского комитета он отправился в Баку, где распространял грузинскую революционную прессу среди рабочих-грузин. По заданию же комитета Долидзе открывает в Балаханском районе ресторан. Ресторан существовал для отвода глаз, на самом же деле здесь идет серьезная работа и главное — стоит печатный станок. Однако проходит совсем немного времени — всего несколько месяцев — и Ладо ставит вопрос ребром:

— С этим станком мы далеко не уедем, товарищи! Нам нужна настоящая машина, американская!

Все промолчали, так как прекрасно понимали, каких денег стоит хорошее типографское оборудование. Но Ладо стоял на своем:

— Я сплю и во сне вижу, как мы печатаем тысячи листовок, брошюр, газет! Нет, я не успокоюсь, пока не добьюсь своего!

Для приобретения такой дорогой машины, помимо огромных денег, требовалось еще многое другое — в частности, разрешение губернатора. Кецховели взял на себя все хлопоты и заботы, поэтому организация на время освободила его от прочих многочисленных дел и обязанностей.

Прежде всего Ладо отправился в Тифлис в город, где жандармерии во сне и наяву мерещился неуловимый революционер. Там Ладо повидался с друзьями, раздобыл губернаторский бланк, необходимый для приобретения типографского оборудования, и снял с него копию. Примерно через месяц разрешение на имя Давида Иосифовича Деметрашвили было готово. Бумага за подписью бакинского губернатора Свечина гласила, что г-ну Деметрашвили разрешается открыть типографию в одном из городов Закавказья.

Кецховели явился к владельцу одной из типографий — Промышлянскому и выбрал далеко не новую, но зато современную и надежную печатную машину. После долгих препирательств продавец и покупатель сошлись на сумме в девятьсот рублей. Больше Промышлянский уступать не желал. Кецховели снова обратился за помощью к верным друзьям, собрали восемьсот рублей.

— Теперь ты должен выручить нас. Авель, — в один прекрасный день заявил Ладо, — на тебя вся надежда.

— Чем я-то могу помочь? — удивленно пожал плечами Авель.

— Тебе придется сменить место работы. Я уже говорил с Красиным. Ты перейдешь к нему, у тебя больше времени будет оставаться для революционной работы, в частности — для типографии.

— Прекрасно, но как это поможет нам приобрести машину?

— А вот как, — понизил голос Ладо и доверительно положил руку Авелю на плечо, — когда ты возьмешь в депо расчет, я думаю, ты получишь как раз нужную сумму.

Авель согласился без всяких колебаний. У Красина на «Электросиле» работало большинство революционеров, и Авеля вполне устраивало их общество.

При расчете в депо он, действительно, получил изрядную сумму за сверхурочные рейсы и ремонт паровоза. Таким образом, вопрос с новой типографией был улажен. Через два дня машину перевезли на Воронцовскую улицу в дом сумрачного, немногословного Али-Бабы.

Как правоверный мусульманин Али-Баба жил жизнью замкнутой, скрытой от посторонних глаз. Ни кому и в голову не придет зайти без разрешения в его двор, огороженный глухим забором... Али-Баба не говорил по-русски, в политике не разбирался и с политикой сношений не имел. Все это устраивало Ладо, поэтому он и выбрал дом Али-Бабы для тайной типографии. Через несколько дней сдержанный, вежливый Кецховели так подружился с хозяином, что тот клялся его именем... Надо отдать должное этому мусульманскому обычаю — назвав человека другом, они сохраняют ему верность до конца, что бы ни случилось...

— Аллахом клянусь, Ладо — мой брат, а для брата я даже крови своей не пожалею, — любил повторять Али-Баба.

— Ты бы, Ладо, научил сынишку моего Нури книги печатать, я хочу, чтобы он стал таким же грамотным и мудрым человеком, как ты.

Ладо охотно согласился, и мальчик целыми днями крутился возле печатной машины. Авель и Ваню баловали его, угощали сладостями.

А дело тем временем шло.

Листовки из дома Али-Бабы на грузинском и русском языках расходились по всему Закавказью, а хозяину дома и в голову не приходило, что его вежливый и тихий постоялец замышляет что-то против царя и правительства...

Бакинская типография поднимала на борьбу все Закавказье. Именно в этот период в Баку сформировался комитет Российской социал-демократической партии. Комитет в скором времени наладил контакт и переписку с редакцией ленинской «Искры». Группа искровцев приняла решение издавать грузинскую газету «Брдзола» («Борьба»).

Джибладзе и Жордания выступили против издания в Баку грузинской газеты, да еще нелегальной, но Кецховели не так легко было сбить с намеченного курса:

— Джибладзе и Жордания — предатели, — скрипел зубами Кецховели, — я плевал на таких революционеров! Легальный марксизм доходит до народа выпотрошенным, лишенным души и огня. Мы все равно будем издавать газету, что бы они там ни болтали!

В декабре на переговоры прибыла из Тифлиса группа рабочих. На явочной квартире, где жил Кецховели, состоялось собрание, на котором то и дело вспыхивали споры. Тифлисская делегация пыталась убедить Ладо Кецховели и других бакинских товарищей, что они затевают убыточное дело, обреченное на провал, что если уж бакинцы так настаивают на своем, то пусть тогда редакция газеты находится в Тифлисе, а бакинская группа возьмет на себя техническое выполнение решений Тифлисского комитета. В конечном итоге Кецховели удалось убедить рабочих в необходимости издания в Баку нелегальной газеты. Делегация с этим мнением и возвратилась в Тифлис. Однако оппортунистическое крыло Тифлисского комитета упорно сопротивлялось. В Баку был командирован Севериан Джугели — друг юности Кецховели. Это была последняя попытка и последняя надежда тифлисцев переубедить неистового Ладо.

Джугели — невысокий, длинношей, с выдвинутым вперед лбом и крючковатым носом, не вызывал у Авеля ни доверия, ни симпатии.

Ладо встретил радушно старого друга. Он прекрасно знал, с какой миссией прибыл в Баку Джугели, но держался так, будто ни о чем не догадывался. Это обескуражило «посла» с самого начала. Когда он, наконец, коснулся наболевшего вопроса, Ладо был резок и непримирим:

— Оставьте меня в покое, иначе я прерву с вами все отношения.

Джугели вернулся в Тифлис несолоно хлебавши. Оппортунисты отныне хранили молчание — как воды в рот набрали.

А «Брдзола» вот уже сколько времени сотрясает основы самодержавия, сеет ненависть к угнетателям. Тифлисская и бакинская жандармерия ломала голову: где печатаются «Искра» и «Брдзола», где находится типография «Нина»?

Вот так и шла жизнь Авеля в последние месяцы. Сегодня он должен пойти к Софье Гинзбург и забрать у нее новые матрицы «Искры». Авель ждал Вану Стуруа — они вдвоем обеспечивали прием и отправку нелегальной литературы. Вану запаздывал, и Авель уже несколько раз в нетерпении выглядывал на улицу.

Вано все не шел. Тогда Авель подумал, что с ним что-то случилось, и решил идти к Софье Гинзбург один. Только он надел пальто, как вошел запыхавшийся и взволнованный Вано Стура.

— Мы пропали, Авель! Софья Гинзбург арестована.

— Как арестована? За что?

— Ящик с матрицами при пересылке оказался поврежденным и привлек внимание таможни. Не разобравшись, что к чему, таможенники передали ящик в жандармерию. Сегодня утром Софью Гинзбург арестовали.

— Ладо знает об этом? — спросил Авель.

— Ладо нигде нет — ни дома, ни в типографии.

— Тогда пошли, — сказал Авель, и оба поспешно вышли на улицу.

* * *

Арест Софьи Гинзбург приостановил работу типографии.

— Сейчас нужно быть особенно осторожными, — говорил Кецховели Авелю и Вано Стура.

Они прекрасно понимали, что, заполучив матрицы «Искры», жандармерия ринется по свежим следам, как гончая, учуявшая добычу. Необходимо было эти следы запутать и ликвидировать.

Вот уже несколько месяцев тифлисская жандармерия ломала голову над тем, где же выходит газета «Брдзола», где работает нелегальная типография «Нина» — в Тифлисе, Кутаисе или вообще где-то за пределами Грузии. Может, они и подозревали, что газета выходит в Баку, но никаких доказательств до сих пор обнаружить не удавалось.

Теперь, когда им в руки попали матрицы «Искры», неизвестно, догадаются ли они, что типография существует в Баку. Ладо и Авель считали, что одного этого обстоятельства недостаточно. Конечно, подозрения жандармов относительно Баку укрепятся, но веским аргументом одни только матрицы служить вряд ли смогут. А на след типографии сыщики еще не напали.

«Если мы попадемся — не беда, — говорил Ладо, — главное — спасти типографию».

Авель вспоминал, каких трудов и усилий, расходов и хлопот стоила им «Нина»! Сколько пришлось преодолеть препятствий, испытаний. Провал дела, налаженного с такими трудностями, был бы серьезнейшей неудачей. Они прекратили хождение в типографию и с волнением ждали, как поведет себя Софья Гинзбург во время допросов.

А допрос происходил так:

— Что было в посылке?

— Понятия не имею, что там было и от кого она, — пожимала плечами Софья Гинзбург.

Она и в самом деле не знала, ибо таких посылок на ее имя приходило множество с тех пор, как она связалась с группой революционеров. Ее квартира стала убежищем для преследуемых, а на ее адрес то и дело приходили шифровки и посылки. Так откуда было знать скромной зубной врачихе, что на сей раз содержалось в посылке — запрещенная литература, матрицы, шрифты или оружие!

Через несколько дней Софью Гинзбург освободили. Кецховели строго предупредил Авеля и других товарищей, чтобы они близко не подходили ни к типографии, ни к дому Гинзбург. Он не сомневался, что полиция следит за каждым шагом подозреваемой.

Но что делать дальше? Как выйти из создавшегося положения?

Ладо искал и не находил ответа на эти вопросы.

— Может, спросим совета у «Искры»? — предложил Авель, и Ладо тотчас просиял, благодарно взглянув на друга.

Медлить было нельзя — они срочно сообщили о своих затруднениях «Искре» и через несколько дней получили ответ: временно приостановите работу, берегите типографию, сохраните ее во что бы то ни стало, пока распространяйте литературу, прибывающую из-за рубежа.

Прошло больше месяца. В Баку все оставалось спокойным, и типография заработала снова. Но теперь работы было меньше, так как доставка материалов из-за границы прекратилась. Бакинцы днем и ночью ждали от искровцев сообщения, что литература для них отправлена. Раньше это делалось так: через французское морское агентство «Паке» бакинцы получали

сообщение, с каким пароходом отправлена марксистская литература. В Батуми товарищи встречали драгоценный груз и переправляли его в Баку. И вот, наконец, в первых числах марта было получено сообщение: встречайте тогда-то такой-то пароход... Это почетное и опасное задание доверили Авелю.

И вот опять знакомый поезд, направляющийся в Грузию, привычное волнение, всегда охватывавшее Авеля в преддверии встречи с родиной.

Поезд «Баку—Тифлис» подходит к Навтлугу. Неистовствует март, дует пронизывающий ветер, сыплет мокрый снег. Небо хмурится, город погружается в сумерки, хотя до вечера еще далеко.

Как назло, поезд опоздал на целых два часа. Авель надеялся, что до пересадки на батумский поезд успеет забежать к Гвелесиани. О, как соскучился он по Этери, как мечтал хотя бы раз взглянуть на нее, поговорить с ней, услышать из ее уст пусть даже слова упрямка!

Тифлисский вокзал многолюден, несмотря на мартовскую непогоду. Как всегда, суетятся отъезжающие, мечутся по перрону встречающие, растерянно озираются вновь прибывшие.

Авель, подняв воротник пальто и крепко сжимая ручку маленького чемодана, уверенно устремился к залу ожидания. Он не глядел по сторонам, ибо никого не ждал и вообще избегал встреч со знакомыми. Ему надо было срочно узнать, когда отходит батумский поезд. Интересно, успеет ли он зайти к Этери?

— Батумский уходит через час, сынок, — любезно сообщила седая доброжелательная женщина, ласково ему улынувшись. Авель помрачнел и кинул безнадежный взгляд в сторону кассы, от которой тянулся длинный хвост очереди. Не меньше получаса уйдет только на приобретение билета. Авель занял очередь — и стал вместе со всеми медленно продвигаться к узкому окошечку. Билет он получил только в половине седьмого.

В зале ожидания, куда вошел Авель, от скопления людей было тепло и даже душно: стоял запах мокрой шерсти или овчины. Авель пробрался к окну и посмотрел на город. На темном небе смутно вырисовывался силуэт Мтацминды. В гостинице, выстроенной возле вок-

зала, зажглись люстры. Авель так пристально взгляды-
вался в здания, очертания которых уже утратили чет-
кость в густых сумерках, словно пытался найти зна-
комый дом, в котором жила Этери. Если бы она зна-
ла, что Авель в Тифлисе, прибежала бы сюда —
ведь это совсем близко, два шага!

«Интересно, получила ли она мое последнее пись-
мо?» — подумал Авель. В этом письме он писал, что
ему предстоит поездка в Тифлис и что он с нетерпе-
нием ждет встречи. Авель тогда уже знал, что его
пошлют в Батум и что ему придется быть проездом в
Тифлисе.

Люди в зале ожидания засуетились, стали соби-
рать вещи — видимо, подали батумский состав. Авель
вздыхнул и, покрепче сжав ручку чемодана, поспешил
следом за всеми. Ему не терпелось поскорее подняться
в вагон, лечь на полку и остаться наедине со свои-
ми мыслями. Авель любил думать, любил мечтать о
прекрасной грядущей жизни, за которую он боролся
и страдал. Если бы Этери знала, какое их ждет сча-
стье, когда сгинет этот проклятый прогнивший мир
и на его месте расцветет новая свободная жизнь! Как
хочется Авелю, чтобы Этери поняла это, прониклась
верой и набралась терпения...

Поезд, мерно покачиваясь, несется во мраке, Аве-
ля все глубже затягивает водоворот мыслей и мечта-
ний, но вскоре усталость берет свое, и он незаметно
засыпает.

— Вставай, друг, приехали! — кто-то трясет Аве-
ля за плечо. — Мы уже в Батуме.

Авель протирает глаза, смущенно улыбается незна-
комому пассажиру и выглядывает в окно. Его изум-
ленному взору предстает бескрайнее море, возникшее
словно по мановению волшебной палочки.

— Спасибо! — еще раз улыбнулся он незнакомцу
и стал собираться. Утро после дождя было ясным и
светлым. В теплом воздухе ощущалось веяние весны,
всегда волновавшее Авеля. Он сразу вспомнил свои
юные годы, поездку в Гурию, бедного мечтателя То-
ма Бабилодзе. Только тогда стояла настоящая весна,
все уже расцвело и было куда красивее! И Тома Ба-
билодзе, и Эгнатэ Ниношвили пали жертвой жестокой,
несправедливой действительности.

Поезд замедлил ход. Море осталось в стороне. Теперь вокруг были только дома. Авель с любопытством смотрел на город и мысленно сравнивал его Баку. Маленький уютный Батум казался цветущим садом по сравнению с грязным, лишенным зелени промышленным центром.

Поезд остановился. Первым делом Авелю нужно было повидать Карло Чхеидзе, чтобы с его помощью провести эту рискованную операцию.

— Помни, Авель, тебе следует быть начеку, — напутствовал его Кецховели, — я на тебя надеюсь.

Товарищи собрали немного денег и почти насильно всучили их Авелю.

Выйдя в город, Авель пошел вдоль набережной. Увидев в витрине свое отражение, провел ладонью по заросшим щекам. «Как увижу цирюльню, непременно побреюсь!» — подумал он. И еще надо было узнать, где находится контора агентства «Паке». В глаза ему бросилась вывеска, на которой корявыми буквами было выведено «Цирюльник».

Авель шагнул через порог и очутился в тесной грязноватой комнатушке. Цирюльник только что отпустил клиента и вежливо пригласил Авеля в кресло. В провинции приезжих всегда определяют с первого взгляда и стараются держаться с ними особенно любезно — пусть, дескать, увезут с собой хорошие воспоминания о нашем городе. И потом так хочется узнать, откуда родом вновь прибывший, по какому делу изволил приехать.

Цирюльник был мал ростом, сутул и кривобок.

— Будем бриться? — улыбнулся Авель с порога.

— Пожалуйте в кресло.

Авель сидел перед зеркалом, наблюдая, как хлопчет цирюльник. Он обмотал Авеля чистой простыней, сам надел белый передник, прибереженный для особых случаев, и начал взбивать в тазике пену.

— У вас тут тепло, настоящая весна, — заговорил Авель.

Цирюльник старательно покрыл его щеки мыльной пеной и спросил:

— Вы впервые в нашем городе?

— Впервые.

— А сами из Тифлиса?

— Да, — с небольшой заминкой ответил Абель. —
У меня тут родственник служит в конторе «Паке». Как
мне туда пройти, не подскажете?

Цирюльник ловко орудовал бритвой.

— Контора «Паке» находится на набережной. Вы
пойдете по нашей улице, потом повернете налево... Я
вас случайно не поцарапал?

— Нет. Все в порядке.

— У вас жесткий волос, — цирюльник стал пра-
вить бритву на широком кожаном ремне, — это англ-
ийская бритва, на лету волосок рассекает.

— Да, прекрасно бреет, — Абель немного кривил
душой, чтобы не огорчать старательного мастера.

Свежевыбритый Абель внимательно разглядывал
свое отражение: теперь перед ним был совсем другой
человек — похорощевший и помолодевший.

Он попрощался с цирюльником и пошел по направ-
лению к морю. Море успокоилось и с тихим ласковым
плеском билось о берег. На улице было мало прохо-
жих, и все вокруг дышало тишиной и покоем. Выйдя
на набережную, Абель свернул налево. Едва увидев
голубое здание, украшенное резьбой, он решил, что
это и есть нужная ему контора, и не ошибся.

У входа Абель помедлил — словно только сейчас
ощутил непомерное бремя ответственности на своих
плечах. Поддерживала его надежда на помощь Кар-
ло Чхеидзе. Абель решительно вошел в здание, под-
нялся по лестнице и через минуту сидел перед това-
рищем, от которого столь многое зависело в этой опе-
рации.

Карло все такой же, каким Абель помнил его по
Тифлису. Тонкошей, большелобый, тощий. Глаза
холодные, на лице словно застыло равнодушное вы-
ражение — казалось, прочти ему смертный приговор,
а потом сообщи о помиловании, он и бровью не по-
ведет.

«Разве таким должен быть революционер?» — с
досадой подумал Абель, про себя сравнивая спокойно-
го, неторопливого Чхеидзе с горячим, нетерпеливым
Ладо Кецховели, который уж если любит—так любит,
а ненавидит — так ненавидит!

Чхеидзе поднял голову, уставился на Авеля чуть
косящими глазами и проямлил:

— Это дело безнадежное. Если хочешь носить голову на плечах, оставь эту затею.

Авель онемел от неожиданности. Такого ответа никак не ждал. Значит, ему придется возвращаться с пустыми руками? Туда, где его с надеждой ждут друзья? А тут этот Чхеидзе порушил все его надежды, окатил его ледяной водой своей пресловутой рассудочности.

— Чего бы мне это ни стоило, — твердо проговорил Авель, — и каким бы безнадежным это дело ни казалось, я должен довести его до конца.

Чхеидзе почувствовал, что Авель не пойдет на попятную.

— Раз ты решил жертвовать собой, я укажу тебе один путь. Больше ничего я сделать не в силах. В конторе работает некий Мамед Диасамидзе, он местный, аджарец, дай ему немного денег — он поможет. Только не знаю, доверится ли он тебе.

До сознания растерянного Авеля смутно доходила речь Чхеидзе. Он только запомнил имя: «Мамед Диасамидзе». «Хорошо, я попробую», — сказал он, прощаясь. «Только не знаю, доверится ли он тебе». Но теперь Авелю было не до сомнений и колебаний. Он решил действовать. Вызвал из конторы Мамеда Диасамидзе и отвел его в сторону.

Мамед оказался крупным, ширококостным человеком лет сорока. Он окинул Авеля пронзительным взглядом ястребиных глаз, словно определяя, можно ли ему доверять. Авелю не оставалось ничего другого, как выложить свою просьбу начистоту.

— Кто тебя направил ко мне? — спросил осторожный аджарец.

Авель задумался. Он не знал, что в данном случае лучше — полная откровенность или сдержанность.

— У меня здесь надежный товарищ, Карло Чхеидзе.

— Тогда понятно, — проговорил Мамед, снова ощупывая собеседника цепким взглядом. — Так чем я могу вам помочь?

У Авеля отлегло от сердца. Предприятие оказалось не таким уж безнадежным, и он решил не отступать.

— Вы должны узнать, имеется ли на пароходе интересный нас груз. Кроме того, насколько мне известно, пароход нынче ночью отправляется из Батума. Мы должны нанять лодку и, как только стемнеет, подплыть к пароходу. Повар выйдет на палубу, я назову ему пароль, и он сбросит груз в лодку.

— Все ясно, — коротко отрезал аджарец, — но дело это, сам понимаешь, опасное, один неверный шаг — и ты за решеткой.

— Знаю, — отозвался Авель, доставая из кармана десятирублевку. — Это задаток, когда доставим груз, вы получите еще пятнадцать.

Глаза у Мамеда заблестели, он спрятал деньги в карман и дружески положил Авелю на плечо свою огромную руку.

— Ты погуляй, дружок, а через час приходи снова. Я буду уже все знать. Ты не волнуйся, мы это дело в два счета провернем. Мамед — птица стреляная.

Ровно через час он сообщил Авелю, что интересующий его груз находится на борту корабля.

— Когда стемнеет, мы будем тебя ждать на берегу — нас двое, я и мой друг, мы подплывем на лодке.

...Вечером Авель стоял в условленном месте, откуда хорошо был виден ярко освещенный пароход, готовящийся к отплытию.

Вслушиваясь в мерный рокот прибоя, Авель с нетерпением ждал появления лодки. На небе зажглись первые звезды. Вокруг стояла удивительная тишина, нарушаемая лишь глухими всплесками волны. Там и сям на берегу, безлюдном в этот час и пустынном, вспыхивали огоньки, а перед Авелем расстилалось безбрежное море, погруженное во тьму. И перед лицом этой черной пропасти, грозящей поглотить все и вся, под тяжестью нависшего над головой огромного неба Авель вдруг ощутил страх и безнадежность. Он почувствовал себя ничтожной букашкой в этом безграничном пространстве, и сердце его захлестнула волна тоски и грусти... А лодки все не было видно. Неужели Мамед подведет? Или они попались? Тогда рухнет тщательно продуманный план. Ожидание становилось все более тягостным. Малейший шорох и всплеск заставляли Авеля нервно вздрагивать. Ему мерещилось, что вот-вот нагрянут жандармы, схватят его и уведут. Он

видел отсюда матросов, суеющихся на палубе, — ко-
рабль вот-вот снимется с якоря. А лодки все нет и
нет. Авель чувствует, что терпение его на исходе. Вол-
нение на море усиливается, уже у самых ног разбива-
ются набегающие на берег волны и, коварно шипя, от-
ступают, чтобы собраться с силами и повторить атаку.

Где-то вдали вспыхнул и погас огонек. Авель, на-
прягая зрение, вглядывался во тьму и вскоре увидел
слабый, но вселяющий в него надежду огонек.

Пароход прощально загудел — совершенно очевид-
но покидая порт. Авель места себе не находил — а что
если это опять не они? Он был уверен, что нынешняя
ночь вплела не один седой волос в его шевелюру.

Наконец лодка пристала к берегу. В темной фигу-
ре, отделившейся от ночного мрака, Авель узнал аджар-
ца.

— Ты здесь! Пошли быстрее, — прошептал Мамед,
и Авель молча последовал за ним.

Садясь в лодку, он попытался разглядеть лицо си-
девшего на веслах человека.

— Жми, давай, пароход уходит, — шепотом ско-
мандовал Мамед. Авель подивился, как ловко и бес-
шумно орудовал веслами друг Мамеда.

— Только не курить, — распорядился лодочник,
и Авель впервые услышал его хриплый, низкий голос.

Лодка быстро скользила, приближаясь к пароходу.
Теперь лодочник совсем не пользовался веслами. Лод-
ка покачивалась на волнах, и было непонятно, плывут
они или стоят на месте. Перед ними возвышался борт
парохода. На палубе никого не было видно.

Пароход снова загудел и двинулся в открытое мо-
ре. Лодка бесшумно заскользила рядом. На палубе
метнулась тень.

— Привет Парижу! — негромко крикнул Авель.
Фигура на палубе чуть замешкалась и тотчас исчезла.
Через несколько минут мешок, сброшенный с борта,
шлепнулся в воду. Они подплыли поближе и перетащи-
ли в лодку груз, завернутый в восковку, хорошо обере-
гавшую от воды. Авель положил пакет рядом с собой
и любовно погладил его ладонью.

Лодочник развернул лодку и налег на весла.

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

* * *

Поливаем цветы. Ходим в ЖЭК.
Все под общемою крышей живем.
Но одни — на седьмом этаже,
А другие... на небе седьмом.

* * *

Люди!
Идите сюда
и послушайте,
в какую попал переделку!
Вчера в ресторане
своими глазами
(трезвыми, честное слово!)
я видел,
ей-богу,
парившую в зале
летающую тарелку!

* * *

В моей семье — в модели государства —
такие вещи происходят:
стычки, стачки,
и даже заговоры и перевороты,
а из соседних стран слышны протесты,
ультимативные звучат угрозы,
и до полуночи не утихают страсти...
И по утрам на всех балконах реют
отстиранные влажные пеленки—
белые флаги.

ЛЕСТНИЦА

По
этим
строчкам
ступенчатым
твой взгляд бежит,
дорогая. Внимательней будь:
на лестнице рассыпалась строчка
в-о-с-ь-м-а-я!

Но не пугайся и быстро понижь спустись
чуть-чуть.
Вот здесь, на последней строчке, я тебя жду,
как точка.

ПЕРЕВОДЧИКАМ МОИХ СТИХОВ

Меньше копайтесь в оригинале —
И перевод будет оригинален.
Мне — все едино. Лишь чушь не порите
И, как хотите, так и творите.
Вот вам встречаются аллитерации...
Гобоку! В них вам не стоит мараться.
Далее, скажем, метафоры следуют —
Тут уж за чистку возьмитесь как следует:
Расшифровать их — простейшее дело...
(Выдержит брэнное ихнее тело).
Можете синтаксис мой не копировать,
Можете нежно строку синкопировать,
Будьте к сравнениям пренебрежительны
(С ними орудовать надо решительно!).
Плюньте на образы и многозначность,
Помните: публика любит прозрачность.
Всем покажите, словами жонглируя,
Что не задаром вручаю вам лиру я.
Мне не нужны интонации точность,
Строгость цезуры и рифмы отточенность,
Да и рефрены не стоит подчеркивать,
Даже гиперболы выкиньте к черту все!
И на название стихотворения
Перемените мою точку зрения.
Можете выбросить лишние строки
(Вдруг еще критик прицепится строгий!),
Ну, а попутно — какие-то строфы
(В этом не вижу большой катастрофы),
Словом, не брезгуйте целыми главами
(Чай, не армейские пишем уставы мы!) —
Сто пропустите, пятьсот опустите,
Ямбом начните — и к прозе придите,
Но сохраните мой дух, мои милые:
Имя имею в виду и фамилию!

* * *

Вы очаровательны, дети,
 когда вы на небо глядите
 сквозь дырки в трамвайном билете
 и сказочных ждете событий,
 пока вас минуют напасти
 и заячий страх не гложет,
 и вы — просто дети и, к счастью,
 на взрослых еще не похожи.

Перевод Александра МАРКЕВИЧА

* * *

Шумит, не умолкая, дождь...
 Как будто дети у порога,
 запоры повергая в дрожь,
 стучатся истово и долго...
 Прикроешь окна, отойдешь...
 Что пользы бредить днем
 вчерашним?

Что пользы?

Да и поздно.

Дождь...

Листвы разор нелеп и страшен.
 Прикроешь окна...

Словно тень

перечеркнет их без усилий.

Умолк и дождь уже —

детей,

должно быть, сжалившись,

впустили.

* * *

Я помню все:
 стакан себе наполнив,
 рассеял я сомнений сон,
 второй — тот помирил меня с врагом,
 а третий,
 помню —
 лишил болезненных воспоминаний...
 Все,
 о чем, быть может, я молчал вначале,
 все, что таил за давностью причин, —
 открыл я пятому,

седьмой лишил печали
и незаметно этим излечил.
Теплели краски, цвет за цветом...
Ни один из них
осилить красного не смог, —
предметы заполняли негатив...
Утишил боль вчерашнюю восьмой,
девятый —
стер следы сомнений бывших, —
как будто смыло их...
И я
отчетливо,
до отчужденья,
вижу:
тот,
в зеркале, —
счастливее меня.

* * *

Карусели,
        карусели,
                карусели,
                        карусели...
Облака ушли на север,
                                и рассеялась гроза.

Здесь
        под ясеновой сенью,
                воробьи рядком уселись,
пес на девочку уставился —
                        глядит во все глаза.

Девочка —
        среди игрушек
                        на траве сидит,
  поскольку

ей не до игры,
        ей грустно,
                и — не сводит глаз с отца

А отец,
        газету скомкав,
                все следит за незнакомкой
                        в стороне,

а незнакомка,

та —

разглядывает пса.

Пес — за девочкой,

девчонка —

за отцом своим

следила,

а отец —

за незнакомкой,

та —

за псом

во всей красе...

Здесь,

под ясеновой сенью,

что-то в них происходило.

И вертелась,

и вертелась,

и вертелась

карусель.

* * *

Вспомнил я сон,

как прошедшею ночью

чуть шевельнулся тростник,

еле-еле...

Только тростник шевельнулся,

я тотчас

вскинул ружье,

ни секунды не медля,

только я вскинул ружье,

как собака

сразу припала к земле,

и мгновенно,

только припала собака,

как сбоку

выпорхнул перепел в небо...

Только лишь выпорхнул перепел,

тут же —

грянуло следом ружье

безотказно,

грянуло,

дыма рассеялась тучка —

перепел крылья сложил свои...

Тотчас, —
только он крылья сложил,
как сорвался
с места мой пес
за подстреленной птицей,
я тут ружье опустить догадался,
но не успело ружье опуститься,
как, словно
что-то во мне оборвалось,
я тотчас
и безнадежно
расстроился...
Словом,
вспомнил я сон,
как прошедшею ночью
чуть шевельнулся тростник...

* * *

В одном селе
один старик
однажды проживал,
да вот решил,
что супротив
отважилась жена.
Набрался дед
известно — чем
и, словно не в себе:
— Ну почему,
ну почему
бранила
по злобе?!
Жена в ответ:
— Побойся, дед!
Себя бы поберег!
Одна беда,
один совет,
ни слова —
поперек!
Но взъерепенился
старик —
уперся,
словно гвоздь.

И бог весть что
в одном селе
однажды
поднялось!

Потом все дулся на жену.
Не то чтобы бранил,
а только в собственном дому
двух слов не обронил.
Оставил он троих детей
да четырех внучат,
перешагнул
через плетень,
запутался,
ворча,
верст пять прошел,
шесть золотых
пожертвовал зазря...
Как обезумел!
В день седьмой,
в стенах монастыря,
взял восемь он свечей
с собой,
оставил монастырь,
перевалил
за девять гор —
а там и след
простыл.

Перевод Владимира ТЕРЕЛАДЗЕ

ЦУРТАВСКИЕ КОЛОКОЛА

I

ОТГРЕМЕЛИ грозами и ураганами века... Бесчисленное множество превратностей судьбы пережила бессмертная книга, начертанная письменами мудрого Парнаоза и созданная истинным Мессией грузинского слова, первым дошедшим до нас писателем — Иакобом Цуртавели...

Эта книга дошла до нас как стенание древней Грузии, как художественное слово, рожденное в золотом горле Цуртавели, как бесценный ларец жемчужин мудрости.

Наше время, наша революционная эпоха дала новые крылья древней книге. И не только этой книге, но и нашему народу, нашей отчизне, нашему родному языку.

Наш век поднял на невиданную высоту Слово и Имя Цуртавели, самобытность грузинского народа, его язык, литературу, культуру. И всегда, когда я беру в руки первую грузинскую книгу, перед моими глазами сияет библейский образ отца Иакова — отшельника и поэта... Дни и ночи проводит он в бдении и молитве...

II

Это я, господи, Иакоб Цуртавели, твой верный раб, пришел к тебе, разбив в кровь ноги, чтобы преклонить перед тобой колена и помолиться тебе.

Я молюсь за народ мой, за язык мой, за мою отчизну, за мою первую строку, сложенную из букв благословенного Парнаоза, начертанную на пергаменте отцами святыми и перерисованную затем звездами небесными... Помилуй их и благослови. Да не увидят свет-

лого дня заклятые враги языка моего маздеане **Вплоть**
до Судного дня, до второго пришествия...

Вовеки будьте благословенны:
язык мой,
мои письмена,
отчизна моя и народ мой,
ныне и присно,
и вовеки веков...
Аминь!..

Дин-дон-дин-дон! Тяжело звонят колокола в древнем храме... Молился Иакоб, исходил слезами, склонясь перед Георгием-Победоносцем. И слышалось ему, что кто-то поет. Дивные песнопения разбредили душу Иакоба — и не мог он понять, откуда лились эти звуки: из прошлого или из будущего...

Ужель отверзлись уста усопших или подают голос еще не явившиеся на свет?! Так молился Цуртавели, лил слезы и взывал к господу... Да и не Цуртавели то был, а сама древняя Грузия стенала и причитала устами первого своего словотворца...

Так самозабвенно было пение Цуртавели, что сам господь бог жаждал спуститься на землю, чтобы внимать ему...

Каждое утро благословлял Иакоб Цуртавели грузинский язык, грузинское слово, грузинские письмена, молил бога спасти их и сохранить.

Роман Владимира Алпенидзе «Цуртавские колокола» повествует об основоположнике грузинской художественной литературы Иакобе Цуртавели.

Выдающийся деятель V века, современник основателя Тбилиси Вахтанга Горгасала, Иакоб Цуртавели — автор первого дошедшего до нас художественного произведения «Мученичество Шушаник», 1500-летие со дня создания которого отмечалось недавно в стране и за рубежом.

Грузия эпохи Цуртавели, пламенного патриота и интернационалиста, была погружена в кромешный мрак персидского владычества, насильственного насаждения чуждой веры — маздеизма. Грузинский народ стоял перед опасностью физического и духовного уничтожения. Страстный голос писателя-патриота, ратоборца родной речи, тревожным набатом доносится до нас из глубины веков.

Читая поразительные по глубине мысли, эмоциональности скульптурно-лаконичные и выразительные строки «Мученичества Шушаник», мы еще более проникаемся духом патриотизма и ин-

О солнце высокое, о луна —
светило ночи, вы, звезды небесные,
и ты, течение времен, и ты,
первый луч рассвета — вас молю
сохранить мой язык, мою суть.

Вас молю за букву грузинскую «А», похожую на щит и меч. Дайте ей силу щита и меча Горгасала.

Солнце всемогущее, защити первую букву моей азбуки, которая так похожа на тебя и создана по твоему образу и подобию, дай ей свет твой, чтобы могла она рассеивать тьму в веках!

Пав ниц, молится отец Иакоб. Вращается свод небесный. Летят звезды. Мчатся небесные кони — Мериани. Крутится земля.

И не знали устали уста его, славящие родной язык.

III

Взгляните на родное небо, усеянное алмазами звезд. Сияние этих звезд отражено в грузинском слове. Вот почему я люблю родной язык.

Взгляните на эти горы и скалы. Их твердость и стойкость, красота и высота — заключены в грузинском слове. Вот почему я верю в родную речь, как в самую высокую святыню... Взгляните на ниву грузинскую — ее плодородие в родном слове. Бросишь слово в борозду — и взойдет оно колосьями мудрости.

тернационализма — ведь истинный патриот не может не быть интернационалистом, — чувством уважения к родному народу — воину и земледельцу, стойчески выдержавшему тяжелейшие испытания, которыми историческая судьба столь щедро осыпала Грузию чуть не с первых веков существования грузинского государства.

Чтобы лучше осмыслить, кто ты есть сегодня, надо познать, кем ты был вчера. И чтобы по достоинству оценить день сегодняшней, надо также по достоинству оценить твоё вчера. Помня о невзгодах прошлого, мы еще выше будем ценить счастливое настоящее.

Предлагаемые читателю фрагменты романа Вл. Алпенидзе «Цуртавские колокола», переведенные Анаидой Беставашвили, легли в основу литературно-музыкальных концертов, показанных в Москве, Тбилиси и других городах республики и страны. Роман на грузинском языке вышел отдельной книгой в 1977 году в издательстве «Ганатлеба».

Взгляните на саблю Парнаоза и Горгасала — ее клинок так же остер, как грузинское слово. Вот почему люблю я родной язык.

Взгляните на грузинскую женщину — этот прообраз ангела... Ее красота и нежность отражаются в грузинском слове.

Взгляните на солнце и луну, их образ запечатлен в очертаниях наших букв.

Прислушайтесь к колыбельной — с какой самозабвенной любовью поет ее мать. Прислушайтесь, и вы почувствуете ее тепло в родном языке...

Присмотритесь к орлу, парящему над горными вершинами. В нашей речи орлиная смелость и свобода.

Взгляните на Тетнульд, Ушбу и Казбек — в языке родном белизна и чистота снежных вершин.

На этом языке я впервые произнес святое слово «мать». На этом языке я поклялся в верности отчизне, на этом языке сказал я о любви своей возлюбленной. На этом языке беседую я с богом как с равным. Если бы солнце и луна умели говорить, то они разговаривали бы только на моем родном языке. Я слышал, что философ Платон с возлюбленными говорил на языке Соломона Мудрого, с врагами — на персидском языке, с богом — на языке эллинов, с друзьями — на испанском. Но если бы он знал мой родной язык, он бы нашел в нем сладость языка Соломона, силу персидского, музыку испанского — и еще красоту аккадского и шумерского и величие хеттского. У моего родного слова есть свой цвет, своя музыка, мудрость и божественный дар.

Это слово звучит громче, чем колокола колоколен твоих, Мцхета!

Оно теплее материнской груди и слаще уст возлюбленной...

Самозабвенно, до боли, до муки люблю я родной язык...

IV

Денно и ночью трудился Иакоб и завершил свой великий труд, написал книгу, которую сегодня мы называем первой грузинской книгой...

Эту первую книгу, первую строку, первое слово писал Цуртавели своей кровью...

Потом он оставил Цуртави и явился в Мцхета царю Вахтангу...

И передал Цуртавели Вахтангу Горгасалу свою книгу — труд бессонных ночей своих...

Царь принял этот бесценный дар, благоговейно приник к нему губами и велел придворному книжнику хранить книгу в царской сокровищнице.

Вахтанг Горгасал посадил Цуртавели рядом с собой и спросил:

— Поведай мне, мудрый Иакоб, как создал ты свою книгу, как подобрал слова для великой повести сей?

— Слышал ли ты, великий государь, как во Мцхета по весне с гор доносится рев оленей?

Горгасал в знак согласия кивнул головой.

— Так и слова зовут, кличут друг друга, как олень призывает олениху... Ведь и словам ведома любовь друг к другу. И писание — не что иное, как возгорание первой любви между словами. Это их вечный союз, первая брачная ночь, которая длится вечно, исполненная страсти и перевозданной дрожи... Ведь любовное слияние слов рождает мысль.

Я — свидетель этого брачного союза! Нет, я — жених, а слово — моя невеста. И нет любви сильнее, чем тайная связь между человеком и словом. Слово — молитва, слово — клятва, слово — песня...

Я благословил святейший союз слов, я благословил мысль, рожденную их любовью... я вскормил слово, как мать вскармливает младенца, я вдохнул в него душу, словно господь-бог...

И заслышав дыхание слова, я заплакал, как счастливая мать, обрадованная рождением первенца...

И прежде чем перенести слово на пергамент, я пожелал очистить его — и я постился, молился и плакал.

И когда я проник в недра слова, увидел бездонность его глубины, мощь корней и высоту кроны, я изумился...

Слово, как птенец, греется у тебя за пазухой и улетит, как только окрепнут крылья. А пока улетит, радуется тебя трепетом юных крыл...

Прежде чем перенести слово на пергамент, я омыл его в золотой купели, окропил святым божественным вином, пропитал ароматным миром, окурил благо-

вонным ладаном—чтобы слово было чистым и свежим. А перед тем, как благословить его, я окунул его в незамутяенный поток, такой, где плещется форель, чтобы слову моему передалась прозрачность горных рек; я осыпал его нетронутым снегом, принесенным с вершин Кавкасиони, чтобы оно обрело целомудрие снега и стремление к горным высям...

Я проводил ночи среди зреющей нивы, чтобы мое слово имело вкус хлеба, я держал его на острие стрелы, чтобы оно умело летать и било точно в цель...

Я растил его вместе с полевыми цветами, чтобы оно было таким же благоуханным и прекрасным.

Я выносил его навстречу заре, чтобы оно было светлым, как ясное утро, и научилось разгонять ночную мглу...

Я разбил виноградник, чтобы слово мое было таким же зрелым, отягченным янтарными гроздьями, как виноградная лоза...

Потом я освятил пергамент, на котором создавалась первая грузинская книга...

Я зажег у каждого угла пергамента по три восковых свечи...

Потом этими свечами зажег другие свечи, прикрепленные к рогам быка, и выводил свои первые строки при мерцании свечей, зажженных на бычьих рогах.

Вот так я писал свою книгу, государь...

Сладко было беседовать с Горгасалом во Мцхета...

V

Судьба готовила Иакову Цуртавели новые испытания.

Ему надо было думать о Цуртави, молиться о Шушаник.

Иакоб покинул Мцхета и вернулся в Цуртави.

Кричали фазаны в непроглядной цуртавской ночи. После отступничества Варскена ночи Цуртави стали казаться Иакову особенно темными...

После мученической кончины Шушаник Цуртавели стал подумывать о смерти.

Неумолкающий внутренний голос то и дело твердил ему:

16 03 59 40
308-1110333

— Иакоб! Бог возложил на тебя миссию более важную, чем разоблачение ничтожного питиахша Варскена. Помни, Варскены приходят, чтобы уйти, а Цуртавели навсегда остаются в этом мире! Тебе поручено судьбой стать выразителем дум и чаяний родного народа. Умереть ты успеешь всегда. Главное — успеть жить. Когда нас не было — мы были мертвы, и когда нас не будет, мы и тогда будем мертвы. Жизнь — мгновение, смерть — вечность.

Бытию уделен один миг, небытию — бесконечность. Так распределено время.

И это тогда, когда для бытия — и вечности мало, а для смерти — достаточно и мига!

Иакоб содрогнулся — не мог согласиться с этим внутренним голосом, но не мог и заглушить его.

Боролся Иакоб, не жалея сил, как борется с ночным мраком еще невидимая заря... И не было конца этой борьбе.

Иакоб взялся за тростниковое перо, развернул пергамент и начал писать.

В крошечной мгле какой-то отчаянный смельчак, которого по воле питиахша Варскена насильно обратили в язычество, пел дерзкую песнь назло правителю-вероотступнику.

Иакоб помолился за спасение души грешника.

А этот непокорный грешник продолжал петь в непроглядной тьме:

Пусть луна оплывает в боренье со мглой,
Как свеча восковая.
Да возвысится свет, осязающий землю
От края до края.
Если солнце зайдет, причастись вышины.
В непроглядном тумане
Словно «йота» — осколок ущербной луны,
Полнолуние — «ани»¹.
Ты сияющей участи предан сполна
Всею долей земною.
И едины в борьбе человек и луна,
Окруженные тьмою.
Оплывет ее суть, награжденный тоской,
Он отступится в страхе!
Но луна возродится. И светоч людской
Не потонет во прахе.

¹ «Йота», «ани» — древнегрузинские буквы метафорически, действительно, напоминают новолуние и полнолуние.

Словно о тебе пела бесконечная цуртавская ночь,
Иакоб, та грешная, мятежная ночь.. О тебе пела и
призывала зарю...

VI

В тот день, когда ты завершил первый грузинский роман, Иакоб, небо Грузии стало выше и просторнее...

Выше стал кров над головой грузина, выше стало небо!..

Твои мысли сияют в нашем небе, как звезды, а слова твои украшают свод небесный и сверкают, как алмазы, рубины, яхонты и изумруды.

Письмена твои, Цуртавели, — Млечный путь.

Ночью луна лишь затем выплывает на небо, а днем для того лишь восходит солнце, чтобы мы смогли прочесть свиток небес, исписанный звездами...

И вся Грузия преклоняет перед тобой колена, так же как ты когда-то преклонял их перед твоим божеством — Словом...

И слезы твои, Цуртавели, благодать и сочатся из древних стен храмов и крепостей вот уже полтора тысячелетия...

Нет, не тщетны были слезы твои, Цуртавели...

Мы вечны, враг, пред участью земной.

И каждый воин — воин с колыбели.

О, славен будь, народ единый мой!

Пусть светит солнце рода Цуртавели.

За веком век звенели меч и спесь,

Но речь свободы в нас не угасала:

Для жизни мы — родившиеся здесь,

Сыны земли, потомки Горгасала!

О, тот народ, что в пламени возник,

Не устрасит надменная угроза!

Я воспеваю слезы Шушаник,

Цуртавский звон и буквы Парнаоза!¹

---

¹ Перевод стихов Владимира Еременко.

ХРОНИКА ОДНОЙ КОМАНДИРОВКИ

П о в е с т ь

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Идиосинкразия к работе и отчего она бывает ● Счастливый лотерейный билет ● Я знаколюсь с производством ● Ростки будущего ● Гостя полагается упоить ● Классический треугольник ● Календарное ЧП

ПРОСНУЛСЯ я рано и сразу почувствовал, что отдохнул великолепно. После долгой вчерашней утренней прогулки, моря, непривычной тишины — всего, о чем так мечтаешь в городе, в теле жило замечательное ощущение бодрости и силы.

А вот настроение было паршивым. Может, оттого, что утро выдалось серое и слезливое? Все мы в общем-то очень подвластны погоде, хотя не слишком охотно в этом сознаемся, и здесь нет ничего удивительного: ведь согласно как современным материалистическим, так и наивным пантеистическим представлениям древних, человек — всего-навсего частица природы, сколько тут ни хорохорься... А может, с печальным юмором подумал я, со мной происходит то же, что с горожанином, которому стало дурно на свежем воздухе и которого привели в чувство, дав подышать выхлопным автомобильным газом?

Однако я прекрасно знал, в чем дело. Просто до отвращения не хотелось приступать к работе. Идти знакомиться с новыми людьми; с вымученно-заинтересованным видом спрашивать о вещах, заведомо тебе безразличных; подавляя зевоту, насильственно удивляться высоким производственным показателям; один за другим исписывать листки блокнота, привычно трево-

---

Продолжение. Начало см. в № 1.

жась, что главного — той изюминки, «пружинки», на которой держится **настоящий** газетный материал, — ты еще не поймал, не уловил, а без нее все эти многочисленные цифры, фамилии, биографические данные, термины, названия и прочее — мертвый груз... Хотя я по опыту знал: вернешься из командировки, сядешь писать — и изюминка сама, как муравей из-под обвала песчинок, вылезет на свет божий. Вот она — я, хватай и пиши! Если же не отыщется таковой в трухе торопливых записей — тоже не беда, можно и самому придумать «изюминку».

Мне предстояло написать о предприятии, удостоенном звания коллектива коммунистического труда. То есть присвоено это высокое звание еще не было. Точнее, широкие читательские массы вообще оставались пока на этот счет в полном неведении, и здесь заключалось самое главное. Конечно же, в соответствующих кругах, где решаются такие вопросы, все кому надо знали, что коллектив фабрики изделий из синтетической ткани своим славным трудом и примерной производственной дисциплиной успел заслужить данное почетное звание. Знал об этом и ответственный секретарь нашей редакции. (Дело в том, что редактор уехал в заграничную командировку, а его заместитель заболел; в силу такого стечения обстоятельств секретарю привалило счастье, о котором он мечтал в продолжение почти четырех лет, — в газете, наконец, появилось заветное «За редактора имярек». И он был в восторге, хотя наши ребята с ходу окрестили его довольно неуважительным «За»). Он не мог не знать, так как ходил на все инструктивные совещания вместо уехавшего редактора и захворавшего заместителя. Эти совещания очень полезны, даже необходимы: они вводят в курс дела, помогают разбираться, что на данном конкретном этапе главное и что—второстепенное, без чего газета и читатель могут жить, без чего нет. А самое важное — человек, подписывающий газету к печати, если он аккуратно посещает совещания и внимателен на них, никогда не ошибется.

...Есть в журналистике что-то такое, чем она многих притягивает. Должно быть, в этом виноваты плохие книги и кинофильмы, где наша в общем весьма прозаичная и часто неблагоприятная профессия окру-

жена ореолом надуманной романтики. Вот некоторые мальчики и девочки и клюют на эту наживку. Большею частью они не учитывают главного: в газете тоже нужен жен талант. Как в любом деле. И, тоже как в любом деле, талант особый, проще говоря — именно те способности, которые необходимы журналисту, а не кому бы то ни было другому. Но это уже самостоятельная тема. Я о другом хотел сказать. Часто бывает так: чем слабее человек в смысле своей профессиональной подготовленности, тем упорнее стремится он на руководящие посты, причем подчас ему все равно, чем именно руководить — крупным заводом, многоотраслевым колхозом, целым районом или конторой из трех штатных единиц, включая его самого. Такому человеку кажется, что если он не способен хорошо делать какое-либо конкретное дело, то, значит, его призвание — командовать другими людьми. Он, этот индивид, так полагает: главное здесь иметь право — и уметь — произносить слова вроде «разрешаю», «запрещаю» и «надо». Это очень удобная обязанность — направлять чужую деятельность.

Секретарь прекрасно понимал, что одним только умением не ошибаться внимания на себя не обратишь. А человек, дорвавшийся после четырех лет томительного ожидания до права ставить после «За редактора» свою фамилию, если он хочет чего-то добиться, непременно должен привлечь внимание, притом внимание, естественно, благосклонное.

Ответственный секретарь хотел выдвинуться. Он хотел этого, потому что его не уважали мы, коллеги, и даже собственная жена (я еще не встречал более яростных карьеристских устремлений, чем у людей, которых не уважают жены — особенно любимые). И когда на очередном инструктивном совещании отметили стабильно высокие показатели фабрики изделий из синтетической ткани и сказано это было в русле разговора о ходе движения за коммунистический труд, он, исполнявший обязанности сразу и редактора и заместителя (в конце концов все зависит от точки зрения, и положение «За» — тоже), быстро-быстро, бисерным своим почерком сделал соответствующую запись в блокноте. Вернувшись же в редакцию, позвал к себе

меня и, льстиво заглядывая в лицо пытливыми, привычно испуганными глазами, сказал:

— Есть хорошая командировка, старик. Как раз для тебя. Здесь нужен подход... Ну, сам понимаешь.

Я сразу заподозрил неладное. Если он хочет, чтобы я опять писал «на моральную тему», — то черта с два! Не далее как на прошлой неделе я разделался с фельетоном о стилягах, и мне до сих пор было стыдно: мы ведь этих малахольных только за длинные волосы таскаем, а здесь проблема куда серьезнее; но я написал именно то, чего от меня ждали.

— Хватит с меня, — заявил я секретарю. — Совесть имей. Что, других людей в редакции нет?

(Если честно — с редактором я бы так говорить не стал).

Надо отдать «За» должное: он здорово меня разыграл.

— Ладно, — промямлил скучающе. — Не хочешь — не надо. Пусть тогда Нонна Румянцева на море едет...

Это было совсем другое дело.

На море! Да кто откажется от такой командировки? И не хватает еще, чтобы Румянцева туда ехала. Она заявила в Тбилиси год назад с мужем — новым собкором центральной газеты. Я ее терпеть не мог за неестественно приподнятый тон материалов. Так в двадцатые годы писали, и в то время подобный тон был, наверное, уместен.

— Хорошо, — примирительно сказал я, удивляясь про себя, что у типов вроде нашего ответственного может оставаться чувство юмора. — Не морочь голову, говори, в чем дело.

Я мог себе позволить фамильярность с ним. Он пришел в редакцию на два года позже меня и, хотя вскоре стал заведомом, а потом секретарем, предпочитал со мной не связываться. Только все удивлялся, как сам говорил, полному отсутствию во мне честолюбия. Он ошибался. Честолюбие у меня было — только не такое, как у него. Я очень люблю вещественность конкретного действия и радуюсь, если у меня получается лучше, чем у других. Например, прямо таю от удовольствия, когда говорят, что хорошо вожу мотоцикл, плаваю или материал у меня получился. Вот админист-

ративные радости мне безразличны. Это я говорю вполне искренне. Что за счастье занимать какую-то должность! «Не место красит человека»... Как бы банально ни звучала эта пословица, я с ней вполне согласен. И «специальный корреспондент» в удостоверении вполне меня устраивало.

«За» понимал, что хитрить не стоит, и прямо сказал: хорошо бы заранее подготовить материал о фабрике (к тому же коллектив там, в основном, молодежный) — и дать в номер, как только придет официальное сообщение о присвоении предприятию звания коллектива коммунистического труда. Он только о двух вещах не сказал. О том, для чего ему это нужно, но я без него понимал, для чего, и он знал, что я понимаю. Да и все равно мне было. А еще о том, кто именно выступил с таким предложением на совещании. Между тем последнее было куда важнее, но тогда ни ответственный секретарь, ни сам я не могли представить, как это важно.

Договорились, я привезу из командировки три материала: общую корреспонденцию — о путях, которыми шел коллектив фабрики в борьбе за высокие производственные показатели, экономию сырья, качество и тому подобное; рассказ (если удастся — в форме репортажа, он всегда выглядит выигрышнее) о вкладе комсомольской организации в общий успех; очерк о молодом передовике и «еще что-нибудь, что встретится». Это «еще что-нибудь» больше всего привлекало меня в командировках, ибо часто оказывалось намного интереснее заранее запланированных «тематических кусков». Встречались иной раз люди — хоть повесть о них пиши. В подобных случаях я всю душу вкладывал в материал, будь то очерк, зарисовка или просто информешка. Такие неожиданные находки оправдывали меня в собственных глазах — и меня, и всю мою подчас невыносимо серую газетную жизнь, когда не событие «делает» материал, а приходится подгонять факты под заранее намеченную — «нужную» тему.

А впрочем, мне не привыкать. И не так уж часто случаются в разгар курортного сезона командировки на море.

— Конфетка, а не командировка! — сказал в заключение ответственный секретарь, не упускавший

возможности напомнить человеку, что он ему ^{обязан}; иной ведь сам не догадается.

— Спасибо, — буркнул я, а секретарь мечтательно протянул:

— Для тебя с твоими темпами — просто прогулка.

Это было опять-таки обращением к моей совести: я вытребовал себе целых четыре дня, хотя мы оба знали, что двух вполне достаточно.

Тут я разозлился и, ткнув пальцем в стену за его столом, спросил:

— А что, Алик опять впал в немилость?

Некогда иссиня-черная и густая, а теперь изрядно поредевшая и, как пишут некоторые романисты, заиндевевшая (он поседел буквально у нас на глазах; неужели расплата за столь стремительное продвижение по службе?) секретарская шевелюра сдвинулась почти к самым бровям — так покоробил его мой бестактный вопрос. Но ответил он с вызовом:

— Да! Ты ведь видишь. Зачем тогда спрашивать?

В нем была своеобразная честность, только проявлялась она редко и обычно неожиданным образом.

Я показал на стену за столом ответственного секретаря, потому что она была голой. Зеленая, как во всех редакционных комнатах, масляная краска — и все. Ни одной фотографии. А дело заключалось в следующем.

Алик Сарибеков, наш фотокорреспондент, был восходящей звездой в подлинном, без малейшего преувеличения, смысле слова. Истинный самородок, талант самобытный и яркий (будто талант может быть иным!), он пришел в редакцию безвестным дилетантом-любителем, а через год с небольшим его снимки печатались в союзных газетах и журналах; недавно же он получил вторую премию на большой международной выставке, и после этого никто не сомневался, что Алика ждет блестящее, как принято говорить, будущее.

Мы с ним дружили — он был удивительно открытым, до наивности прямолинейным парнем, человеком чрезвычайно строгих, хотя и несколько экстравагантных жизненных правил. И — сплошной комок обнаженных нервов, возбудимый до неправдоподобия. Эта обостренность восприятия ощущалась во всех без исключения его работах — даже в самых что ни на

есть «производственных» снимках. Скучнейший жет, кадр, сделанный в каком-нибудь коровнике на совещании передовых кормодобытчиков, звучал у него поэмой.

Наш редактор сразу оценил Алика и дал ему «зеленую улицу» на газетных полосах. Воздал Сарибекову должное и ответственный — по самой своей должности он был просто обязан уметь отличать хорошие снимки от плохих. Поэтому Аликин взлет ознаменовался, в частности, тем, что стена за секретарским столом вся покрылась фотографиями моего друга.

Но жизнь, как известно, сложна. Алик был вспыльчив, импульсивен и беспредельно упрям в своем творческом кредо. А редактор тоже не отличался покладистостью, характер у него был, что называется, не сахар.

Время от времени они конфликтовали. И как только во взаимоотношениях фотокорреспондента и редактора наступал период, выражаясь языком синоптиков, резкого похолодания — снимки Сарибекова незамедлительно исчезали с секретарской стены. Их возвращение на прежнее место означало, что барометр вновь устойчиво показывает «ясно».

Я человек по натуре не злой, но упускать своего в смысле возможности лишний раз «укусить» подхалима не люблю и даже, пожалуй, не умею... Ну, как отреагировал «За» на мой ехидный вопрос — вы уже знаете. Остается добавить: он и на этот раз ошеломил меня своей откровенностью. В известном смысле это следовало бы назвать даже мужеством. Подумать только, смотрит тебе человек прямо в глаза и так же прямо признается: да, фотоснимки Сарибекова, хоть они и очень мне нравятся, я убрал, потому что в настоящее время означенный Сарибеков имел несчастье навлечь на себя гнев моего шефа, которого я боюсь и которому предан душой и телом!

Растерявшись, я только пробормотал:

— Что ж, как знаешь... Тебе виднее.

И он убежденно, с достоинством ответил:

— Конечно, виднее. И я действительно знаю.

На том мы тогда и расстались. Конечно, ни я, ни секретарь не знали и не могли знать, чем обернется придуманная им с такой дальновидностью моя «прогулка» к морю.

Девушка в джинсах встретила меня намного приветливее, чем вчера, и выглядела почему-то смущенной.

— Еремия Шалвович вас ждет, — на этот раз она вскочила, едва я вошел в приемную. — И Евгений Владимирович тоже там, в кабинете..

— Благодарю, — суше, чем мне хотелось, ответил я. У девушки было чудесное лицо — тонкое и нежное; несколько странно контрастировал с ее полудетским обликом глубокий, словно вопрошающий о чем-то важном, чуть тревожный взгляд длинных серых глаз. С такой девушкой, стоит на нее взглянуть, хочется говорить просто и весело. Но я счел нужным напомнить ей о запрещении «осматривать производство», от кого бы оно ни исходило, — хотя бы в воспитательных целях.

Еремия Берадзе был плотный ширококостный человек с большой бритой головой — типичный командир производства из послевоенного фильма, ему бы еще выдавший виды офицерский китель со следами от погон... Но вместо кителя квадратные плечи облегал хорошо сшитый пиджак. Директор крепко пожал мне руку, простецки прогудел:

— Добро пожаловать! Извините, не смог вчера встретить — дела... — И сразу перешел на «ты»: — Будешь о наших ребятах писать? Ну, хорошо. Ребята замечательные! Знакомься, это наш заведующий экспериментальной лабораторией. У него, брат, голова... Не видать бы нам таких показателей, такой экономии...

— Стоп! — протестующе поднял худую руку сидевший у длинного приставного стола. — Журналисты в чужих характеристиках не нуждаются.

Они оба мне сразу понравились. Особенно Ниагвривили. Ему было лет под пятьдесят. В белоснежной сорочке с элегантно распущенным галстуком, красиво-седоватый, спортивно-подобранный, с мягкими точными движениями, судя по всему — настоящий интеллигент. Еремия (странно, правда? С первых же минут мысленно называешь одних просто по именам, других — обязательно по имени-отчеству или по фамилии) был хорош по-своему: сила в нем так и кричала о себе. Она полнокровно жила в его плотно сбитом теле, манере громко, от души смеяться, в басовых раскатах голоса.

Я обрадовался, что они вызывали симпатию к себе — легче будет работать, — и назвал себя.

Наконец официальная часть, неизбежная в каждой командировке, кончилась; подразумевалось, что мы уже достаточно хорошо знаем друг друга и, следовательно, можно приступать к работе.

Я изложил директору фабрики и заведующему лабораторией свою программу, присовокупив, что хотел бы, кроме очерка о молодом передовике, рассказать еще о представителе старшего поколения — ну, хотя бы о Евгении Владимировиче. Это «хотя бы» было дипломатическим маневром: не мог же я в присутствии директора прямо и категорично предлагать в качестве героя очерка его подчиненного. Вежливость требует дожидаться, чтобы командир производства сам сказал, о ком стоит написать. Однако про себя я уже решил: расскажу именно о Ниагвришвили. Молодежные газеты не так уж часто пишут о людях «некомсомольского возраста» — если, конечно, это не особо выдающиеся личности. У нас свой читатель и, соответственно, свои герои. Но так уж получилось, что мысленно я почти «видел» материал о Евгении Владимировиче, интуитивно чувствовал: получится. Я был уверен, что он интересный собеседник, умный и немало повидавший человек (ведь жизненный опыт — понятие условное; он зависит не от количественной, а куда больше от качественной стороны дела: что именно из пережитого и как преломилось в сознании). Кроме того, была еще одна причина. Чем-то — может, интонациями, манерой держаться, слегка грустной понимающей улыбкой? — Ниагвришвили напоминал мне человека, о котором я всегда вспоминал с уважением, смешанным с жалостью... Может, внешностью, хотя прямого сходства я найти не мог. Может, голосом или насмешливо-печальным взглядом. Не знаю... Был у меня в юности друг, вдвое меня старше, — тоже журналист. А я в то время на заводе работал — не попал в институт, но рабочего из меня не получилось, о чем я нередко и совершенно искренне жалею... Только не в этом дело — в том, что, неизменно сдержанный, не любивший о себе рассказывать, человек этот однажды вдруг раскрылся передо мной, и я неожиданно понял: он, по существу, очень несчастен, потому что одинок,

профессию свою не любит и не уважает и себя — тоже. Он и погиб нелепо (если только вообще бывает «лепая» смерть, ведь она, в конечном итоге, что бы там ни говорили, означает: был вот человек — и нет его), разбился за рулем... Но не люблю болтать о мертвых. По-моему, это почти всегда кощунство. Уже по той простой причине, что сами-то они не могут ни возразить, ни согласиться. Словом, к черту все это.

Итак, я сделал свой «дипломатический» ход, но они оба, словно сговорившись, замахали руками: нет, мол, и нет!

Тогда я сказал:

— Это было бы хорошо, Евгений Владимирович. Молодежи всегда интересно читать о людях, которые старше. Сама о себе юность достаточно хорошо знает. Или думает, что знает.

Он негромко рассмеялся:

— Не сочтите это за ложную скромность. Просто молодежи нужна героика, романтика. А сколько бы ни писали о «романтике трудовых будней» — они все равно с этим не согласятся. Сделают, может быть, вид, но сами подумают: плащи, хозяйственные сумки да перчатки кроить... Это для передовой статьи хорошо. Так что поверьте представителю старшего поколения: не стоит!

После этого мне еще больше захотелось написать о Ниагвришвили — он сказал то, что я сам думал. И я решил: буду незаметно присматриваться и запоминать, а там увидим.

Наверное, он в самом деле был человеком пронзительным, так как полушутя, полусерьезно предостерег:

— Не вздумайте только, пожалуйста, преподносить сюрпризы в виде неожиданных заголовков: «Пример молодым» или «У кого учатся молодые». Нету такого закона, чтобы о человеке помимо его желания писали! Тем более, что наша работа — за кулисами. А газете нужно происходящее на первом плане, на переднем крае, так сказать. О нас говорят лишь между прочим.

Я ответил в тон ему:

— И такого закона — запрещать корреспонденту писать о чем хочется — тоже нету. — А сам подумал, что он прав: тот же «За» не слишком обрадуется тако-

му очерку — тема ведь не из «железобетонных», не из привычных...

Ну, ладно. Посмотрим.

Директору, должно быть, наскучил наш разговор. Оно и понятно: человеку действия, привыкшему ежедневно и ежечасно принимать десятки разнообразных конкретных решений, — не до обмена любезностями и отвлеченных рассуждений. Еремия поднялся, твердо опираясь в стол большими ладонями:

— Значит, пойдете по цехам? Ты, Владимирович, — вместе с гостем?

Ниагвришвили кивнул, я сказал «спасибо», и мы направились к дверям. Тут Еремия радостно захохотал:

— Как же я забыл! Постойте, дорогие... — в директорском баре зазвенело серебро фанфар. — Вам я первым должен сообщить! Потрясающая новость: сегодня утром пришли вчерашние газеты...

— Вчерашние газеты всегда приходят «сегодня утром», — вставил Евгений Владимирович.

— Не перебивай, дорогой! Так вот: сегодня пришли газеты, и я... — Он по всем правилам выдержал интригующую паузу. — Я выиграл «Волгу»! Представляете?! По единственному билету! Мне его в Тбилиси вместо сдачи дали... Подумать только!

Люди не каждый день выигрывают в лотерею «Волги», хотя чуть ли не на любом углу можно встретить волнующее обещание: «За тридцать копеек!» — и выполненное в радужных красках изображение автомашины. Лично мне впервые довелось встретить живого обладателя счастливого билета, и потому не пришлось напрягаться, чтобы выразить приличествующую случаю гамму чувств: безмерное изумление, радость и, разумеется, откровенную зависть — это всеми презираемое нехорошее чувство.

— Вот это да! — совершенно искренне вырвалось у меня весьма распространенное и, если вдуматься, не менее бессмысленное восклицание.

— Ты выиграл «Волгу»? — тихо и отдельно произнес Евгений Ниагвришвили.

Несмотря на напряженность момента, я с некоторым удивлением — или мне показалось? — уловил в его тоне оттенок не то осуждения, не то враждебности.

Это не вязалось с моим первым впечатлением о заводской лабораторией, однако я тут же понял: да он просто завидует! Что ж, ничего странного, я тоже завидую, да еще как! Честно признаюсь, до сих пор я как-то не верил — то есть теоретически, конечно, верил, но вот представить себе не очень-то умел, — в возможность такого в буквальном смысле слова дурацкого счастья: купил человек кусочек разрисованной бумажки за тридцать копеек — и получил взамен автомобиль!

— И до сих пор молчал?

Резонный вопрос: как мог человек молчать о привалившей невероятной удаче? Да еще такой, по всем признакам, экспансивный и непосредственный человек, как Еремия Берадзе?

Директор одним-единственным словом разрешил мое недоумение:

— Растерялся...

Даже не в слове было дело — он так по-детски смущенно его произнес, да еще зарумянился впридачу, что все стало ясно, и я даже несколько устыдился своего невольного ревниво-завистливого движения души. А Евгений Ниагвришвили, тоже, должно быть, испытывавший нечто похожее, широко улыбнулся, дружески сказал:

— И правда ведь — как это на тебя похоже, Еремия! Был всю жизнь младенец сердцем — младенцем и остался. Ну, поздравляю! — хлопнул директора по крутому плечу, грозно добавил: — А магарыч?

— Будет! Еще какой — квартальной премии не пожалею...

— Договорились!

Мы шли с Ниагвришвили по просторным цехам, залитым светом неоновых ламп. Чистота, празднично выкрашенные в веселые и одновременно мягкие тона стены, высокие окна, нарядные спецовки работников, дружелюбно-любопытные улыбки — все радовало глаз, со спокойной, ненавязчивой уверенностью заявляло: это и есть передовое производство, труд, несущий людям радость творческого созидания. Даже неизбежный непрерывный гул станков, казалось, терял в этой обстановке свойственную ему занудливую вьедливость. Ничего не скажешь — вот она, настоящая производст-

венная эстетика, основанная на заботе о человеке труда!

— Не слишком? — прокричал я в ухо Евгению Владимировичу, показывая на транспарант: «Пятилетку — за 3 года и 6 месяцев!».

— Нет! — энергично тряхнул он головой. — Думаем даже раньше управиться — я вам покажу расчеты.

В ремонтно-механической мастерской Ниагвришвили познакомил меня с невысоким стройным парнем в аккуратном комбинезоне — он мне о нем рассказал в двух словах по дороге.

Игорю Капанадзе недавно исполнялся двадцать один год, а токаричал он уже по пятому разряду. Держался скромно, однако с достоинством, как и полагается в наше время квалифицированному рабочему. Был не по летам вдумчив, начитан — в настоящем смысле слова, ведь не редкость люди, которые не столько читают, сколько коллекционируют названия книг, чтобы блеснуть при случае «эрудицией»; интересовался многими вещами, но в особенности ихтиологией — чуть ли не четверть заработка тратил на книги и периодические издания по этим проблемам, причем зарабатывал хорошо, по двести — двести сорок рублей на руки получал, без премиальных.

Люди здесь вообще очень прилично зарабатывали и, насколько я мог судить, были довольны жизнью. Встретился мне, правда, в закройном цехе один странноватый, угрюмый на вид человек лет за сорок. Когда я поинтересовался его средней выработкой, Евгений Владимирович небрежно сказал:

— Это — нетипичное явление. У него получается в месяц сто десять, максимум сто пятнадцать процентов. Вам, пожалуй, не подойдет — работник безынициативный, личность довольно серая. Из таких, знаете, что всего непривычного боятся, все новое в штывки принимают. Правда, дисциплинирован, в работе аккуратен... Впрочем, если хотите — побеседуйте с ним.

Меня такие люди давно занимали. Я старался понять: почему человек, который может зарабатывать в среднем, скажем, рублей двести в месяц, удовлетворяется ста пятьюдесятью? Особенно если он не лентяй, с лентяем — с тем все ясно. И вообще нетипичные

явления интересовали меня куда больше, чем тиничные.

Мы подошли к станку, за которым работал угрюмый закройщик. Его звали Рубен, Рубен Налбандишвили, он был из турецких армян, давным-давно переселившихся сюда, на наше побережье, и грузинским владел не хуже, чем родным языком.

Мы некоторое время наблюдали за работой Рубена. Его движения были точны и скупы, он, казалось, ничем, кроме работы, не интересовался. При виде заведующего лабораторией остановился было, выжидательно на него посмотрел, но тот махнул рукой: давай, мол, дальше, не будем мешать, — и Налбандишвили сразу словно замечать нас перестал. Он явно был хорошим закройщиком, это даже я, совершенный дилетант, с ходу определил. А вот работал будто нехотя, и от всей его худощавой фигуры веяло какой-то сонливостью, внутренней разобщенностью с тем, что механически делали руки.

Я прямо спросил Рубена, почему он не хочет (слова «не стремится» застряли у меня в горле) работать получше — ведь заработок будет выше. Он вяло, не глядя на меня, ответил:

— А что? Мне и так хватает. Наше дело маленькое: получаем материал, лекала, то, се — и кроим. Я технологию не нарушаю, не прогуливаю... Что еще надо?

Мы направились дальше. Я был благодарен Евгению Владимировичу, что он буквально по пятам за мной ходит: всегда можно спросить о непонятном. (Это, кстати, мое «железное» правило — не стесняться спрашивать, не бояться показать себя несведущим человеком. А как иначе? Редакционный работник не в состоянии все знать, да и не обязан).

Он пожал плечами:

— Полагаю, натура такая — довольствоваться малым, не тревожить себя пустыми мечтами... Мне думается, здесь нет никакой загадки. Он холост. Не пьет, не курит, женщины, насколько я понимаю, его не особенно волнуют, живет анахоретом. Одна страсть — шахматы. Когда человеку за сорок — его не переделаешь.

Я хотел возразить — не потому, что мыслил категориями типа «никогда не поздно начать жизнь сначала», а просто какая-то часть моего существа восстала против подобного хладнокровного зачеркивания будущего для не старого еще человека.

Ниагвришвили опередил меня — словно, как и час назад, в кабинете директора, прочел мои мысли.

— Знаю, подобное отношение к человеческой судьбе не может вас не коробить. Поверьте моему опыту: пресловутое благотворное влияние коллектива в данном случае бессильно. Людей, подобных Рубену Налбандишвили, изменить свою жизненную позицию может заставить лишь что-либо из ряда вон выходящее..

Я не стал возражать. Может, он прав? Я не мог полностью воспринять точку зрения Евгения Владимировича. Ему было почти пятьдесят лет, а мне неполных тридцать и спорить с ним — не по силам. О нашем поколении, выросшем после войны, часто говорят: раннее созревание, продукт акселерации.. Возможно, в чисто физиологическом смысле это и верно — ростом мы действительно подчас на голову выше тех, чье отрочество формировалось на голодном пайке более ранних лет. А вот духовно, так во всяком случае мне кажется, по сравнению с отцами и старшими братьями, — сплошь и рядом сущие недотепы, нам не хватает самостоятельности, смелости в решениях. Недозрелый же, недоношенный наш скептицизм — отнюдь не признак зрелости, скорее наоборот.

С Игорем Капанадзе я поговорил всего несколько минут. Он выполнял срочную работу и, извинившись, попросил отложить беседу. Очевидно, работа была и впрямь срочная. Обычно для разговора с журналистом время всегда находится. И мне стало немножко завидно — реакция на встречу с человеком, убежденным в первостепенной важности того, что он делает.

Потом мы часа полтора просидели с Евгением Владимировичем в уютной комнате фабкома: он рассказывал, отвечал на мои вопросы, а я один за другим списывал листки блокнота.

Что за блаженство беседовать с таким человеком! Ниагвришвили, казалось, в сотый раз дает интервью, причем сотруднику именно молодежной, а не какой-нибудь иной газеты. Не дожидаясь моих «наводящих»

вопросов, он рассказывал о фабрике именно в том аспекте, какой мне требовался: легко и очень логично связывал общие успехи коллектива с хорошей работой юношей и девушек, называл молодых новаторов, сыпал именами и «выигрышными» цифрами — не теми, «мертвыми», интересными и понятными только специалисту, к тому же узкого профиля, а сравнительными, наглядно отражающими путь предприятия к высоким достижениям, — такими, что красноречивее (простите газетный штамп!) любых слов говорят об огромной проделанной работе.

Я получил все, о чем только может мечтать корреспондент: и общую картину, и несколько зарисовок, в которых «как море в капле воды...», и четкое представление о «болезнях роста» (фабрика еще не достигла проектной мощности), и материал, вполне пригодный для того, чтобы состряпать из него «репортаж с места события». Неоценимый Евгений Владимирович подбросил мне даже парочку-другую фактов, на основе которых можно было без особого труда осветить обычно каверзную тему «ростков будущего».

Роскошным подарком преподнес мне Евгений Владимирович случай добровольного отказа от квартиры (в Ахалсопели недавно вступил в строй второй по счету жилой дом для работников фабрики) молодого инженера-холостяка в пользу матери-одиночки и перехода на отстающий участок бригадира передовой молодежной бригады; рассказал о школе новаторов — последователей почина известного в республике закройщика; поведал о работе фабричных дружинников, задержавших на прошлой неделе двух карманников, и товарищеского суда, отдавшего на поруки коллективу хулигана (вот уже полгода он ведет себя смиренно и даже на работу не опаздывает).

Я не знал, как благодарить моего благодетеля, — и говорю это вполне серьезно, потому что подобные удачи не так уж часто улыбаются газетчику. Мне крупно повезло: на хорошем предприятии я встретил человека, во всех нюансах знающего производство и в деталях осведомленного о личной жизни многих десятков рабочих. Ниагвришвили три года подряд возглавлял культурно-бытовой сектор фабричного комитета профсоюза. К нему шли, как принято писать в очер-

ках, со своими печальями, радостями, запросами и предложениями. От него многое зависело при распределении жилплощади, разрешении так называемых конфликтных ситуаций; благодаря его усилиям на фабрике было немало сделано для улучшения условий труда, организации культурного досуга.

Разумеется, о добрых делах Евгения Владимировича рассказал не он сам. Все это я узнал от других — начиная с Еремии Берадзе и кончая девушкой-секретарем, которую, как выяснилось, звали Тамрико. Да смело можно было обойтись и без их рассказов — любовно-уважительное отношение рабочих к Ниагвривили бросалось в глаза, как огромные алые буквы на голубом фоне у входа на фабрику: «С добрым утром, товарищи! Успешной работы вам!»

Я спрятал блокнот в папку, твердо решив, что обязательно все-таки напишу об этом человеке.

— Большое спасибо, — искренне сказал я. — Право, я вам очень обязан.

Он пригладил узкой ладонью седеющие волосы, по-молодому, в коротком взмахе, поднял руку:

— Рад был помочь. Но я не прощаюсь — вечером за вами зайдет Игорь.

Игорь Капанадзе был секретарем цехового комитета комсомола, его присутствие на банкете в честь счастливого лотерейного билета, который достался Еремии Берадзе в качестве сдачи, соответствовало неписаному «табелю о рангах» — ведь я представлял молодежную газету, а выигрыш директора просто-напросто совпал с неизбежным застольем по случаю моего приезда в молодой рабочий поселок Ахалсепели.

Гостеприимство — одна из тех освященных веками традиций, которыми моя родина будет гордиться и которые она, несомненно, не перестанет лелеять в том далеком будущем, когда земляне обживут всю Солнечную систему.

Слишком много написано и рассказано о грузинском гостеприимстве, чтобы можно было считать разумной попытку хоть сколько-нибудь добавить к сведениям об этом увлекательном предмете. Постараться разве проследить его истоки?

Но если сказать, что корни прославленного гостеприимства грузин уходят в суровость грозных и неприступных гор моего края, то это будет просто цветистой фразой. С не меньшим основанием и успехом можно говорить о сибирском хлебосольстве, видя в нем одно из средств борьбы с беспощадностью дремучих таежных лесов или великого белого безмолвия снежной пустыни... И так далее. Должно быть, идеологическая надстройка любого народа, вместе с политическими, религиозными и иными изобретенными человеком воззрениями, содержит в себе и научные обоснования происхождения форм отношения как к званым, так и незванным гостям. Они, эти обоснования, с одной стороны, должны объяснять, почему тот или иной народ вообще гостеприимен; с другой — призваны со всей неоспоримостью доказывать, что данная исторически сложившаяся формация значительно гостеприимнее, чем всякая другая... Впрочем, я просто хотел выделить один из существеннейших атрибутов нашего гостеприимства — непреложное: гостя полагается упоить:

В различное время и с переменным успехом, в многочисленных географических пунктах нашей солнечной республики и за столом с разными людьми мне неоднократно приходилось защищать мужскую и профессиональную честь, с открытым забралом сражаясь против могучего и коварного бога вина.

Меня обычно пытались напоить, в основном, по трем мотивам.

Во-первых, хотя и командированный, я неизменно именовался **гостем** (так у нас называют всех без исключения: и приехавшего просто на отдых, и заокеанского профессора — участника симпозиума спелеологов или аллергологов, и представителя главка, и даже докучливого ведомственного ревизора). А что можно сделать гостю более приятное, чем напоить его?

Во-вторых, застолье — единственный достойный венец всякого дела.

В-третьих, всегда интересно посмотреть, как ведет себя подвыпивший приезжий человек (чамосули каци), особенно если он из центра, далеко не блестяще говорит по-грузински и к тому же зарабатывает на жизнь при помощи блокнота и шариковой ручки.

А в-четвертых (и к мотивам это уже не относится), гостя, в том числе командированного, у нас почти никогда не пытаются напоить со злым умыслом. Наши люди слишком умны и великодушны по натуре, чтобы прибегать к подобным дешевым способам самозащиты от всякого рода проверяющих, контролирующих, ревизующих — словом, приехавших «не по хорошему делу».

Я не хотел упиваться, а потому за неполные семь лет работы в качестве спецкора снискал уважение и симпатию многочисленных комсомольских, профсоюзных, хозяйственных и иных работников, с которыми имел счастье познакомиться в качестве командированного гостя на так называемой периферии.

Но прежде чем поставить точку в столь увлекательном деле, как исследование на тему о гостеприимстве, я должен рассказать один случай из собственной практики. Иначе этот разговор будет недостаточно полным и поднятая здесь проблема не получит всестороннего освещения (мне почему-то всегда кажется, больше того — я уверен, что вопрос останется не до конца выясненным, если я не выскажу по данному поводу все, что мне хочется высказать).

Так вот. Одного моего близкого товарища послали после окончания вуза на работу за пределы нашей республики. Через год он приехал в отпуск с молодой женой и в течение трех дней был моим гостем. Ему и мне (как я считал поначалу) повезло: накануне я получил за опубликованные в толстом журнале воспоминания знаменитого футболиста (это означает, что он рассказывал, я писал, а затем он подписывал) солидный гонорар — двести рублей. Подобное стечение обстоятельств — крупная, довольно неожиданно полученная сумма плюс молодая жена близкого товарища, впервые приехавшая в наш город, — могло, естественно, лечь в основу единственного решения. А именно — оказать госте достойный прием.

В продолжение трех дней я был воплощением гостеприимства.

Мы изъездили (разумеется, на такси, а не на каких-нибудь автобусах!) все достопримечательные места Тбилиси, — а их у нас, как известно, не счесть, побывали в четырех лучших ресторанах, на озере Лиси,

во Мцхета и т. п. Все это я делал далеко не бескорыстно. Во-первых, очень приятно быть гостеприимным хозяином. Во-вторых, логика моих поступков была примерно такова: пусть увидит, какие широкие, хлебосольные и вообще замечательные друзья у ее мужа, — больше будет уважать и любить супруга... Кажется, очаровательная невеста Юга* осталась довольна. Во всяком случае, она очень благодарила меня на прощанье и усиленно приглашала — судя по всему, вполне искренно — приехать в гости к ним в Саратов.

А перед отходом поезда, когда мы с товарищем на несколько минут остались на перроне вдвоем, он чуть смущенно, однако не без юмора сказал:

— Знаешь, Ирина меня спросила: «А откуда у него такие деньги?».

Тогда я впервые задумался над тем, что наше безудержное гостеприимство не у одной такой вот «невесты Юга» или просто приезжего человека вызывает подобную реакцию. Немножко обидно, а? Ну да ладно, пусть вызывает. Все равно будем принимать по-прежнему — не умеем иначе...

Вечер по поводу великой удачи Еремии Берадзе (или моего приезда? Но какая разница!) получился приятный. Никто никого не заставлял пить. Ни у кого ни с кем не было, надо полагать, никаких невыясненных отношений — ведь определенные, пусть ничтожные, но все-таки реальные отблески неразрешившихся гроз обязательно дают о себе знать в таких случаях, особенно если выпито изрядно, даже в самых респектабельных компаниях. Наконец, наше общество не было чисто мужским, как преимущественно случается в командировках, — его украшала русоволосая Тамрико — та самая, из директорской приемной, кому я сегодня утром с мальчишеской злопамятностью мстил за вчерашний прием. Увидев ее теперь, я горько пожалел об этом и мысленно традиционно обозвал себя дураком. Она могла бы стать украшением любого общества, что уж говорить о скромном нашем!

Состав был таков: директор на месте тамады, слева — Евгений Владимирович, справа я, затем — душа

---

* Герой явно позаимствовал, несколько видоизменив, это определение: «невестой Севера» ласково окрестили в Грузии жену А. С. Грибоедова Нину Чавчавадзе.

компании, балагур и начальник ОТК фабрики Яша Ройтенберг, а также скромно улыбающийся, немного словный и опрятный Игорь Капанадзе и маленький озабоченный человек в старомодных очках, главный бухгалтер по имени и фамилии — Иван Аршба.

Тамрико аккуратно прикрыла за собой дверь, застенчиво оглядела нас и весь довольно неуютный, хотя очень чистенький «банкетный зал», тихо сказала: «Добрый вечер», — и ожившей изящной статуэткой, вырезанной из орехового дерева — именно такого цвета было ее короткое платье, — скользнула прямехонько к стулу рядом с Игорем. Она ответила таким сияющим взглядом на его улыбку, что спрашивать было бы уже не о чем.

— Ты почему опоздала? — спросил новатор, похозяйски тронул ее за голый локоть и опять улыбнулся: — Тамрико — моя невеста.

Очевидно, это пояснение адресовалось мне — остальные наверняка были в курсе дела. Я неожиданно почувствовал, что мне очень не хочется не то чтоб очерк об Игоре писать, но и вообще упоминать в материале его фамилию. Однако я немедленно устыдился невольного движения души — то была совершенно несовместимая с моральным кодексом человека будущего банальная ревность, темный пережиток прошлого. Ну и пусть пережиток, вы бы посмотрели на эту девушку!

Тут я забыл о своих переживаниях, потому что поднялся Евгений Владимирович, взглядом испросил разрешения у важно кивнувшего, уже слегка подвыпившего тамады и начал говорить тост, твердо держа рюмку с коньяком.

— Друзья! Старые и новые!.. Я не умею и не люблю говорить долго, да этого, наверно, и не надо — хотя бы потому, что мы живем в эпоху, равной которой по стремительности бега времени еще не было. А когда спешит само Время — неумолимое, одинаково равнодушное к гению и дождевому червю, к герою и трусу, Время — единственное, что не подвластно человеку, если иметь в виду срок его биологического существования, — тогда нам остается одно: беречь каждый день, каждый час, каждую минуту. Помните Джека Лондона? «Время не ждет, друзья!». Да, время летит не-

заметно — и, бессовестно пользуясь этим, ежесекундно обманывает нас, и — простите за ветхую истину — не успеем мы оглянуться, как подкрадется старость. Внезапно он звонко, по-юношески заразительно расхохотался: — Вот вы и не заметили, как, излагая свою сомнительную концепцию, я украл у вас несколько десятков драгоценных секунд! Сколько ударов успели сделать за это время ваши сердца?.. Ну, а теперь — серьезно. Я хочу выпить, друзья...

Осталось невыясненным, за что именно хотел выпить Ниагвришвили, так как за тонкой стенкой, отделявшей нас от общего зала этого гибрида столовой с рестораном, раздался довольно внушительный хлопок, похожий на выстрел, — должно быть, разбилась бутылка. Вслед за тем взорвались в крике пьяные головы.

— Это что еще такое?! — тяжело поднялся с места директор; его добродушное лицо исказила гримаса гнева. — Я им...

Евгения Владимировича уже не было за столом. Спыхватившись, вскочили Яша, Игорь и я.

Но шум за дверью уже стих. Послышался голос Ниагвришвили. Что именно он говорил, я не разобрал. Да и сказал он всего несколько слов. Последние три донеслись до нас отчетливо: «... вашего не было!» Потом тишину нарушил шум, характер которого позволял без труда воспроизвести всю фразу: «Чтобы духа вашего не было!» — только так можно было истолковать звуки поспешно удаляющихся шагов.

В зале окончательно установилась тишина. Открылась дверь, вошел Евгений Владимирович и неторопливо притворил ее за собой. Он был по-обычному спокоен и сдержан, только чуточку бледнее, чем до того; на губах — презрительная улыбка.

Вот это да! Я смотрел на заведующего лабораторией с восхищением. Уже час назад, когда мы с Игорем Капанадзе проходили через общее помещение столовой-ресторана, за столиками, сдвинутыми в дальнем углу, сидело около десятка подвыпивших парней. Я успел заметить, что веселились они довольно странно: как раз подняли стаканы и молча, не чокаясь, выпили. Еще я заметил, что в стаканах явно была водка.

А кто же пьет ее в наших краях, если есть вино и к тому же на дворе — жаркий август?

Ниагвришвили, не садясь, взял свою рюмку — продолжит прерванный тост.

Директор фабрики спросил:

— Опять?

— Да, — коротко ответил Евгений Владимирович.

— Марлен там был?

В голосе заведующего лабораторией послышались нотки отчужденности и легкого раздражения:

— Никакого Марлена там не было.

Он приподнял рюмку, непринужденно объяснил, глядя на меня:

— Даже в таком образцовом трудовом коллективе, как наш, есть носители отрицательных тенденций — в частности, приверженности к горячительным напиткам. А там, где пьянка, — жди драки... Ну, ничего: как говорится в сводках сейсмологов, жертв и разрушений нет. Не считая пустой бутылки. А я с ними завтра на местком поговорю.

Больше никто вопросов не задавал. Я тем более — не пристало гостю, если у него нет, конечно, специального задания, вмешиваться в подобного рода хозяйские дела. У меня же было задание вполне определенное: написать о предприятии, завоевавшем звание высшее и почетное.

— Итак, друзья, — весело произнес Евгений Владимирович, — порядком напугав вас грозным призраком неумолимого Времени, я предлагаю теперь выпить за тех, кто все-таки сильнее его — за всех нас, мои дорогие! Ибо все мы — труженики, видим смысл своей жизни в работе, а труженик неподвластен Времени и его разрушительному воздействию. После нас останутся замечательные синтетические плащи, дамские герчатки и всякие другие полезные вещи. К тому же — воспетые нашим новым товарищем и, надеюсь, другом — уважаемым Гиви! Еремия, алаверды к тебе, и скажи, бога ради, что-нибудь поинтереснее, чем я!

Он звонко чокнулся со мной и залпом выпил.

Директор внушительно откашлялся — видимо, собрался произнести тост, действительно достойный та-

кого почетного гостя, как я... Однако нашему застолью было суждено то и дело прерываться.

Распахнулась дверь, и в кабинет ввалились Бичойя с Сашей Григолия. Оба были растрепаны и покраснелись. Бичойя, как за якорь спасения, цеплялся за Сашину руку, однако был, очевидно, уверен, что сам поддерживает его. В первую минуту я испугался: комсомольский вожак района — пьян?!

Саша не замедлил рассеять мою тревогу. Он бережно усадил Бичойю на свободный стул и тыльной стороной ладони отер лоб:

— Где здесь умыться? На мотоцикле приехал — насквозь пропылился...

Он направился в угол, к старомодному, с доской «под мрамор», до неприятного самоуверенному на вид умывальнику, на ходу бросая:

— Простите — даже не поздоровался... Сейчас все объясню.

По дороге Саша задержался взглядом на оживленно воркующих Тамрико и Игоре. По его широкому добродушному лицу скользнула быстрая тень. Я уловил это и ненадолго почувствовал себя не в своей тарелке — отчего-то показалось, что нескромно коснулся чужой тайны.

Наш тамада, к которому вернулась умиротворенность, включил традиционную принадлежность периферийных гостиниц и «банкетных залов» — вэфовскую радиолу; на тонких и упругих своих ножках она напоминала шалого теленка-сосунка. Зазвучал теплый, задумчивый голос Нани Брегвадзе. Это была «Калитка». Директор — явно не поклонник старинных романсов — хотел переменить диск, но я попросил не трогать, потому что люблю эту певицу и этот романс. Вообще русские романсы мне особенно нравятся в исполнении наших певцов; но это — сугубо частное мнение, в музыке я разбираюсь слабо.

Яша Ройтенберг, с самого начала уставившийся на Бичойю с некоторым недоумением, увидев, что тот наливает себе вторую рюмку, спросил его с подчеркнутой вежливостью:

— Простите, вы работаете на строительстве? Если б у нас, тогда я, конечно, был бы знаком с вами...

— Я с вами тоже незнаком, — с готовностью отреагировал Бичойя и иронически-удрученно развел руками: — К величайшему, разумеется, сожалению.

— Тогда извините... Впрочем, вы пришли сюда с товарищем Григолия, так что...

— Товарищ, как вы любезно разъяснили, Григолия встретился мне сегодня впервые в жизни. — Крупный Бичойин нос агрессивно дрогнул. — Но, в отличие от вас, не задавал ненужных вопросов, а обещал помочь в поисках моего друга... — Он перегнулся ко мне, нежно облапил за плечи. — И, как видите, сдержал слово.

Начальник ОТК не усмехнулся, но ничем не прикрытая насмешка прозвучала и в его хорошо поставленном голосе, и в том, как он спросил меня, выделяя каждое слово:

— Это — ваш — друг?

Бичойя не был мне другом в том смысле, который я обычно вкладываю в это понятие. Однако я не люблю, когда за столом походя обижают людей; кроме того, мне не понравился Яша Ройтенберг. Он принадлежал, по-видимому, к числу профессиональных рассказчиков анекдотов и уже успел угостить нас двумя или тремя.

Я сухо ответил:

— Кажется, он уже сам сказал об этом.

И Яша Ройтенберг стушевался и отстал от Бичойи, что, между прочим, ему же было на пользу — не на того нарвался: моего приятеля с проспекта Руставели, даже очень пьяного, еще ни разу не подводил язык.

Саша Григолия сел рядом со мной и энергично взялся за свиной шашлык — ясно, после поездки на мотоцикле на отсутствие аппетита жаловаться не приходится.

Евгений Владимирович подошел к радиоле, покопался в немногочисленных пластинках — и полилось медленное старое танго.

— Дамы приглашают кавалеров! — провозгласил он. — А поскольку дама одна... — И добродушно посмотрел на Игоря и Тамрико, словно объединяя их этим взглядом.

Девушка легко поднялась. Упруго встал Игорь. Он поглядел на Тамрико весело и ласково, однако

лично я заметил в глазах героя моего будущего очерка еще и спокойную уверенность, даже некоторую скуку — и тут же понял, что неправ, мне просто захотелось это увидеть. Недаром мама часто говорила, что не знает человека более необъективного, чем я, — разве вот отец, он «тоже хорош был: если уж невзлюбит кого-нибудь, то готов всех чертей на него вешать, а понравится кто — все для него сделает, все отдаст...»

Но Тамрико безмятежно улыбнулась жениху и сделала движение в мою сторону, протянула руку.. Танго тем хорошо, что его умеет танцевать каждый — надо лишь как можно непринужденнее передвигать ноги и не забывать безумолку говорить партнерше что-нибудь приятное или хотя бы смотреть на нее как можно более томно.

Мы прошлись с Тамрико в некоем подобии танца, и я все старался понять, с чего это она меня пригласила. Может, успела слегка повздорить с Игорем и теперь по-женски мстит ему? Не слишком оригинально; значит, девица — как все. И что только Саша нашел в ней?

— А вы, кажется, считаете танцы довольно глупым занятием? — спросила Тамрико, избежав очередной моей попытки наступить ей на ногу, и невинно продолжала: — Ну, понятно — ведь у вас такая ответственная, сложная работа...

Как говорит герой одной любимой мною книги, я ничего не имею против иронии, если она не направлена против меня. Признаться, я несколько опешил. Потом разозлился и ответил серьезнее, чем хотел:

— «Ответственная», не «ответственная» — не так уж важно. А вот сложная — это да...

Меня самого резанула по ушам вопиюще ложная значительность собственной фразы, и я приготовился к худшему, потому что понял уже: это девушка, как говорится, с характером.

— Не обижайтесь на меня, — неожиданно сказала она почти шепотом. — Я перед вами виновата и потому злая...

— Но в чем?

— Я вас... я вчера обманула. — В ее огромных глазах были прямота и вызов. — Да, обманула! Когда вы пришли, Еремия Шалвович сидел у себя в кабинете.

Он знал, что вы должны приехать... И машина была в порядке. Но он специально сделал так, чтобы вам пришлось добираться самому.. А мне велел: «Скажи — уехал, мол... ну, гостей встречать... Пусть не думает, что мы мечтаем, чтобы о нас в газете написали!» — Тамрико помолчала (мы бестолково топтались на месте в такт музыке) и добавила: — Можете все ему рассказать. Я не боюсь!

Но мне уже было смешно.

Не очень часто, однако не раз приходилось встречаться с подобными явлениями. Что ж, случай, в общем-то, заурядный: ложное представление о престижности, неуклюжая попытка защитить честь мундира, хотя никто и не думал на нее посягать. Бог с ним — командиром производства из фильма послевоенных лет! Я даже обрадовался: поступок Еремии отлично вписывался в его психологический портрет, который успел сложиться в моем сознании.

Я рассмеялся, и Тамрико с облегчением засмеялась тоже. Наверное, так рождается понимание, ведущее к дружбе.

— Да, — спохватился я, — но почему вы мне все это рассказали? Я же никогда бы не узнал! И даже танцевать специально пригласили... Ведь правда?

— Правда. А рассказала потому, что не люблю врать. Хотя иногда очень стараюсь! Приходится, знаете, быть секретарем тоже не просто... Но — не получается...

Я и не заметил, что танго кончилось — теперь из-под иглы адаптера звучал, кажется, вальс, — и продолжал топтаться на месте.

Раздались издевательские аплодисменты. Конечно, это был Саша Григолия. Остальные бы такого себе не позволили — для них я гость. Что касается Бичойи, то он уже успел уйти в отрешенность опьянения.

— Чему радуешься? — огрызнулся я. — Тоже мне питомец Рамишвили-Сухишвили* нашелся!

На что комсомольский вожак района резонно ответил:

---

* Художественные руководители Государственного академического ансамбля народного танца Грузии, лауреаты Государственной премии СССР и премии им. Ш. Руставели.

— Пусть так. Но я и не берусь за то, чего не умею, пижон ты несчастный!

Уж не ревнует ли он? Глупости, Сашу я достаточно хорошо знаю. Я быстро взглянул на Игоря Капаназе. Законный жених Тамрико благодушно смотрел на нас — как, слегка смущенные, мы шли к столу. Вот кто спокоен и уверен, с непонятной злостью подумал я. Еще бы, ему-то уж по всем статьям должны быть совершенно чужды темные пережитки прошлого!

А во всем остальном вечер, повторяю, получился хороший: непринужденный, теплый и веселый. Немножко, по-доброму, опьянев, я даже на обманщика директора смотрел с благожелательным юмором: скажите, пожалуйста, каков Макиавелли! Чтоб, значит, я не вообразил, будто он стремится в газету попасть!

— Простите, товарищ Саша... Вы говорили — должны нам о чем-то рассказать?

Это произнес тихим, чуть дребезжащим голосом Иван Аршба, главный бухгалтер. До сих пор он молчал, что было не совсем обычным явлением — абхазы, как, впрочем, и все наши аборигены, народ в основном шумный, экспансивный и говорливый.

— В самом деле, — спросил Евгений Владимирович, — что-нибудь случилось?

Саша не без сожаления оторвался от лобно с орехами — великолепно, кстати, приготовленного.

— Да ничего особенного — очередное наводнение ожидается... Наше календарное ЧП! — произнес он со словно бы привычной злостью.

— Когда кончится это безобразие?! — грохнул кулаком по столу Еремия Берадзе. Глаза у него превратились в щелки; лицо было уже рубиновым.

Я вопросительно посмотрел на Сашу, но тот лишь усмехнулся и вернулся к лобно — наглядное свидетельство тому, что душевным мукам не обязательно сопутствует потеря аппетита.

Иван Аршба озабоченно покачал головой. Игорь Капаназе сделался серьезным. Яша Ройтенберг ухмыльнулся:

— Когда-нибудь... в светлом грядущем.

— А ведь здесь не до шуток, — недовольно сказал Ниагвришвили. — Видите ли, Гиви, дело в следующем...

Он коротко и толково объяснил мне, что такое «очередное наводнение» и «календарное ЧП». Это была в равной степени занятная и возмутительная история.

Как я уже говорил, половодье горных рек, в отличие от их равнинных сестер, начинается не весной, а летом.

Здесь, в долине, давно уже тепло, потом — жарко, и при виде сияющего от сознания собственной мощи яркого солнца хочется, споря с великим поэтом, воскликнуть: «Да здравствует тьма!», и мечтается о тенистых гротах, затяжных дождях и даже мрачных подземельях.

Там, где древние ледники прочно держат в холодных объятиях черные скалы, а небо — бездонно-синее, и колючие звезды нашептывают что-то зловещее на тему об абсолютно нулевой температуре, — там еще безраздельно царствует Снежная королева.. Ледники начинают таять не скоро, да и то, как известно, не до конца ослабляют свою железную хватку. Поэтому в наших краях половодье нередко достигает апогея в ту пору, когда северные реки уже пересыхают.

Так вот: в продолжение почти двух десятков лет (отсчет ведется со времени, как люди заселили эти прежде не обжитые места) из года в год повторялось событие, со злым юмором названное «календарным ЧП». Кодори впадала в буйное помешательство — вздувалась, выходила из берегов, пенилась, глухо ревла в ущельях, норовя перехлестнуть за высокие стены теснин, и широко разливалась в равнинных местах, грозя затопить посевы кукурузы, чайные, лавровые, цитрусовые плантации.

Больше всего река досаждала, естественно, работникам совхоза. Но в иные годы ее разлив мог стать опасным и для жителей поселка. Занятность же и возмутительность истории, которую рассказал Евгений Владимирович, состояла в следующем.

Все эти неполные двадцать лет, ежегодно в июле или августе (в зависимости от того, когда начиналось таяние ледников), Кодори исправно разрушала хрупкие, в сравнении с ее сокрушительной силой, береговые укрепления — в самом начале освоения местности и создания совхоза они были построены как вре-

менные; в дальнейшем предполагалось сооружение постоянной бетонной дамбы. Но годы шли, а до того, чтобы раз и навсегда укротить реку, сковать ее долговечным, созданным по всем правилам инженерной науки укреплением, все как-то руки не доходили.

Почему? — спросите вы.

— Почему? — спросил я Ниагвришвили.

Он пожал плечами:

— Заинтересованных организаций — достаточно: прежде всего совхоз, потом мы, соседний животноводческий колхоз — у него в прибрежной зоне есть пастбища, теперь еще и строители, потому что река заливает иногда немалые участки дороги... Но... Никто в одиночку, только своими силами, задачу решить не может. К тому же: «С какой стати именно мы?» — рассуждает каждый и, признаюсь в качестве представителя фабричной администрации, ваш покорный слуга — в том числе. Договориться же никак не можем... И вот ежегодно — пресловутое проклятое «ЧП». О, тогда мы объединяемся, чтобы.. — он печально и презрительно повел головой, — чтобы противопоставить слепой стихии волю, упорство и разум человека... Ну, воли и упорства нашим людям, вы это лучше меня знаете, не занимать. В конце концов обуздываем эту милую шалунию.. Не без потерь, конечно, не без потерь. В прошлом году река сгубила около ста гектаров совхозных посевов.

— Сто семнадцать, — негромко вставил Иван Аршба.

— Вот видите! — подхватил Ройтенберг. — Наш главбух не только фабричную копейку умеет считать. Это, уважаемый товарищ корреспондент, и есть подлинно государственный подход к вещам! Я как раз вспомнил забавный случай...

Вероятно, веселый начальник ОТК собирался рассказать очередной анекдот.

Евгений Владимирович удивленно поднял брови — и Ройтенберг осекся. Странно, подумал я, ведь Ниагвришвили ему не начальник, а такие люди только перед начальством пасуют.

— ...Сто семнадцать, — повторил Ниагвришвили. — Но главное, знаете, даже не в этом — в том, что из года в год напрасно расходуются упомянутые выше

воля и силы. Что же касается разума... Мы ведь не строим нового. Мы только восстанавливаем разрушенное; наспех латаем береговые укрепления: засыпаем землей, гравием, забрасываем чем попало — и заранее знаем, что через год повторится то же самое... Словом, бесхозяйственность — безобразная! — Он принялся разливать вино, потом поставил на стол кувшин, взялся за бутылку с коньяком, наполнил рюмку Бичойи, свою — и с легким лукавством заключил: — Вот об этом и напишите, голубчик! Будет куда полезнее, чем прославлять наш замечательный трудовой коллектив...

— И напишу! — заявил я; голова у меня слегка кружилась, а мысли были четкие, ясные и смелые.

Но даже в эту минуту в глубине души я прекрасно понимал, что ни черта я об этом не напишу; если же и напишу, то все равно никто не напечатает — ни «За», ни даже редактор, время от времени решавшийся на скандальный материал, за что однажды его уже едва не сняли. Не напечатают, скажут: не наша тема.

..Я довольно много порассказал вам о своем отношении к газетному делу — может, даже слишком много и слишком откровенно. И подтверждаю: говорил то, что думал. Однако меня всегда выводила из себя глупость в любых ее проявлениях. Поэтому я спросил:

— Ну, а как же районное руководство? Ведь, в конце концов, район не может не быть заинтересован...

— У района много других забот. И, кроме того, вы же знаете: руководители на местах ждут помощи от соответствующего министерства... Министерство — указаний вышестоящих органов...

Да, я все это знал, не впервые с этим сталкивался — и неизменно бесился от сознания беспомощности, невозможности расставить все точки над «и», назвать, а часто и найти виновных. И в итоге добросовестно писал то, чего от меня ждали, привычно выслушивал искренние или лицемерно-завистливые похвалы, получал — пусть небольшие, соответствующие масштабам молодежной газеты, — надбавки к гонорару. И не замечал, точнее, старался не замечать, что постепенно теряю к себе уважение... А-а, да пошло оно все к черту! — привычно отмахнулся я; услышал чистый, как голос колокольчика, смех Тамрико, очнувшись, присмотрелся к нему.

релся. Она, как пицут в рассказах, вся превратившись в слух, сияющими глазами смотрела на Игоря Кана на наде — приятного такого, симпатичного молодого человека, будущего своего спутника жизни.

Рядом со мной молча сидел Саша Григолия, потомственный крестьянин и секретарь райкома комсомола, очень хороший и такой же некрасивый парень... Терпеть не могу красивых мужчин — в них почти всегда, за редким исключением, есть что-то немужское. Но у девушек, верно, своя точка зрения на такие вещи... Проклятье, подумал я о Сашиной несчастливой любви, в которой уже не сомневался — слишком многое было написано на его широком лице, во всяком случае для меня: вспомнил свою, из глупого упрямства и никчемной склонности к рефлексии потерянную девушку — и у меня окончательно испортилось настроение.

Тут секретарь райкома деловито осведомился у водителя фабричной комсомолки:

— Сколько ребят сможешь дать? Человек пятьдесят, как в прошлом году?

— Ну, это, пожалуй... — начал было Игорь, но моментально протрезвевший Еремия перебил его:

— А сто для ровного счета не хочешь? У меня, дорогой, план, и...

Началась хорошая деловая перебранка, от которой сразу стало легче на душе. О, великий друг и спаситель — Дело! Единственное, что мутное делает ясным и осмысленным, сомнительное превращает в нужное, и, обещая ни с чем не сравнимое счастье конкретного свершения, дает силы и уверенность! — Так бы вскричал я, наверное, в душе своей, если б был поэтом. Однако я был просто газетчиком и потому, забыв об отвлеченных мыслях, с удовлетворением подумал: «Календарное ЧП» — это интересно. Это дело живое, необычное... Обязательно сделаю о нем материал. Даже если придется задержаться на день-другой. «За» как-нибудь переживет. А денег, если понадобится, займу у Саши».

Разошлись за полночь. Мы с Сашей довели до дому размякшего Бичойю, который признательно сказал на прощанье:

— Безмерно благодарен вам, сэры! Спокойной ночи.

Саша ночевал в моем «номере» — с утра ему предстояло объехать несколько сел, расположенных в предгорьях, и я хотел отправиться вместе с ним. Программа моей командировки была, по существу, выполнена; оставалось только «добрать» материал для очерка об Игоре Капанадзе. Но это меня не смущало. У Остапа Бендера был проданный им за двадцать пять тугриков «Торжественный комплект для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей». В моем распоряжении находился не менее ценный и столь же сомнительный багаж — богатый опыт написания табельных очерков о лучших представителях нашего славного молодого поколения.

На первых порах, получив редакционное задание, я предварительно составлял некое подобие вопросника — чтобы не попасть в дурацкое положение, когда сидишь и мучительно думаешь: о чем еще спросить человека? Со временем необходимость в этом отпала — в голове прочно сидела отстоявшаяся система вопросов интервьюируемому, которая годилась на все случаи жизни.

Мы молча разделись и легли на свои гостиничные прокрустовы ложа. Выключатель был рядом с Сашей; он погасил глупо расфранченную люстру в три лампочки.

Потом опять включил свет, сел в кровати, обхватил большими крестьянскими ладонями сильные плечи, глядя мне в глаза, сказал:

— Слушай, Гиви. Ты, конечно, понял.. Я, верно, дурак, а?

— Не ты, а этот... этот хлюст, о котором я писать должен. И она тоже..

Комсомольский вождь района громко засопел, и я поспешно добавил:

— Она очень славная. Знаешь, по-моему... Ну, в общем, они ведь еще в загсе не были, так что...

Странно, до чего мало нужно иногда человеку.

— Так что, — передразнил меня Саша счастливым голосом, — ты, уважаемый писатель, по-моему, сам дурак.

Он снова щелкнул выключателем, и мы заснули.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

«Исправленному — верить» ● Саша Григолия в раз-
ных аспектах ● ...Я напишу о том, кто обгоняет вре-
мя ● Как надо шапку носить ● Скандал в благород-
ном семействе

Мы оба проснулись в хорошем настроении, потому что пили вчера настоящее вино, как следует выспались, а утро было ясное и солнечное.

Саша начал возиться с мотоциклом, у которого, по его словам, «барахлило зажигание, да и вообще этот металлолом давно пора пустить на переплавку».

Я сказал:

— Слушай, Саша, посмотри на себя! Ну, какой ты, к черту, секретарь райкома? Ботинки — категории «БУ», ковбойка тоже явно «бывшая в употреблении» — не разберешь расцветки. А уж транспорт..

Его агатовые глаза блеснули под белесым чубом.

— А что мне — в смокинге на мотоцикле разъезжать?

— Кстати, где твой «Москвич»? Или не получил еще?

«Москвич» был премией ЦК комсомола за большой чай, собранный молодежью района в прошлом году.

Саша оставил в покое зажигание, не поднимаясь с корточек, снизу поглядел на меня, с нехорошей улыбкой произнес:

— «Москвич» я получил — можешь сердечно поблагодарить от меня вышестоящих товарищей.. Только на кой дьявол он мне сдался?! У нас две трети района — в горах, туда на этой игрушке разве доедешь?! Просил «колхозник» — сказали: «А вертолет не хочешь? За «колхозник» теперь «Волгу» дают». Вот и приходится на мотоцикле.. — Он пнул носком ботинка выдавшую виды покрышку, любовно проворчал: — Эй, ты, скотинка моя любимая!

Я по собственному опыту знал: если мотоцикл капризничает и вы уже не в силах найти мало-мальски разумное этому объяснение, то остается одно — пнуть его ногой куда попало и выругаться как следует. Саша поступил именно так — и, представьте, подействовало.

Он рванул кикстартер, мотор обрадованно взревел, потом сыто замурлыкал басом — этакий лукавый, себе на уме кот, притворявшийся спящим или дохлым, чтобы его не тревожили.

— Товарищ корреспондент, — уже сидя в седле, ухмыльнулся Саша, — а, товарищ из центра! Хочешь со мной? Насколько я понимаю, материал у тебя уже в кармане... Поедем — посмотришь настоящую жизнь. Так, для души.

Посмотреть «настоящую жизнь» я никогда не отказывался. Во-первых, это было интересно. Во-вторых, если даже свежая информация, новые впечатления, которых в таких случаях всегда бывает в избытке, сами по себе и «не лезут» в рамки газетного материала, они в конце концов не пропадают даром — когда-нибудь, где-нибудь, как-нибудь да и дадут о себе знать. Это может быть рожденный неожиданной ассоциацией «поворот темы», или пришедшееся кстати коротенькое лирическое отступление, или... Да мало ли как и в чем может пригодиться газетчику подобранная неважно где крупинка жизненного опыта! Заранее знать, о чем писать, еще не означает заранее знать, как писать. Кроме того, теперь, после нескольких лет работы в редакции, я, кажется, опять начинал верить, что когда-нибудь все-таки напишу свою книгу... А ведь забавно получилось. Я еще в школе пробовал сочинять рассказы, но чувствовал — не то и поэтому даже не пытался их напечатать. Год на заводе дал мне очень много, хотя я и поздно это понял. Пусть из меня не получилось рабочего, зато этот первый год самостоятельности — в самом приземленном, обыденном смысле слова, в смысле возможности курить заработанные собственным трудом сигареты или угостить девушку мороженым на деньги, в которых овеществлены твои умственные и физические усилия, — этот год, выражаясь (что мне, признаться, куда легче) газетным штампом, стал в моей жизни таким переломным моментом... Так вот, пока я работал на заводе — совсем не писал. Ни строчки. Зато в университете, случайно узнав о конкурсе на лучший рассказ (между прочим, его объявила редакция, в штате которой я сейчас имею честь состоять), написал нечто, чего, как понимаю теперь, не смог бы написать, не будь того — заводского

года... Гордая застенчивость помешала мне самому отнести рассказ в редакцию — точнее, опустить его в почтовый ящик, который висел в вестибюле. Это сделал за меня товарищ. Сегодня мне ясно, что рассказ получился плохой — искусственный. Но, видимо, действительно: на безрыбье... Я получил первую премию — целых пятьдесят рублей, не считая гонорара, и, воодушевленный, решил «серьезно» писать для газеты.

Ничего из этого не получилось: мои очерки, даже скромные заметки отвергались редакцией... И — опять-таки «теперь»: теперь я понимаю, в чем дело. Очерки были не так уж плохи, а информации и вообще ничем не хуже тех, что изо дня в день появлялись на газетных страницах. Просто у меня не было имени, и это не громкие слова, а факт. Когда критерии оценки смазаны, неопределенны (а порою — вовсе отсутствуют), тогда написанное апробированным, если так можно выразиться, человеком — почти неизменно «подходит». И наоборот.

Я сделал так же, как, вероятно, сделали до меня многие, — «наступил на горло собственной песне», стал, обдирая колени и локти, втискивать себя в узаконенные (кем? когда?) рамки газеты. И стал газетчиком-профессионалом. А когда почувствовал себя уверенно, то начал допускать некоторые «вольности». Ну, например, делая зарисовку о молодом маляре — члене горкома комсомола, ни к селу ни к городу вдруг поведал безответному читателю (очень коротко, разумеется), как мы сидели с героем в его скромной комнатке, беседовали, а «в ночи прозвучал гудок электровоза — словно кто-то провел карандашом черную четкую черту по чистому листу бумаги»... Прошло! Даже заметили, похвалили. Поощренный, я продолжал в том же духе — и довольно скоро выбился в ведущие очеркисты... А ведь если задуматься всерьез, это же ужас кромешный! Я попросту научился с умным видом излагать общие места, повторять избитые истины, шелухой ни о чем не говорящих фраз искусно маскировать фактическую пустоту своих, с позволения сказать, творений... Ну, да не об этом сейчас речь — хотя именно это доводило меня подчас до отчаяния.

...— Ты как, поедешь или нет? — нетерпеливо спросил Саша Григолия. Нетерпеливо не потому, что я

молчал, раздумывая, так же долго, как и рассказывая вам все это. Просто таким уж человеком был Саша терпеть не мог нерешительности и пустого раздумья, чем бы то ни было.

— Поеду. Только заскочим сначала на фабрику.

Нам не пришлось ехать в горы на мотоцикле.

У ворот, под алым приветствием «С добрым утром, товарищи!», стоял свежеумытый — крупные капли весело блестели под ярким солнцем — «колхозник», а рядом с ним трое: директор, Игорь Капанадзе в знакомом мне аккуратном комбинезончике, всем своим видом словно желающий, вместе с плакатом над воротами, успехов в созидательном труде всему прогрессивному человечеству, и черноволосый, мрачноватого вида парень с прической того фасона, который сегодня привычен, но по которому в ту пору участковые уполномоченные милиции и классные руководительницы «безошибочно» определяли стилияг. А в машине, рядом с местом водителя, сидела сияющая Тамрико.

Саша Григолия — от неожиданности или по привычке (он всегда отличался некоторым лихачеством за рулем) — затормозил так резко, что коляску занесло и я чуть не стукнулся носом в ветровой плексиглас. Мрачная личность скользнула по нас равнодушным взглядом и, видимо заканчивая разговор, напутствовала героя моего будущего очерка:

— Так смотри: угробишь машину — шею сверну.

После этого парень швырнул Игорю Капанадзе ключи и, не проронив больше ни слова, пошел прочь.

Игорь спокойно улыбнулся, сел за руль, жестом гостеприимного хозяина пригласил нас:

— Прошу!

Мы с Сашей переглянулись и полезли в машину. Еремия Берадзе, слегка опухший, тем не менее нашел в себе силы благожелательно сказать:

— Чего вам на мотоцикле пылиться? А «колхозник» тоже везде пройдет... И водитель у вас что надо — не любитель какой-нибудь, шофер третьего класса.

Тамрико звонко крикнула:

— Слышишь, Марлен? У Игоря — третий класс! Так что не бойся за свое сокровище.

Удаляющийся черноволосый «стиляга» замер на полушаге, обернулся, хотел что-то сказать, но толь-

ко заулыбался во весь рот и, махнув рукой, пошел дальше, скрылся за углом. Улыбка эта на секунду сделала его звероватое лицо красивым, и я с некоторым беспокойством подумал, что тут, пожалуй, следовало бы говорить уже не о «треугольнике», а о геометрической фигуре, символизирующей большую сложность человеческих отношений. Тоже мне — «Леди Макбет Мценского уезда!» Угораздило же Сашу... Я взглянул на Тамрико укоризненно, однако она ответила прямым доверчивым взглядом, нетерпеливо спросила:

— Поехали? Правда, замечательное утро?

И я заулыбался самым дурацким образом, и у Саши Григолия лицо сделалось блаженно-детским, и даже Еремия Берадзе (я говорю «даже», потому что наш вчерашний тамада явно изнемогал в неравном поединке с похмельным синдромом) добродушно осклабился:

— Марлен-то, а? «Шею сверну...» Ну, ни пуха ни пера! Эх, молодость, молодость... Завидую!

Мы поехали, и я сразу понял, что Игорь действительно отличный водитель: он вел машину легко и уверенно, словно она была естественным продолжением его тела, как руки и ноги.

В самом деле герой нашего времени, этаким голубой человек! Прямо-таки средоточие положительных качеств... А до чего разносторонняя личность: передовик производства, общественник, комсомольский вожак, машину водит, ихтиологией увлекается, не пьет, не курит...

— Курите? — сунул я ему через плечо пачку сигарет.

— Спасибо. — Игорь отрицательно мотнул головой. — У нас в семье никто не курит. Отец даже на фронте не курил...

Я разозлился на себя: с чего прицепился к человеку? Ведь видел вчера за столом, что не курит. И все-таки продолжал:

— И, как я понимаю, не пьете тоже?

Тут Тамрико повернулась ко мне. Не обернулась, как это бывает в дороге, чтобы сказать слово-другое, а именно повернулась — всем телом, обняв рукой спинку сиденья, устраиваясь поудобнее, будто для долго-

го разговора. Она внимательно посмотрела мне в глаза и с неподдельным интересом спросила:

— Разве это плохо, когда человек не пьет и не курит?

Пока, растерявшись, я думал, что ответить, девушка заняла прежнее положение, обратив ко мне безмятежный затылок в белокурых завитках.

«Не крашенные», — никак не отметил я и лишь после этого ощутил стыд. Как это она уловила мое недружелюбное отношение к Игорю? И что он мне, в самом деле, дался?

— Скажите, — склонился я к нему, чтобы как-то нейтрализовать собственную неловкость. — Кто такой этот Марлен? Помните, вчера, когда в столовой драка чуть не случилась, Еремия Шалвович назвал это имя. Он не о нем спрашивал?

— Конечно, о нем.

— Почему «конечно»?

— А потому, что Марлен — тот самый парень, которого наши ребята взяли полгода назад на поруки. — Игорь ловко, не трогая тормоза, объехал глубокую рытвину; «колхозник» уже оставил за собой Ахалсопели и теперь бежал над Кодори, по изъезженной самосвалами грунтовке, которой мы с Бичойей шли позавчера со станции. — Евгений Владимирович сегодня вкратце рассказал мне, какой материал о работе комсомольской организации он вам дал, — продолжал Игорь. — А Марлен ведь комсомольского возраста... Ну, мы и считаем, что в первую очередь отвечаем за него.

Все было логично — и вчерашнее беспокойство Еремии Берадзе («Марлена там не было?») тоже.

— А что он такое натворил?

— Как вам сказать... — Игорю приходилось все время переключать передачи и вертеть баранку — мы достигли «крепости» Абеда Арчвадзе и, сопровождаемые воинственным лаем его пса, углубились в джунгли каменных холмов. — На первый взгляд — ничего особенного. Так, пьяная драка. Плохо то, что не в первый раз...

— А по-моему, — вмешалась Тамрико, — никакое ваше перевоспитание здесь не поможет! Он, я думаю, на все способен.

— «На все способен»? — улыбнулся Игорь своей обычной спокойной улыбкой. У кого-нибудь другого она бы мне обязательно понравилась, у него — раздражала. — Что ж это ты так мило с ним пошутила на прощанье?

— Ничего не «мило»! — рассердилась девушка и с уже знакомой мне обезоруживающей серьезностью добавила: — Жалко почему-то стало. Ну, когда он уходил... один такой.

— Ха! — неожиданно восхитился Саша Григолия. — Жалко ей стало! Ты бы посмотрела, что он натворил в прошлом году в райцентре... Одного парня чуть не искалечил. Насилу вырвали... Нет, меня спросить — веревка по такому плачет!

— Прямо уж и плачет? — впервые за время нашего знакомства Игорь Капанадзе говорил со злостью, и я понял: между ними давнее соперничество, а может, не только соперничество — должно быть, Саша его в чем-то «не принимает», как и я, и он это чувствует.

— Ну, если не веревка, то, во всяком случае, тюрьма — наверняка! — отрезал мой бескомпромиссный друг.

— А как же «исправленному — верить»? — ехидно спросила Тамрико.

Если помните, был кинофильм под таким названием.

— Исп-рав-ленному? — отдельно повторил Саша Григолия. — Верить? — И пропел — насколько позволяла тряская езда: — Верю-верю всякому зверю, а ему — подожду-у... — Потом кивком показал на меня: — Вот попросите уважаемого представителя молодежной прессы — он вам расскажет кучу умильных историй об исправленных, которым поверили... А с меня хватит хлопот по трудоустройству досрочно освобожденных!

— В таком случае, — с готовностью начал я, — предлагаю вашему вниманию жизнеописание Шакро-Чугунного зуба...

Саша не обманул моих ожиданий.

— Я тебе покажу Чугунного зуба! — зашипел он, и я покорно замолчал, хотя мне очень хотелось рассказать невесте Игоря Капанадзе, к которому я не испы-

тывал ни малейшей симпатии, немножко правды о Саше Григолия, которого я любил.

Жизнеописание Шакро-Чугунного зуба Тамрико узнала от меня значительно позже, и потому эта отнюдь не умилительная, хотя и не лишенная интереса история не оказала никакого влияния на взаимоотношения двух секретарей — райкома комсомола и цеха фабрики изделий из синтетической ткани.

Как я уже говорил, начальство Сашу Григолия ценило. Однако ценить еще не значит любить. Начальство его не любило, и, если быть объективным, имело на то уйму причин.

Во-первых, Саша Григолия был не то что груб, но — как бы это помягче выразиться? — недостаточно дипломатичен, что ли... Когда, например, комсомольскую организацию района за высокие достижения в чаеводстве, кормодобыче или цитрусоводстве награждали переходящим Красным знаменем или Почетной грамотой, он, конечно, отвечал на оказанное высокое доверие новыми повышенными обязательствами с соответствующей благодарственной преамбулой, что воспринималось с естественным удовлетворением. Но одновременно не забывал напомнить о том, что молодежь давно ждет обещанного факультета сельскохозяйственного института, а также фондов на строительство спортивного зала... Конечно, с его стороны было не слишком тактично омрачать светлый праздник скучными будничными материями. Но пока Саша Григолия ограничивался устными, пусть достаточно надоедливими напоминаниями, это вызывало лишь легкое недовольство. Когда же он обнаглел до того, что от имени комсомольцев, юношей и девушек района к обещанию «трудиться с новой творческой энергией» присовокупил однажды: «уверенные в готовности республиканских органов выполнить данное молодежи слово открыть факультет СХИ...», тогда начальство справедливо возмутилось, и если б не чувство юмора одного из секретарей обкома, то... словом, сами понимаете.

Во-вторых, мой должностной друг терпеть не мог всякого рода показухи, многочасовых совещаний и трескучих речей — иначе говоря, всего того, что составляло в известный отрезок времени чуть ли не свя-

тая святых комсомольской, да и не только комсомольской, работы. Как-то мне довелось сидеть рядом с ним на бесконечном и весьма представительном заседании. Первый час Саша добросовестно слушал докладчика. В начале второго начал клевать носом. В середине третьего внезапно пробудился, недоумевающе уставился на выступавшего (это был все тот же оратор) и внятно произнес:

— Сколько можно заседать? Давайте или начнем работать, или пойдем пить!

Большинство тех, кто его услышал, засмеялись громко и от души.

То обстоятельство, что Саша Григолия был известен в широких кругах комсомольского актива республики как принципиальный противник всякого рода застолий, не избавило его от крупного разговора с работником довольно высокого ранга.

В-третьих, он откровенно пренебрегал многочисленными инструкциями и мудрыми советами, в изобилии сыпавшимися на него «сверху» и имевшими своей целью обучить тонкостям работы «по коммунистическому воспитанию молодежи, ее мобилизации на превращение в жизнь грандиозных задач, поставленных...» и т. д.

— Маменькины сынки! — со злостью сказал он мне однажды. — Их папы и добрые всеильные дяди прямо из студентов на руководящую комсомольскую работу вытаскивают, они ко мне приезжают и что-то там порют о высоких идеалах и святых обязанностях... Я свои обязанности и без них понимаю. Но что они со мной всякую околесицу несут — это еще черт с ними! А когда перед ребятами? Приехал недавно такой вот сопляк-инструктор — мы в одном селе собрание проводили тематическое, в плане перевоспитания уклоняющихся от общественно полезного труда. Там ребята неплохие, только им высокие цены на рынке голову заморочили, вот они и тяготеют к приусадебным участкам. Тем более в колхозе — копейки на человеко-день получают... Ну, я с ними поговорил по-деловому, с цифрами. Выступил один паренек из соседнего района — специально его пригласил, мы с ним в прошлом году в доме отдыха познакомились, — рассказал об интенсивном откорме молодняка, который они начали

внедрять... Тоже цифры, расчеты — килограммы, центнеры, рубли... Ребята по-хорошему зашумели, оживились, вижу — за карандаши взялись, заинтересовались, значит. Да и то сказать: кому охота в базарных торгашах ходить? И вот тут этот молокосос пожелал выступить. Я сразу неладное почуюл. Но что поделаешь — «товарищ из центра»! Он вперед вылез и начал: «Мы, молодая комса... Как вам не стыдно, товарищи! Вот Павка Корчагин, Матросов, Тина Иосебидзе, Гастелло...» В общем, прислал бог дурака на мою голову! О Павке Корчагине и Тине Иосебидзе они сами прекрасно знают — еще пацанами читали, уважают, преклоняются перед их памятью... Но ведь речь совсем о другом — будничном, житейском шла! Смотрю: ребята мои сразу заскучали, начали переглядываться, а кое-кто — и пересмеиваться. Понятно. Нельзя смешивать разные вещи! И откуда он взял эту «комсу»?! Надо ведь соображать. Он бы еще заорал: «По коням! Шашки наголо!» ..Так и погубил хорошее собрание, недоумок... В наше время надо уметь считать, сейчас любой колхозный паренек — экономист, его словесной трескотней не проймешь, его материально заинтересовать надо!

...В-четвертых, потомственный крестьянин Саша Григолия не признавал никаких кумиров, кроме одного, имя которому, по собственному Сашину, исполненному застенчивой иронии, определению, было: «Его превосходительство товарищ Труд». Так его воспитали дед, с детства и по сей день работавший на земле, отец, прошедший всю войну и хотя не водружавший красного флага над рейхстагом, но видевший, как это делал его земляк Кантария...

А вот избытком почтительности ко всякого рода начальству Саша не отличался. Причем относилось это к начальству любому — как местному, так и заезжему.

Именно потому он без тени благодарности отклонил в свое время заманчивое предложение возглавить комсомольскую организацию одного курортного города — заманчивое потому, что там у него не было бы особых хозяйственных забот, нервотрепки из-за невыполненных планов и тому подобного.

Свой отказ Саша объяснил начальству так:

— Я — крестьянин, всяким там тонкостям обож-
дения не обучен, а ведь это курорт, туда разные ува-
жаемые гости приезжают... Вдруг что не так скажу
или сделаю? А в сельском хозяйстве кое-что смыслю,
район — родной мой, вот и будет полезнее для дела оста-
вить меня на прежнем месте.

Его скромность была оценена по достоинству. К
тому же охотников занять вакантную должность секре-
таря горкома комсомола, да еще в благодати черно-
морских субтропиков, нашлось предостаточно.

Для друзей мотивировка отказа была несколько
иной:

— Там гостей круглый год хватает, а в сезон и во-
обще, как тараканы, со всех сторон сползаются... У
меня же нет отца-миллионера, чтобы всех кормить и
поить! И не мое это дело — всякой шушере угождать.
Они ведь и впрямь думают, что у нас виноград на ули-
цах с деревьев свисает, а кран откроешь — «изабелла»
потечет...

По всему поэтому начальство — разное — едино-
душно не любило Сашу Григолия. Да и за что, собст-
венно, было его любить?

Но, повторяю, ценило. И он действительно был от-
личным работником. А работники нужны всегда. Осо-
бенно если они, обладая прекрасными деловыми каче-
ствами, вместе с тем не являются карьеристами (бы-
вают ведь такие феномены) и, следовательно, не опасны.

Теперь — о Шакро-Чугунном зубе и той роли, ко-
торую сыграл в его судьбе Саша.

Шакро был вором-рецидивистом и замысловатую
приставку к своему христианскому имени получил, на-
до полагать, не только по внешнему признаку, тем
более, что левый верхний резец у него был отнюдь не
под чугунной — под золотой коронкой. Здесь не вре-
мя и не место копаться в хитросплетении обстоятельств,
сделавших Шакро вором. Скажу только, что из тридцати
с лишним лет своей жизни он провел на свободе
меньше половины, что «Чугунным зубом» был прозван
за крутость нрава и недюжинную физическую силу,
особенно устрашающую в сочетании с малым ростом и
тщедушностью сложения, и что, наконец, отсидев по-

961935940
3022010033

следний срок, он твердо решил «завязать», о чем и заявил со всей определенностью Саше Григолия.

В то время Саша — член многочисленных нештатных комиссий при райкоме комсомола — возглавлял, в частности, комиссию по работе с бывшими заключенными, которых называл ласкательно «мои рецидивистики». Человек, как вы уже, наверно, заметили, по натуре грубый, он довольно холодно воспринял заявление «Чугунного зуба» и скептически спросил:

— Завязал — это хорошо. А работать будешь?

«Чугунный зуб», которому такой тон не понравился, недружелюбно ухмыльнулся, блеснув знаменитой коронкой.

— Если в Сухуми пропишете — буду. Я ведь сухумец.

— В Сухуми не выйдет, — отрезал секретарь райкома. — Это такой город — в нем полно отдыхающих. Ходят по магазинам, рты разинув, только и ждут, чтобы их обчистили... Устрою здесь, в АТК, для начала — учеником механика. Ты ведь машины любишь.

Шакро, одно время специализировавшемуся на угоне и раскулачивании автомашин, эта осведомленность польстила, но он решил покапризничать:

— Предположим. Ну, допустим, согласен. А жить где буду? Общежитие меня не устраивает.

Несколько секунд они мерили друг друга взглядами. Потом Саша расхохотался:

— Прости, пожалуйста, я и забыл: у тебя ведь в каждой колонии отдельная квартира была со всеми удобствами, и в ванной — кафель, обязательно белый!

Неожиданно для себя «Чугунный зуб» тоже совершенно искренне заржал:

— Ну, ты — даешь!..

Окончание следует

ЗОЛОТИСТАЯ ОТМЕЛЬ

Р а с с к а з

БОГ, что ли, разгневался на Хвтисию в тот день. А может, он просто встал не с той ноги. Все Чиатурские леса от Барали до Шуасно и от Змеиной горы до Циавура протопал. Ни один подозрительный кустик не оставил без внимания, под каждый заглянул. Видать, и вправду исчез зверь, не то эта дохлятина хоть на заячий след бы наткнулась. А уж о парном медвежьем навозе и говорить нечего! Три раза повернул он на голове потрепанную войлочную шапку — против дурного глаза, мол, — но и это не помогло. Чем столько шастать попусту, лучше уж за свиньями смотреть! Да это ведь так говорится — смотреть, а то что и нужно-то: утром и вечером сварить отруби, насыпать картошки да загнать свиней в свинарник — и вся недолга... Вот только когда нужно холостить хряков, устает он, гоняясь за ними, а в другое время можно завалиться у свинарей на топчан с соломенным тюфяком и поспать в свое удовольствие.

Но сегодня как будто кто сглазил Хвтисию, ан нет, это вчера вечером бес его попутал, когда взбрело ему в голову отправиться на охоту. Хоть бы еды вдоволь взял в дорогу! Не ожидал, что так проголодается. Вконец измотанный, он насилу шел.

От усталости у Хвтисии рябило в глазах. Правый глаз вело кудо-то влево, левый — вправо. Давненько не был он в таком кислом настроении. К тому же у него началась икота. «Интересно, кто это меня вспоминает», — подумал Хвтисия.

Ему вспомнились Чичия и Кетила. Сколько любовных историй рассказывали они Хвтисии! «Все же когда они успели познакомиться со столькими женщинами?» —

удивлялся Хвтисия. Сам-то он, по правде говоря, голову из-за женщин не терял, а когда о них заходил разговор, замирал, точно переевший соломы буйвол. Приятели просили его тоже рассказать что-нибудь в свою очередь, но Хвтисия предпочитал отмалчиваться. Да и о чем ему было рассказывать?.. Чем он мог удивить Кетилу с Чичией? Еще хоть бы в армии отслужил, как они, тогда другое дело, а то...

Он замедлил шаг. Вдруг до его слуха донеслись отдаленные взрывы смеха. «И куда это проклятое запропастилось?! — ругнул свое родное село Чегураантгори Хвтисия. — Там, небось, меня сейчас ждут не дождутся, — подумал он потом. — Ждут!.. Можно подумать, много чего им принесу. — Хвтисия горько усмехнулся. — Хотя они к этому не приучены...»

До Чегураантгори он должен был пройти еще Сачуре, Черешневое ущелье, Наракози. Будь он с охотничьими трофеями, и то, верно, так не устал бы. «Доберусь ли я когда-нибудь до проклятого!» — в сердцах сплюнул Хвтисия.

Вскоре он вышел на проселок. Дорогу развезло, и Хвтисия увяз по шиколотки. Чтобы и дальше не месить грязь, он вновь перешел на обочину. Когда до него опять донесся отдаленный шум, он остановился и прислушался. Справа, там, где кончался лес, он увидел редкие мерцающие огни Сачуре. Как раз оттуда и слышался шум. Проселочная дорога делила Сачуре на две части. Шумели где-то на верхней его окраине. Хвтисия расстроился, ведь эти люди и не увидят его, если он сам не свернет с дороги и не явится к ним незванным гостем. «Пальну-ка я из ружья, — решил было он, — может, они услышат и пригласят меня». Но тут же передумал. Он перемахнул через тянувшийся вдоль дороги плетень, пересек чей-то перекопанный огород, потом еще один и вышел прямо на пирующих.

Хвтисия только иногда проходил этим селом, и откуда ему было знать, в чей двор он попал, кто были эти люди, чем вызван этот шум и веселье. При свете яркой электрической лампочки, раскачивавшейся посреди двора на ошестинившемся ветвями дичке, он внимательно оглядел пирующих в надежде обнаружить кого-нибудь из знакомых.

Потом громко поздоровался:

— Мир дому сему! Коли свадьба...

Все повернулись ко вновь пришедшему. Потом от них отделился крепкий седовласый старик и ответил гостю:

— И мир здесь, и свадьба...

У старика в руке был рог, и казалось, он еле справлялся с ним, потому что с трудом держался на ногах, качался. И слова он выговаривал, запинаясь. У старика был солидный бас. Присутствующие засмеялись, видимо, им понравился его удачный ответ.

— Гость — он от бога, — чтобы слышали свои, сказал старик, давая понять молодежи, что незнакомцу нужно оказать внимание.

— Я сбился с дороги, — оправдывался Хвтисия, — шел в Чегураантгори, а куда попал!

— К своим попал... Не бойся, разве мы чужие... Молодежь подхватила Хвтисию, и он оказался в теплой, ярко освещенной комнате. В ней был накрыт стол, за которым восседали небритые мужчины. Были там и женщины. Не выказывая и тени смущения, все с аппетитом ели. В противоположном углу комнаты сидели жених с невестой. Хвтисия не был одет соответственно случаю, но на фоне присутствующих никак не выделялся.

Виночерпий, молодой парень с обритой головой, принес ему пива и первача, чтобы он выпил штрафную как опоздавший. Хвтисия был голоден, и глаза его невольно останавливались на еде.

— Немного хмеля не хватает, но ничего — пить можно... — имея в виду пиво, сказал виночерпий.

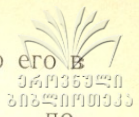
— Не беспокойся, как-нибудь одолею, — обернулся к нему Хвтисия.

При этих словах парень оторопело отступил в сторону.

— Познакомит нас кто-нибудь с пришедшим? — поднялся во весь свой рост верзила-тамада, который до этого сидел рядом с женихом и невестой и, позабыв обо всем, шутил с молодыми.

«С этим чертякой шутки плохи...» — раздраженно подумал Хвтисия, но виду не показал. Пока тамада в ожидании ответа вопросительно смотрел на болтавших на балконе и у дверей людей, Хвтисия через силу успел проглотить несколько кусков и выпить кружку пива. Пи-

во на голодный желудок было приятно и привело его в хорошее настроение.

«Какой, однако, любопытный этот верзила...» — подумал Хвтисия и поднялся.

— Я чегураантгорский, сын Кудиа, а прозвище моего отца Цихуа, — сам представился Хвтисия присутствующим.

Один из сидевших за столом мужчин громко воскликнул, знаем, мол, знаем Цихуа. Потом шепнул соседям: он из рода Чкетилаантов-Лупоглазых. Слышали, небось, это их родственник украл невесту со свадьбы в Софлиони.

Упоминание об этом случае вызвало взрыв смеха: «А-а-а, Чкетилаант, оказывается, Чкетилаант...» Видно, они впервые слышали это имя и оно казалось им странным. Только верзила-тамада не смеялся. Он терпеливо, но с достоинством ждал, когда все успокоится, чтобы произнести новый тост.

Хвтисия воспользовался шумом и накинулся на еду. После того как он залпом осушил стакан водки, у него совершенно исчезло чувство неловкости и отчужденности. «Да разве же стыдно заботиться о своем желудке?» — успокоил он себя.

Наконец среди этого шума и гама тамада нашелся и стукнул кулаком по столу: хватит, мол, посмеялись.

«Этот, вроде, имеет совесть...» — поднял от тарелки голову Хвтисия и испытующим взглядом посмотрел на своего заступника.

— Объясни ты мне, Гигия, чего он к нам явился, этот парень, не с дурным ли умыслом.. Ведь и у нас невеста. И жениху своему красавицей кажется, — обратился тамада к тому человеку, который сказал, что родственник Хвтисия украл невесту у софлионцев.

Все повернулись к Хвтисии. И Гигия на него посмотрел: ну, мол, что ответишь на слова тамады?

«Перекусить не дадут, черт побери...» Хвтисия поднялся и громко объявил:

— Невесту-то нет, а... — он умолк и, опрокинув стакан только что налитой грушевой водки, в упор посмотрел на девушку в белой косынке, скромно сидевшую рядом с женихом и невестой... — А вот о ней еще поговорим. — И с трудом отвел глаза от залившейся краской девушки.

Все сидевшие за столом засмеялись. Ответ им понравился... Девушка, которую он назвал Сискари¹, сумешленно заерзала и опустила голову.

— Если стихами говорить сумеешь, может, у тебя что и выйдет... — насмешливо сказал тамада Хвтисии.

— Сумею, почему же не сумею. Подожди-ка... — Хвтисия запил водку кружкой пива и обратился к застолью: — Начинайте вы, а я после свое скажу. Вы — хозяева, я — гость.

— Мы тоже гости, не думай, что мы из этого села.. — сказал Гигия.

— Нет, вы свои, а я — чужой, — не уступал Хвтисия. Выпитое уже сделало свое, и он чувствовал, что способен своротить горы.

Выжидающие взгляды присутствующих обратились к парню, неловко выглядывавшему из-за спины девушки в белой косынке. Тот сверкнул в сторону Хвтисии взглядом глубоко посаженных глаз и, протянув в его сторону длинную жилистую руку, начал:

Этот котенок откуда взялся,
Котенок, киской выращенный?

Над столом нависла тишина. Все смотрели на парня. Улыбка одобрения не сходила с лиц сидевших за столом. Потом их взгляды обратились на Хвтисию.

Эту девочку да за меня выдайте,

Ту, что рядом с вами сидит, как стебель, тонкая... — проговорил Хвтисия.

Никто не засмеялся. Видать, не совсем ловко у него получилось, и он уже жалел, что вызвался на кафиоба². Однако и побежденным пока себя не чувствовал. Ответ ему был такой:

Не пойдет, браток, за тебя она,
Где живете вы, так крута гора...

Сказав свое, парень с гордостью посмотрел вокруг. Присутствующие все как один расхохотались. Сидевшие рядом с парнем одобрительно похлопали его по плечу. Сискари, благодарно взглянув на него, снова опустила голову.

¹ Сискари — утренняя заря.

² Кафиоба — устное стихотворное состязание.

Сказано было, действительно, здорово. Деревня Хвтисии Чегураантгори лепилась на таких крутых склонах, что без особой сноровки одолеть ее подъемы было невозможно. Поздней ночью же ничего не стоило поскользнуться и кувырком полететь в пропасть. И приличной автомобильной дороги в деревне не было — она далеко стороной обходила Чегураантгори. Старая же, проложенная еще отцами и дедами аробная дорога давно пришла в негодность от дождей и ветров. Дрова и всякий груз сельчанам приходилось таскать на спине или перевозить на верховых лошадях.

Никто не хотел выдавать своих дочек замуж в Чегураантгори, поэтому женитьба для жителей этого села всегда была проблемой. Однако не постригаться же им было в монахи! И молодые чегураантгорцы, которые оставались без невест, обычно похищали девушек на стороне.

На чегураантгорцев все смотрели с подозрением. Их боялись. Увидев их где-нибудь двух-трех вместе, говорили, что еще одной невесткой больше станет ночью в их деревне.

Именно на это намекнул сейчас соперник Хвтисии. И это получилось у него довольно хорошо.

Гости, стоявшие снаружи, на балконе, заинтересовались происходившим в комнате. Подошедшие позже спрашивали, что, мол, он сказал. Теперь был черед Хвтисии. Он должен был сказать что-нибудь остроумное, в противном случае оказался бы побежденным. Тамада насмешливо смотрел на него. «Чего уставился на меня этот чертыка?!» — сверкнул от злости глазами Хвтисия. Потом хрипло выкрикнул:

**Не бойтесь, не поскользнется она,
Миндолаури такое бревно подложит, позаботится...**

Затаившая было дыхание комната разом зашумела. Все поняли смысл сказанного Хвтисией и были очень довольны. Только тот парень помрачнел.

— Что, Бецина, нечем крыть? — крикнул Гигия нахмутившему брови парню.

— Его взяла, что поделаешь...

Потом у Бецины заблестели глаза, и он, подавшись вперед, приготовился к ответу.

«Что это он хочет мне сказать?» — испугался Хвтисия. Но все кончилось мирно. Верзила-тамада поднялся во весь свой рост, поправил сползшую на макушку шинскую войлочную шапку и крикнул Бецине:

— Состязание закончено, парень.. Если очень хочешь, начинай сначала...

Бецина покачал головой, мол, только не это.

«А он и правда молодец, чего это я на него взъелся», — бросил на тамаду вороватый взгляд Хвтисия.

Тот продолжал стоять, с довольным видом оглядывая стол.

«Пусть уж или тост скажет, или сядет... — подумал Хвтисия. — Торчит у всех перед глазами».

— Языкастый ты, братец, но девушку все равно отдадим за тебя.. И не надейся! — обратился он к Хвтисии угрожающим тоном.

— При чём тут языкастый.. Я из-за нее и разговорился, а то...

— А если она до тебя уже дала кому слово? Может, этот другой лучше тебя?

— Да кто бы он ни был, я свое дело знаю, а он — свое... Опять же ты — свое, — разозлился Хвтисия. — Я сказал, и дело с концом...

— А ты упрямый. Но не мешало бы лапти снять, коли пришел свататься.

— А что, мне и так перед тобой не стыдно. Вот перед девушкой стыдно, но не перед тобой... и не перед другими, понял?

— Отдать девушку за одного из Чкетиллов, — заревел тамада, — отдать чегураантгорцам, не выдавшим ничего дальше своего забора?!

— Я свое сказал... — твердил тамаде Хвтисия.

Гости повскакивали со своих мест. Парни стали напирать на Хвтисию и угрожающе кричать, подняв кулаки. Гигия, раскинув руки, прикрыл собой Хвтисию и никого не подпускал к нему. Потом хозяевам, хоть и с трудом, но удалось оттеснить Хвтисию на балкон. Его завели в соседнюю комнату и усадили на кровать.

— Ты, Гигия, зачем вступился за того лапотника? — донесся до Хвтисии крик тамады.

— А ну, не трогать Гигию, не то не знаю, что с вами сделаю! — вскочил на ноги Хвтисия.

И Бецина туда же, стал угрожать Гигии, зачем, мол, он поддержал чужака.

Хвтисию опять охватил гнев, он хотел выскочить из комнаты. Хозяева закрывали ему рот, чтобы не слышали его криков и угроз, и уговаривали прилечь отдохнуть.

Но Хвтисия заупрямился — нет, мол, я должен идти. Вот украду девушку, тогда и посплю.

Женщины смеялись словам Хвтисии. В чем - в чем, а уж в намерении чегураантгорца украсть девушку можно было не сомневаться. Мужчины согласно кивали Хвтисии головами: мол, как ты захочешь, так и будет.

— Эту девку кто только не собирался увести. И выкрали раз, да она сбежала,—заметил кто-то из женщин.

— Я свое сказал... — угрожающе бормотал Хвтисия.

Потом он поинтересовался, где его ружье, схватил его и, стреляя в воздух, пустился в путь. Хвтисия обладал удивительным чутьем. Ему иногда приходилось глубокой ночью ходить на ферму, но и в кромешной тьме на крутых склонах Чегураантгори он ни разу не споткнулся.

Вдруг в глазах у него почему-то защипало и навернулись слезы. Он выпрямился и, подняв голову, громко крикнул:

— Да здравствует моя Сискари!.. Моя Сискари!..

Не успел он закончить, как услышал какой-то шорох и кто-то огромный, как медведь, сграбастал его сзади, навалился со всей силой, встряхнул, а потом заехал лапой прямо в лицо. У Хвтисии искры посыпались из глаз, и, рухнув на мокрую землю, он растянулся без сознания.

— Ну что, получил Сискари, чкетиловское отродье? — со злорадством сказал упавшему Бецина. Наклонившись, он снял с него ружье и патронташ и поднял отчаянную пальбу. У Хвтисии оставалось двадцать патронов: десять выстрелов сделал Бецина и десять — верзила-тамада. Огненные искры на мгновение осветили грязный проулок. Звуки выстрелов тревожно разносились над полями и кручами и, мячиком перекатываясь от уступа к уступу, замирали где-то вдали, за невидимым горизонтом..

— Э-ге-геей, чкетиловские! Э-гей!.. — как безумный хохотал тамада.

— Э-ге-геей!.. Чегураантцы, не выдавшие ничего на свете, голодранцы бесштаные!.. — вторил ему Бецина.

Потом они швырнули Хвтисии его ружье и патронташ и, продолжая хохотать, повернули назад...

В ту ночь Хвтисия не пришел домой. Он еле дотащился до фермы и постучал к свиным. Его сменщик, хромой Билибе, зажег в комнате свет и с ворчанием отпер дверь. Увидев при свете лучины распухшее лицо товарища, он от удивления раздул щеки.

— Что.. что случилось? — с трудом проговорил Билибе. — Ме... медведь, что ли, помял?

— Да, Билибе... Медведь... — еле выдавил Хвтисия и повел глазами в сторону постели.

— Чичия и Кетила тебя спрашивали... Мол, не вернулся ли. Но ты еще не приходил, — говорил Хвтисии Билибе, слезливо причитая. — Ишь, видать, здоровенный был этот проклятуший медведь, а?

Но Хвтисия его уже не слышал.

Свиноферма стояла на околице села у болота... Както в гости к Хвтисии нагрянули его друзья — Чичия и Кетила. Из-за пазух были извлечены две бутылки домашней водки из дикой груши и пять головок лука. Все это они выложили на низенький столик — табла и присели около очага.

Хвтисия обрадовался, ведь две недели не виделся с ними. Он выгреб из-под обгоревших, покрытых пеплом поленьев уголья и принялся раздувать их. Потом сгреб их в кучу и набросал сверху дубовых щепок. Из шкафа в стене достал вырезанную из бука миску и, с гордостью водрузив ее на столе, крикнул приятелям:

— Что, орлы, учуяли, что паленым пахнет?

— А что же нас сюда привело, если не визг? — пошутил Чичия.

Его слова обидели Хвтисию. Кетила это заметил и успокоил друга:

— Да не слушай ты его, пусть говорит. При чем тут визг, ну не из-за этого же мы к тебе пришли...

Когда на ферме холостили хряков, их визг достигал самой деревни. Обычно Чичия и Кетила приходили к Хвтисии из-за хряковых семенников. Очень вкусны бы-

ли с водкой только что удаленные жирные яички, поджаренные на углях или на сковороде с луком. Холостившие хряков свинари всегда оставляли Хвтисии вырезанные семенники. Чичия и Кетила хорошо знали, что без них он к ним и не притронется. Когда на ферме долго слышался пороссячий визг, это значило, что холостят несколько хряков. Тогда Чичия и Кетила начинали хлопотать в поисках выпивки, добывали одну-две бутылки фруктовой водки и направлялись на ферму.

Усевшись вокруг сковороды, полной подрумяненных семенников, они чувствовали себя совершенно счастливыми. К вечеру у Хвтисии все дела уже были закончены, свиньи загнаны в свинарник, и Чичия с Кетилкой — свободны. Шум из деревни сюда не доходил, а что может быть лучше блаженного ощущения покоя и тишины.

— Ну, ты и спец!.. — похвалил Хвтисию Кетила. — Сколько?

— Сегодня четырех охолостили, — присел на корточки у очага Хвтисия.

— На две бутылки хватит по горло, — сказал Кетила.

— Выпивку от кого принесли? Не от Доголантов ли?

— А ты откуда знаешь? — хитро глянул на него Чичия.

— Я же говорю, что он спец, — повторил Кетила.

— Ребята, которые сегодня холостили, говорили, что у них есть первач. Имей в виду.

— Наверняка из терна.

— Терн со сливой вместе...

— А, что мы бы ни принесли.

— Уф... Уф... — зажмурился от удовольствия Хвтисия.

— Ну-ка, иди сюда, попробуй.

— Не-е. И так вам верю, — отказался Хвтисия.

— Их что, на угли положить? — спросил про семенники Чичия.

— Не знаю, если хотите, сковороду поставлю..

— Прямо на углях лучше, по старинке, — заблестели глаза у Кетилы. — Что может с ними сравниться, когда они чуть прокопятся на углях!

Когда буковые дрова обуглились, Хвтисия сгреб е/ и осто-
них золу, из миски по одному достал семенники и осто-
рожно уложил на угли.

— Какие они румяные! — У Кетилы опять заблестели глаза.

— Это от жира, — пояснил Чичия. — Неужели не понял?

— У коллективных хряков небось не такие ядреные, — глянул на Хвтисию Кетила.

— Угадал... — кивнул головой Хвтисия. — Это председателивы.

— Опять пасешь его свиней? — скривился Чичия.

— Да... Конечно...

— Тьфу!.. — плюнул Чичия. — Он тебе хоть платит за работу?

Хвтисия ничего не ответил.

— Ну ведь платит же?! — пристал в одну душу Чичия.

— Как же, платит... — вмешался Кетила.

— Погоди, ты-то что знаешь?.. — прервал друга Чичия.

— Да нет, что платит-то... — выдавил из себя Хвтисия.

— А ты пригони ему свиней домой, чего цацкаешься, ты же не батрак ему! — презрительно глянул на Хвтисию Чичия. — Пригони, говорю тебе!

— Нет, ничего хорошего из этого не получится, — покачал головой Хвтисия.

— Очень даже получится, — распалился Чичия.

— Он хочет его повисить, понимаешь? — пояснил Кетила Чичии. — В шоферы обещает перевести...

Хвтисия благодарно посмотрел на Кетилу.

Чичия умолк. Только скрипнул зубами и задумался.

— Хвтисия, тебя что, правда обещают повисить? — помолчав, спросил он. — Все же что тебе говорит председатель?

— Что, что! Если машину получит, то обязательно переведут, — сказал Хвтисия. — Джибила мне твердо обещал, даром я, что ли, пасу его свиней.

— Ну, раз обещал, наверное, сделает, не обманет, но ты все же будь осторожен.

— Да чего мне осторожничать-то?

— Ты никак думаешь, что он честный человек?

— Ты слушай, слушай. Правильно тебе говорят. А то он бы тебя не использовал.

— А с меня что спрашивать его святость. Мое дело работать, и все...

— Да нет, я тебе сказал, а ты как знаешь.

— Да он загубил наше село! Вспомни, в былые времена хоть дороги-то у нас были, — сказал Кетила и сплюнул. — Пусть ему бог столько поможет, сколько он о чегураантцах думает.

— О себе он только думает, — подтвердил Чичия.

— Что, отказать ему, что ли? — посмотрел на друзей Хвтисия.

— Для чего отказывать-то, замариновать хочешь свою «водительскую книжку»?

— Будь осторожен, а так никто и не говорит, чтобы отказывался.

Тут зашипело мясо. Хвтисия посыпал семенники солью и перевернул их на другую сторону. В лачуге вкусно запахло.

— Давайте разольем, а к тому времени и они поспеют.

— Разольем.

— Ну, за твое повышение! — поднял стакан Чичия.

— Аминь! Хацирская часовня, балебская икона, аминь! — как верующий возвел глаза к потолку Кетила.

Хвтисия усмехнувшись поблагодарил за тост и осушил стакан.

— Будто вас это обрадует? — спросил он.

— Гляньте-ка на него, — вытаращился на Хвтисию Чичия. — Это почему это не обрадует, а?

— Сомневаешься? — презрительно взглянул на Хвтисию Кетила.

— Да нет, это я так сказал.

— Так не должен ты говорить таких слов.

— Из-за этого сказал, что ли? — Чичия показал на шипевшее на углях угощение. — Как будто ради тебя без них обойтись не сможем.

— Когда будет машина, куда душеньке захочется, туда и будем ездить... Раз-два и махнем. — У Кетила просветлело лицо. — Только не говори так в другой раз.

— Еще как махнем.

Чичия налил еще по одной.

На какое-то время друзья примолкли, задумавшись.

— Потом, это... жену в дом должен привести. Ты только приметь кого, а все остальное — наше дело...

— Машина когда будет, да пусть невеста хоть за тридевять земель живет...

Хвтисия сидел, задумавшись о чем-то своем, и не произносил ни слова. Потом встал перед очагом на колени.

— Давай же вынимай, а то у меня слюнки текут.

— Пора уже? — спросил Кетила.

— Выну, и дело с концом.

— Не помирать же нам, пока они поджарятся!

Хвтисия вынул жареные семенники, накрошил сверху лука, накрыл другой миской и так поставил на стол.

После третьего стакана друзья захмелели, и Чичии захотелось петь.

— Спеть? — спросил он.

— Давай! Не возражаем.

— Что спеть?

— Да все равно. Что вспомнишь, то и пой.

Что же вы заснули, хинка-а-али,—

начал Чичия.

— Да где ты видишь хинкали?

— Спой-ка ты лучше ту, про цацали¹.

Обошел я твои, Джиджети, леса

И осокой заросшие поймы...

— Ай, хорошо... — Кетиле понравилось.

Хвтисия слушал и улыбался.

Где же ты, моя цацали,

Пестроглазая, медноволосая...—

закончил Чичия.

Они опрокинули еще по одной. Выпили за здоровье друг друга. Каждому досталось еще по три стаканчика, так что выпили и за невест. Чичия сопроводил этот тост песней:

¹ Цацлоба — древний обычай у горцев Восточной Грузии, суть которого — испытание верности и чистоты девушки и юноши.

Как хорошо лежать с женщиной,
Положив руки ей за пазуху
И лаская маленькие, как яблоки, груди...

Кетилу она привела в восторг.

— Где ты был до сих пор, — накинулся он на Чичию, — что никогда не пел эту песню?

На Хвтисию она тоже подействовала. Лучше этого и не спеть было Чичии. Друзья заставили его несколько раз повторить, а потом и сами начали вторить, усиленно выкатывая при этом глаза. Под конец они чуть не всхлипывали. Хвтисии почему-то захотелось плакать, да и у его друзей защемило в груди. Хвтисия этой ночью пел впервые в своей жизни, и изумленные этим Чичия и Кетила не прерывали его.

Последний тост сказал Чичия.

— Давайте выпьем знаете за кого? — многозначительно начал он. — Не знаете, и потому говорю. Выпьем за тех женщин, которые давали нам радость...

— Да, за женщин!.. — в один голос поддержали его Хвтисия и Кетила.

— Ну что, хороший тост? — самодовольно оглядел их Чичия.

У Хвтисии не было такого опыта в отношении женщин, как у его друзей. Да и вообще о каком опыте можно было говорить, если он еще даже и не знал женщины. И никого не любил. А если и вспоминал о них, то только когда напивался.

А вот этой ночью песня Чичии и его тост взбудоражили его. Этой ночью что-то непонятное происходило с Хвтисией. Его охватила странная слабость, захотелось уединения, ласки. Он перебрал в уме всех сельских девушек, кроме родственниц, всех вспомнил, но ни одна из них не нравилась ему.

Хвтисия завидовал своим друзьям. Во время службы в армии они познакомились со многими женщинами. Хвтисия как свои пять пальцев знал их имена, возраст и даже наружность. Знал даже, какая из них после нескольких рюмок водки приходила в настроение. Сколько чего порассказали Хвтисии друзья, о скольких приключениях поведали. А Хвтисии и рассказывать-то было нечего. Да даже если бы и было, вряд ли он рассказал

бы. Когда Чичия и Кетила заводили разговор о женщинах, он начинал лениво потягиваться и украдкой бросал смущенные взгляды в сторону полуприкрытой двери, словно боялся, что те женщины могут стоять снаружи и подслушивать. Он считал бесстыдными мужские разговоры за спинами девушек, сплетни и обсуждение всяких подробностей и краснел за Чичию с Кетилой.

— В первый раз, знаешь, что со мной случилось? — начал рассказывать Чичия о том времени, когда служил в армии. — Я как сейчас помню, груди у нее торчали прямо под подбородком, и когда во время танго она прижалась ко мне животом, я чуть не спятил!.. Уф! Кровь так и бросилась мне в голову, в виски как молотками стукнуло...

Хвтисия, конечно, мог прервать в сотый раз рассказываемую товарищем историю, но сегодня он был в ином настроении и даже получал удовольствие, слушая ее. Кетила тоже слушал, затаив дыхание, только таращил глаза. Когда Чичия закончил, Кетиле тоже пришла охота порассказать, и он вспомнил одну давнишнюю историю. Рассказывал он с удовольствием и так правдоподобно, что невозможно было отличить правду от выдумки.

Под конец, когда уже собирались расходиться, всем на удивление подал голос Хвтисия:

— Знаете, что я вам должен сказать? — начал он шепотом.

— Говори, не видишь — ждем! — пришел на помощь Чичия, обрадовавшись, что Хвтисия заговорил.

— Ну-ну! Смелей... Давай... — подбодрил Хвтисию и Кетила.

Хвтисия вспомнил происшествие двухнедельной давности: как, возвращаясь с охоты, он попал на свадьбу и как тамада и Бецина пристали к нему. В глазах его были злость и обида, но потом образ сидевшей в углу со стыдливо опущенной головой Сискари заставил его забыть и того и другого. Хвтисия встал и рассказал все, от начала до конца; ему стыдно было говорить про девушку, но он не скрыл ничего, не упомянул только о том, как его нагнали по дороге и здорово отделали.

— Председателя машина когда еще будет, только об этой девушке и думаю, не могу так больше закончил свою историю Хвтисия.

Чичия и Кетила удивленно переглянулись. Оказывается, на сердце у товарища такое, а они ни сном ни духом не ведают.

— Ты что ж, браток, столб каменный, что ли? — стукнул его по плечу Чичия. — Сердца у тебя нет?

— Сискари ее зовут? — спросил Кетила.

— Не знаю, это я ее назвал Сискари, но деревню-то ее знаю.

— А что еще нужно?.. Не справимся, что ли?

— Твоя сабля, моя шея, — подставил голову Чичия.

— Пойдем в любой момент, когда захочешь.

— Хоть прямо сейчас приведем..

— Машину не смогу дождаться, когда она будет..

— Лошади-то есть...

— На кой леший нам машина? Да если меня спросить, я с женщиной, которую на машине украли, и не лег бы.

— Вот уж верно, какой смак будет, если ее на машине украли.

— Твоего брата Бугару тоже возьмем. В этих делах он будь здоров, собаку съел, опытный, — сказал Кетила.

— Нет, Бугара не пойдет.

— Это почему еще не пойдет, хотел бы я знать?

— Да потому не пойдет, — пробормотал Хвтисия, — что жена его не пустит.

— Нет, ты понял? Его жена не желает, чтоб у Хвтисии была семья. Да и сам его брат мне не нравится.

— Не хватало, чтобы Хвтисия плясал под их дудку.

— Будет плясать или нет, а пока что...

— Если он будет делать так, как взбрдет в голову этой бабе, добра не жди..

— Что вы прицепились к моему брату? — хватил кулаком по столу Хвтисия. — Нашли над кем насмешки строить.

— Мы насмешки строим? Да кто насмешничает-то?!

— А коли ты собрался идти в монахи, чего тут расселся? Иди в Хацирскую часовню и сиди там... — не сдавался Чичия.

Услыхав это, Кетила прыснул.

— Чего ж ты нам рассказываешь о Сискари, спя-
тил, что ли, а? — в свою очередь хлопнул он по спине
Хвтисию.

Чичия и Кетила расхохотались.

Хвтисия помолчал, опустив в задумчивости голову, потом выражение обиды ушло с его лица, он, словно от шекотки, подался вперед и тоже засмеялся вслед за товарищами. Теперь уже хохотали все трое, забыв даже, из-за чего все началось. Их смех разносился по окутанному туманом крутым склонам Чегураантгори. Огни в деревне не горели, и подвыпившим друзьям пришлось искать дорогу домой на ощупь.

— Чтоб так погас свет очей этого Джибилы! — громко крикнул Чичия.

— Аминь! — взревел Кетила.

— А ты чего примолк? — спросил Чичия молчавшего Хвтисию.

— Так это ж человек Джибилы, что ему делать-то..

— Пусть погаснет, так его и растак... — выругался Хвтисия.

— Вот это я понимаю!.. — опять расхохотались Чичия с Кетиллой. Потом они обняли и расцеловали Хвтисию.

Издалека доносился шум реки, возвращаясь эхом от Хацирской и Чиаурской гор.

«Сказал и — конечно... — боязливо пробормотал Хвтисия. — Сискари — моя». Девушка со связанными руками и кляпом во рту бессильно трепыхалась в его руках. Хвтисия, трезвея, разговаривал сам с собой и не убирал рук с груди Сискари. От ощущения ее тепла дрожь пробегала по его телу, лишая сил и вызывая блаженную истому. Он почти терял сознание от обуревавшего его восторга.

Разговор с самим собой отрезвлял. Голова, как всегда после пьянки, и сейчас болела и тяжело гудела. Хвтисия был в каком-то сладко-горьком тумане. По временам он приходил в ужасное настроение, и им овладевал страх. Настроение у него улучшалось, лишь когда он вспоминал верзилу-тамаду и Бецину с его глубоко сидящими глазами. Вспоминая ту драку и пе-

ренесенные им оскорбления, он еще сильнее сжимал в объятиях девушку и улыбался. В эти мгновения Хвтисия был действительно счастлив. Он явственно представлял себе и сулящий подвох взгляд Бецины, и коварную усмешку тамады. «Я сказал и — конечно, Сискари — моя...» — злорадствовал Хвтисия. Руки у него горели как в огне, тело снедало пламя, рассудок мутился как от какого-то дурмана, — нежная грудь девушки была истерзана его грубыми руками.

Сискари плакала. Время от времени она делала попытку вырваться и обреченно вздыхала. Это было неприятно Хвтисии, и он все болезненнее переживал укоры совести. Чем больше он трезвел и осознавал значение содеянного, тем сильнее его мучила совесть. «Да, но Сискари-то чем виновата...»

— Эй, Хвтисия, увалень, тискаешь ее, да? — крикнул сзади Кетила. — Как это в той песне поется, что тебе понравилась, а? Чичия, а ну-ка спой молодым, ту песню спой, коли в бога веруешь..

— Спеть? Что я им, клоун, что ли, какой?

— Спой, чтоб им целоваться захотелось. Ну давай, спой...

— А если им не хочется? Ты тоже скажешь...

— Не то у них настроение, нет. Давай, развесели их...

Эх, до чего ж хорошо лежать с женщиной,

— громко начал Чичия, чтоб было слышно на всю деревню:

**положив руки ей на грудь,
на ее маленькие, как яблоки, груди...**

— Эй, Хвтисия, здорово получилось? Ну-ка спроси свою чернявую, как ей понравилось... Любит тебя бог, Чичия, ну и язык у тебя... — сказал Кетила.

Вскоре всадники были у дома Хвтисии. Ворота им открыл его брат Бугара. Жена его стояла на балконе, держа в руке зажженную лучину.

— Добрый вечер, Бугара!.. — важно бросил Чичия.

Кетила тоже поздоровался с Бугарой, и тот помог Хвтисии снять с лошади Сискари.

— Невестушка, комната для молодых, конечно, готова? Ничего не забыли? — крикнул стоявшей на балконе женщине Кетила.

— А как же! Пусть идут...

Кетила с Чичией втолкнули в боковую комнату парня и девушку. Дверь снаружи заперли.

К дому Бугары стали собираться люди. Все село узнало, что Хвтисия украл девушку, и подгоняемые бесом любопытства сельчане все как один покинули свои теплые постели. В дом и во двор набилось полно народу. Слышались вопросы, интересно было, чья невеста дочь, откуда она и как выглядит. Женщины шептались. Мужчины тянулись к стоявшим в дверях Чичии и Кетиле.

Кетила скрипнул зубами.

— Что, пришли поглазеть? — рывкнул он на односельчан.

Брат Хвтисии молча стоял рядом.

— Ступайте по домам и там себе веселитесь! — крикнул Чичия. — Чего рты-то пораззявили? Как бы муха не залетела! То-то уж вы рады, что Хвтисия жену привел! Так и поверил. Прямо другого дела у вас нет, только о Хвтисии и думаете...

— Кыш... Кыш отсюда! — набросился на любопытствующих Кетила. — Кыш, вам говорят!...

Бугаре все больше и больше нравились эти ребята, и он смотрел на них благодарным взглядом. «Силы-то сколько в них. Они еще и не на то способны», — думал он.

Толпу оттеснили вниз, во двор. Кое-кто с ворчанием и руганью отправился домой.

— На сегодня хватит и того, что мы здесь... А вот завтра пожалуйста кто пожелает! — кричал вдогонку Чичия.

— Да, но где это слыхано, чтобы так... — начала жена Бугары.

— Они только мешать будут, невестка. Что от них толку? Только помешают... Этой ночью они здесь ни к чему.

— Если парень вкуса не почувствует, зачем он так старался?! — поддержал Чичию Кетила.

На балконе воцарилась тишина. Спустившиеся с гор сумерки как покрывалом накрыли крутые склоны Чегураантгори, узкие грязные переулки, закопченные каменные домишки. Только время от времени слышалось ночное кваканье лягушек в заболоченных низинах у Иори да стрекотание цикад на увлажненных недавно прошедшим дождем лугах. Деревню словно затопила волна жидкой грязи: без звука, без следа сгнула она в ночном безмолвии.

Чичия с Кетилей сидели у дверей комнаты молодых прямо на полу, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Они замерли в ожидании чего-то значительного.

— А может, не подложили эти бестолочи щепки? — шепнул Кетиле Чичия.

— Как можно, что ты!.. — испугался Кетила. — Нет, не могли они забыть.

— Не знаю... Из комнаты ничего не слышать... Будто это дверь на тот свет.

Чичия приложился ухом к щели в дверях, надеясь услышать хоть какой-нибудь звук.

— Да нет, конечно подложили, ну как иначе... — скорее успокаивая самого себя, сказал он.

Кетила искоса взглянул на Чичию — не шутит ли тот.

— Ну и хорошо, если подложили... — поддержал он товарища. — До полуночи покараулим, а потом уж и отдохнуть можно.

— Устали очень? — спросила у них вышедшая с лучиной жена Бугары. — Родственники-то не гнались за вами?

— Что чегураантгорцы привыкли делать, то мы и сделали. Ты же знаешь, всегда надо, чтобы повезло немного, а в этом деле нам сам бог помогает... Как раз в этом и ни в каком другом... Разве не так? — спросил своего друга Кетила.

— В этом и в хитрости. Нет в деревне человека, чтоб не был он притворщиком. Видали, как валил сюда народ, будто и вправду радовались, что Хвтисия жену привел. А в деле-то кто из них ему помог? Нет, в Чегураантгори нет ни одного человека, чтоб не был обманщиком, — сказал Чичия.

— Ну уж конечно! Кроме вас, да? — сказала Чичи жена Бугары. — Кроме вас двоих и Хвтисии.

— Может, и среди нас есть хитрец и притворщик?

— Может, и мы не ангелы, — признал Кетила. — Может, в своем глазу щепки не видим...

— Чего ж тогда брехать-то на ветер, лучше на себя поглядите. — И жена Бугары, посветив себе лучиной, вошла в кухню, где что-то мастерил ее муж.

— Отбрила она нас что надо, а? — хлопнул себя по щеке Кетила.

— А? Что ты сказал?

— Обругала она нас, только и всего. Это что ж, вместо благодарности, что ли?

— Э-э, делать тебе нечего. Обращать внимание на бабьи бредни!

— Ты ее бабой называешь, а она своего мужика под каблуком держит. Он нам ничего не осмелился сказать, а она обругала.

— Будто? Не думаю, чтобы Бугара дурное держал на сердце...

— А чего ж тогда не остановит эту балаболку? За чем позволяет ей болтать?

— Да что такого она сказала? Ничего особенного. Может, правда, есть меж нас и хитрые. Кто знает...

— А все же, на кого ты думаешь? Может, меня в чем подозреваешь, а?

— Э-э, белены ты, что ли, объелся? Чего ты в таком настроении?

— Коли на все с подозрением смотреть будем, значит нет ни братства, ни дружбы.

Свет от горевшей в кухне лучины едва освещал их, и они с трудом видели друг друга. Слышно было, как тихо переговаривались Бугара с женой.

— Ты не удивился, что Хвтисия решил жену привести? — заговорил Чичиа.

— Ты то скажи, что она настоящая Сискарн, лучше даже: Такой в село еще никто не приводил...

— Последним человеком буду, если скажу, что где-нибудь такую девушку видел!

— Тем более, чего же он ждет?

— Нет, в нашей деревне я такой девушки не видал...

— Слушай! Может, эта баба не подложила им щепки? На кой черт мы тогда здесь сидим?

Щепки подкладывали новобрачным в первую ночь под ножки кровати, и, когда они ложились, кровать с шумом соскальзывала на пол. С этой минуты они считались мужем и женой.

— Пойди спроси. Не может быть, чтобы не подложили...

Кетила осторожно встал, сделав знак Чичии, что, мол, сейчас же вернется, и направился в кухню. Без церемоний открыв дверь, он громко спросил:

— Эй, щепки молодым подложили?

Бугара взглянул на жену. Она пожала плечами и удивленно спросила:

— Какие еще щепки?

— А такие, которые кладутся под кровать, какие же еще!..

— Нет, я не клала, — сказала женщина. — Мне никто ничего не говорил.

— Тебе твой муж должен был сказать, кто же еще.

— Нам никакие щепки не клали.. — пожал плечами Бугара.

— Тьфу... — плюнул Кетила. — Так что ж вы тогда насмерть уставших людей заставили торчать под дверьми? Совесть у вас есть? — и он со злостью захлопнул дверь.

— В чем дело? — с испугом спросил его Чичия.

— Не подложили эти безмозглые.

— Не подложили? — огорченно переспросил Чичия и как побитая собака поднялся на ноги.

— Тьфу! Плевал я на такие законы. Их же родственник украл девушку, а они щепок пожалели.

— Тьфу, я их... — выругался и Чичия.

— Им, видишь ли, никто щепки не подкладывал... Кукушки... — сказал про Бугару и его жену Кетила.

Они спустились во двор, открыли калитку и, плюясь и чертыхаясь, исчезли в погруженных во тьму улочках.

Хвтисия был весь в поту. После целого дня работы в голове гудело, горело лицо. И хрому Билибе здорово досталось. У него сердце чуть не выскакивало из груди от беготни за свиньями. Стоило Хвтисии сказать

только слово, и он как ошпаренный выскакивал во двор и, схватив палку, принимался гонять свиней, беспощадно раздавая удары направо и налево. Если удавалось, он вцеплялся в уши первой попавшейся свинье, которая начинала иступленно визжать.

По временам Билибе с Хвтисией хватали отборного председателя хряка и, повернув его рылом в сторону села, заставляли визжать. Этот непрекращавшийся на ферме визг был слышен не только в Чегураантгори, но и на Хацирской вырубке. Хвтисия и Билибе без конца поглядывали на тропинку, ведущую к ним от деревни, чуть шеи себе не свернули набок, но на тропинке никого не было видно. Целый день заставляли они визжать свиней, но... ни один человек так и не появился. Вечером, когда пришло время кормить свиней, они сварили жмых, замочили в вареве отруби и разлили пойло по корытам. Потом, обессилев, повалились на топчаны. Хвтисии трудно стало дышать. В таком паршивом настроении он давно не был. И какая муха меня укусила, недоумевал он, не понимая, что с ним происходит.

Обалдевший Билибе тарачился на товарища. Беда Хвтисии так его расстроила, что он за весь день в рот ничего не взял и, гонясь по Чиаурскому лесу за свиньями, ни разу даже не вспомнил свою безвременно ушедшую верную супругу, о которой думал обычно днями непрерывно. Ох, до чего же хотелось Билибе хоть как-то облегчить другу его страдания. Поэтому-то и заставлял он визжать свиней. Хвтисии этого хотелось, вот Билибе и заставлял. Ну что еще, бедный, мог он сделать? По щеке его покатила слеза, и он горько заплакал.

— Хо-хочешь, во-ворвусь в х-хлев и опять з-за-заставлю их виз-визжать, — заикаясь, сказал он растянувшемуся на топчане Хвтисии. — Та-ак о-они у-у меня за-завизжат, в-все Че-че-гу-раант-го-гори сю-уда ки-ки-нется...

Хвтисия отрицательно помотал головой и повернулся на бок. Какое-то время Билибе продолжал смотреть на него мокрыми, покрасневшими от слез глазами. От горькой жалости у него даже подрагивали редкие кончики рыжих усов. Билибе накрыл друга ветхой буркой. Было не совсем поздно, потому что последние лучи

заходящего солнца еще освещали Хацирскую гору, но Хвтисии действительно не мешало выспаться. Билибе сел на свою низенькую скамеечку. Опустив голову на руки и смежив покрасневшие, припухшие от слез веки, он замер. «Ну чем я могу ему помочь? — думал Билибе. — Если так уж ему хочется видеть Кетилу с Чичией, пойду и приведу их. Разве не смогу?» От этих мыслей лицо его просветлело; он рассмеялся, не открывая глаз и чувствуя, как сладкая дрожь пробежала по его телу. «Да, так и сделаю», — снова подумал Билибе, но только он было осторожно поднялся, направившись к двери, как его настиг голос Хвтисии:

— Билибе, не уходи. Не оставляй меня одного...

Билибе стало неловко, словно его поймали на воровстве, и он застыл как вкопанный. Потом повернулся и, понурившись, захромал на свое место. В это время во дворе послышалось ржание лошади, и Билибе вздрогнул. Хвтисия, сбросив бурку, повернулся к двери, и Билибе заметил, что на лице друга промелькнула улыбка.

— Это Чичия с Кетилой. Чичи!.. — позвал Хвтисия.

Распахнув заскрипевшую дверь, Билибе выскочил во двор, но тут же, нахмуренный, вернулся.

— Джибила... — словно чувствуя себя виноватым, сказал Билибе.

Хвтисия сплюнул и поднялся.

Джибила был не один, с ним приехал и бригадир. У барака свинарей они спешили и, привязав лошадей к кольям, с шумом ввалились в помещение. Поздоровались.

— У тебя все в порядке, Хвтисия?.. Эй! Глаза у тебя что-то невеселые... — сказал Джибила.

— Небось все об этой Сискари тоскует, а то о чем еще ему печалиться. Он ведь парень-кремень, — рассмеялся бригадир.

— Хоть бы ты, парень, не был чегураантгорцем, — усмехнулся Джибила. — Для чего тогда вообще ее крал и ребят на такое дело подбивал, коли собирался ее прогонять?

— Говорят, когда ее украли, она уж девушкой-то не была, потому и прогнал ее Хвтисия...

Они одни в освещенной лунным светом комнате. Сискари, обессиленная борьбой и сопротивлением, лежит на постели и жалобно всхлипывает. В разорванном вырезе ее рубашки белеет грудь. С каким-то теплым нежным чувством смотрит Хвтисия на девушку, и от радости у него мутится в глазах, кровь стучит в висках и дрожат колени. Никогда, никогда не был он так близок к счастью, никогда не переживал так остро близость женщины: Сискари, стройная, словно богиня, полная жизни девушка лежала, распростершись, перед ним. С этого мгновенья она принадлежала ему, и никто не мог отнять ее у него, никто не мог их разлучить. Хвтисии хотелось спрятать лицо на этой сверкающей белизной груди. Едва заметным движением он протянул руки и стал медленно-медленно наклоняться над девушкой. Он уже ощущал жар ее тела и как-то ослабел, обессилен, казалось, плотный туман окутал его лицо, и только он готов был прильнуть к ее груди, словно мучимый жаждой к источнику, как вдруг в воздухе что-то просвистело и... перед глазами у Хвтисии все поплыло.

«Недостойный, позарился на божество», — подумалось Хвтисии. Ему вспомнились слова верзилы-тамады: «И в мыслях не держи Сискари. Сискари не про таких, как ты»... Прав был тамада, разве для него такие девушки. И как он осмелился-то? Хвтисия был погружен в свои мысли и ничего вокруг не слышал, бессмысленно уставившись в освещенное луной окно. Стук двери вернул его к действительности. Он перевел взгляд на кровать. Сискари там уже не было. Он долго стоял в оцепенении, а потом бросился вслед за девушкой. Во дворе фыркали лошади. Хвтисия отвязал одну из них и, взяв в руки повод, повел ее за собой. Сискари, шатаясь, как безумная, плелась по тропинке. Она казалась лунатиком. Хвтисия догнал ее и придержал рукой за локоть. Девушка не сопротивлялась. Молча дошли они до конца тропинки. Потом Хвтисия посадил девушку на лошадь и отпустил поводья.

Когда на берегу Иори раздался конский топот, в зарослях тростника вдруг перестали квакать лягушки и на покосах замолк стрекот цикад. Примолкла и Иори. Полночную тишину нарушал только топот копыт.

На краю болота, у фермы, как вкопанный стоял Хвтисия и бессмысленно смотрел в сторону серебристо мерцавшего севера. Оттуда доносились звуки доли. Затем и они смолкли. Луна скрылась в облаках, и все поглотил таинственный, непроницаемый туман. Едва держась на ногах, Хвтисия нехотя повернулся и, совершенно обессиленный, побрел, не разбирая дороги. Домой от стыда он не мог возвратиться и пошел на ферму.

Прошла целая неделя. С тех пор как холостили хряков, семенники лежали в стенном шкафу. Литровая миска была полна ими почти доверху. И как уж он эти дни заставлял визжать свиней в надежде, что его товарищи услышат этот визг и нагрянут к нему в гости. Но нет, на ферме никто не появлялся. И то, что сегодня пришли Джибила и бригадир, удивило Хвтисию, удивило и обрадовало.

— Эй, послушай, она что, правда уже не была девушкой? — спросил бригадир у Хвтисии. — Конечно, если она целованная, ты бы ее не оставил у себя. А что тебе было делать... — оправдал его бригадир.

Хвтисия тяжелым взглядом посмотрел на бригадира. «Эх, болтаешь ты, что только взбредет в голову. Мелешь и мелешь. Вот ведь нет ни бога, ни справедливости, а то язык отсох бы... Ну кто тебе дал право болтать про Сискари?.. Откуда тебе знать, что да как было? Не знаешь ничего, а туда же... — подумал про бригадира Хвтисия.

— Ладно, хватит об этом. Теперь ты мне это скажи... может, вам муки не хватает?.. Билибе, ты-то что молчишь? Скажи что-нибудь... — вступил в разговор Джибила.

Он до последней минуты с интересом слушал бригадира и с лица его не сходила насмешливая улыбка. Однако было непонятно, смеется он над своим помощником или над молчаливо сидевшим Хвтисией.

Билибе, как от испуга, вздрогнул при словах Джибилы и зачем-то взглянул на Хвтисию.

— Хвтисия не в настроении... Ч-че-го еще... — испуганно, по слогам выдавил из себя Билибе, не сводя глаз с товарища, словно желая понять, не обижается ли тот на него.

— Нет, ни в чем у нас нужды нет... — сказал Хвтисия.

— Может, о том сомневаешься, что я обещал тебе? — сказала Джибилла — человек слова, ты это хорошо запомни... — сказал Джибилла.

— Если Джибилла скажет, тур на скале встанет... — подтвердил бригадир.

— Хочешь, посажу на новую машину? Со дня на день жду... А коли не пришлют, выгоню Кудию и — на его машину... — И с видом человека, который все может, Джибилла оглядел присутствующих.

— Ва, лучшего и желать не надо... — сказал бригадир.

— На месте Кудии работать не буду!

Джибилла с бригадиром переглянулись. У Джибиллы от удивления даже поползла вверх правая бровь.

— Разве его потому надо выгнать, чтобы тебя вместо него посадить? Да он мне и так не нравится. А что делать? Не могу больше смотреть на обрубок его уха. Видал засохший на буке гриб? Вот что-то вроде этого, только противнее, сидит у него вместо уха... — морща лоб, говорил Джибилла. — Не хочу и не хочу, да только мои проклятушие зенки так и поворачиваются в ту сторону.

— Это когда земохевцы его с бабой застукали, тогда ему отрезали... — Бригадир, окутанный папиросным дымом, закашлялся.

— Хоть бы не с моей стороны было это чертово ухо... — снова сказал председатель.

— Ну что?... Что ты только говоришь?.. Что? — начал заикаться Билибе. — Нашему Кудии разве этого горя мало?

— Да, правда, он же твой родственник! Сын твоего дяди, что ли? — смутился Джибилла.

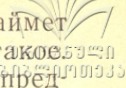
— Теткин сын... — уточнил Хвтисия.

— Помолчи ты, Билибе, это я так говорю. Разве ж человек все может выполнить, что...

— Очень уж нежное сердце у нашего Билибе... — пожалел его бригадир.

— Словом, через неделю придет новая машина, так что будь готов. Чего больше хочешь? — похлопал по плечу Хвтисию Джибилла.

Хвтисии не понравилось, что Джибилла собирается

выгнать своего шофера Кудию и взять его. Не займет Хвтисия чужое место. Нет у него нужды идти на такое. Вот если будет новая машина — другое дело. Он пред- ставил себе, как прокатились бы они с Чичией и Ке- тилой по району, а возможно, и в город, если бы Джи- била, конечно, разрешил. А в городе-то и испытал бы Хвтисия друзей — такие ли уж они ловкачи насчет жен- щин, как говорят.

— Да! — вспомнил Джибила. — В эту пятницу к нам приезжает районное начальство. Будет собрание. Он по- вернулся к Хвтисии: — Хорошо, если ты скажешь слово.

— Слово?! — вскинулся Хвтисия.

— Тут как-то встретил я хевсура Гигию, так он ска- зал, что на свадьбе его племянника ты здорово пока- зал себя в кафиоба. И в других местах наслышаны об этом.

— Это же почетно, будут люди из райкома... — подзадоривал бригадир.

Хвтисия задумался, потом взглянул на Билибе. Тот сидел в оцепенении, с разинутым ртом. Он даже пред- ставить себе не мог, что Хвтисии когда-нибудь пред- ложат принародно признести речь.

— Ну, бывайте... Здесь в этот день тебя заменит Билибе. Не помешает, если ты побреешься и вообще приведешь себя в порядок. Ведь после собрания уст- раиваем ужин, и там ты будешь у всех на виду... — сказал он на прощание Хвтисии. — Ну, Билибе, будь здоров и ты, — потрепал его по плечу Джибила.

У Билибе на глаза навернулись слезы, так он был растроган словами председателя. Он не мог говорить и только пробурчал в ответ что-то невразумительное.

Бригадир и Джибила с шумом вышли во двор, от- вязали лошадей и ускакали. Хвтисия и Билибе молча проводили их взглядом и вернулись в барак. Хвти- сия сразу завалился на топчан, а Билибе снова усел- ся на скамеечку. Спрятав лицо в ладонях, он уже не плакал, а только тихо, как молитву, шептал кому-то благословение: «Какой хороший человек... Золотой че- ловек...»

Хвтисия слышал этот шепот-молитву Билибе, но кого он благословлял, кого имел в виду, догадаться не мог...

Скоро в помещении стало темно. В незастекленные

окна ворвался ветер с Иори и принес с собой с отместей стон тоскующих ив.

Стяла непроглядная ночь. Хвтисия еле брел по деревянским улочкам, пока не вышел на лепившуюся к скале тропинку на окраине Чегураантгори. Собрание только закончилось. Джибила и бригадир уговаривали его остаться на ужин, но Хвтисию охватил какой-то непонятный страх. Он не захотел оставаться и пошел в сторону фермы. Сейчас ему хотелось только одного: оказаться рядом с Билибе и отдохнуть в покое и одиночестве.

В голове у Хвтисии все вертелись слова, которые он говорил на собрании. Он никак не мог собрать их воедино, не мог припомнить, как все там было, чтобы в конце концов понять, что же такого он сказал людям, раз они встретили его слова молчанием. Только Джибила и бригадир остались довольными. И, как им передали, райкомовским людям понравилось его выступление. «Коли понравилось, чего ж не похлопали? Ни один и рукой не шевельнул, когда я говорить кончил», — размышлял Хвтисия. Им овладели неясные подозрения.

«Товарищи, вот я, чегураантгорский свинарь, стою здесь на сцене, чтобы сказать... — Хвтисия с трудом отыскивал свои же собственные слова, разбросанные где-то там и сям в пространстве. — Товарищи, так кипит наше село, как лобio в горшке, кипит и переливается, и шипит в золе». — У него словно что-то встало поперек горла, и он с трудом перевел дух... Слова эти звучали у Хвтисии в ушах...

Внезапно какой-то странный звук привлек его внимание: будто сверху катился камень. Хвтисия отскочил в сторону. Но камень тут был ни при чем, оказалось, это Кетила с Чичией.

— Кетила... Чичия... — воскликнул Хвтисия и раскрыл руки как для объятия.

Вместо ответа Чичия развернулся и ударил его прямо в лицо. Хвтисия только охнул. Второй удар свалил его на землю.

— Мы же тебя упреждали, чтобы этот Джибила не обманул тебя, — услышал распростертый на земле Хвтисия голос Кетилы.

Друзья уходили по тропинке вверх, в сторону села.

— Теперь пусть сколько хочет пятки им лижет, —

мстительно проговорил Чичия. — Этот тип деревню разорил, а он перед чужаками его до небес возносит.

— Не должен ты был второй раз его ударить, вольно было... — укоризненно сказал Кетила.

— Очень даже должен был. Что он заслужил, то и получил. Совсем со своими свиньями освинячился...

— Не надо было его бить, сказали бы просто...

— Так мы ж ему говорили, и не раз. Что, разве не говорили? Из-за таких, как он, село разваливается.

— Может, он не понимал, что делает. Вот Джибила — другое дело. Чего ж мы на Хвтисию-то напали?

— Он да эта жердь стоеросовая. бригадир, возносили твоего Джибилу до небес, кто же еще?

— Нет, нехорошо мы поступили... — стоял на своем Кетила.

— Да ладно тебе, заладил одно и то же... Помнишь, что нам сказала жена его брата, Бугары? Мы тогда еще обиделись. Видишь, а она-то, получается, правильно говорила. Хвтисия совесть потерял не только перед нами — перед всем селом... Хотя бы то, что подбил нас украсть ту женщину, а потом ославил на весь мир...

Кетила замедлил шаг. Потом и вовсе остановился.

— Давай вернемся. Бессовестно мы поступили.

— Я — не вернусь.

— Плохо мы поступили...

— Хочешь, возвращайся...

— Да, пойду.

— Не жалею я о том, что сделал, и не вернусь.

Кетила повернул обратно и снова начал спускаться по тропинке...

Еще не совсем пришедший в себя Хвтисия медленно поднялся. Бросив беспомощный взгляд в сторону исчезнувших во тьме друзей, он пошел вниз по тропинке. На губах его блуждала насмешливая улыбка. Это над самим собой смеялся Хвтисия. Потом в памяти всплыли слова, сказанные Кетиллой, он сразу помрачнел. Он прошел мимо фермы, даже не глянув в сторону барака свинаяр, где его дожидался Билибе. Хвтисия брел сам не зная куда, без мыслей, без цели. Вскоре над Сачуре повисла луна, и, освещенная ею, серебром заблестела извивающаяся, словно змея, река. И, будто они только этого и ждали, еще громче заквакали лягушки в жирных болотах между свинофермой и Иори.

Хвтисия прошел мелководьем через заросли трогоза и выбрался на отмель. Он прошел вдоль берега реки до Жеботского моста, кое-как сбитого из буковых досок и раскачивавшегося под напором воды как качели. Хвтисия стоял по щиколотку в воде и прислушивался к шуму реки. Ему была приятна иорская прохлада. Временами, когда высокая волна перекаtywалась через мостик, Хвтисия начинал раскачиваться вместе с досками настила. Потом он облокотился на поручень и взглянул на освещенную лунным светом отмель. Она отливала золотом. Хвтисии вспомнилось детство. Чегураантгорцы, бывало, приходили сюда, чтобы купаться в чем мать родила и состязаться друг с другом в том, кто дальше забросит камень или быстрее переплывет реку. Тут же, на песке, играли и в лахти. Иной раз запруживали мелководный рукав Иори и ловили рыбу. Водились здесь мурца, напота, пичхула. Бывало, что попадалась и форель. А то играли в «длинного осла». Когда же все это надоедало, затевали спор, и почти всегда на пари.

Среди мальчишек самым заядлым спорщиком был Чичия. Если он что сказал, никто его не мог переубедить. Однажды Кетила загадал загадку, мол, что сильнее всего на свете. Чичия такое брякнул, что все глаза от удивления вытаращили. Вообще это было у него в привычке — он всегда должен был сказануть что-то особенное и невероятное. Да, так вот в тот день он сказал, что сильнее всего на свете человеческий голос. Ребята подняли его на смех, ну и чушь, мол, ты порешь. Чичию обидели насмешки ребят, и, не сказав ни слова, он собрал свою одежду и, не оглядываясь, убежал.

— Чичия, может и верно говоришь! Но скажи, чем голос человека всего сильнее?!—кричали вдогонку ребята. Чичия не вернулся.

Хвтисия же назвал самой сильной реку.

— Еще не родился тот, кто может остановить реку, — сказал он. — Ничто ее не остановит. Даже гора если встанет, река через нее перельется, и скоро от горы ничего не останется. Река никогда не устает. Она несет столько камней и земли, сколько все буйволы на свете не смогут перетащить. Река уносит с собой все лишнее, ненужное для земных дел. Что? И теперь не верите моим словам? Река все может...

Из товарищей некоторые назвали снежную лавину, некоторые — гром и молнию, а некоторые... Спор продолжался целый день, но к единому мнению они так и не пришли и ни на чем не согласились...

Хвтисии почудилось, что он стал снова ребенком и со своими дружками разлегся на отмели, продолжая спорить все о том же. Чичия доказывает свое, он — свое.

— Река все может! — неожиданно странным смехом рассмеялся он. — Река все может! — крикнул Хвтисия далеким горам, окрестностям Чегураангори, крутым склонам Сачуре. Крикнул своей Сискари в далекую хевсурскую деревню. Голосом, полным отчаяния, крикнул закутанному в бурку, ждущему его в одиночестве Билибе, вернейшему и любимому своему другу...

— Ге... ге... гей!.. — крикнул еще раз Хвтисия.

В ответ послышался какой-то далекий шум.

— Хвтисия, ау-у-у! — казалось, кричал кто-то с берега.

— Ге... ге... гей!.. — отозвался Хвтисия.

— Хвтисия, ау-у-у!.. — он узнал дрожащий голос Билибе. Потом услышал еще крик — это подавал голос уже кто-то другой. Кто-то другой звал его по имени. Голоса постепенно приближались, и он узнавал их. Но Хвтисия уже не мог отвечать. Он лег на настил и стал очень медленно погружаться в воду. Холодная иорская вода ласкала его лицо. Но вот ощущение холода прошло. Все переживания отступили куда-то. По временам волна мягко перекатывалась через его голову, и тогда он не слышал голосов Билибе и Кетилы. Когда вода скатывалась с его век, он широко открывал глаза и смотрел в лунное небо. Луна казалась яичным желтком на сковородке, кипящим в масле и подрумянившимся докрасна; звезды были малюсенькими яичками. Весь небосвод был усыпан яйцами, весь мир заполнился ими. Они шипели и насмешливо поглядывали вниз теперь уже из потусторонней бесконечности...

Потом на минуту шум реки умолк. Хвтисия почувствовал, что доски мостика запрыгали, прогнулись под чьей-то тяжестью... Кто-то схватил его за плечи и, как пойманную на крючок рыбину, вытащил на берег.

Перевод Татьяны СОКОЛОВОЙ-РУХАДЗЕ

Евгений ЕВТУШЕНКО

СЛОВО О ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

КОРОЛЕНКО в потрясающем рассказе «Без языка» показал человека, мечущегося в чужом городе, где ему некому высказать свою душу, где он не может понять никого и никто не может понять его. В таком же положении можно оказаться, конечно, и не только с собственным соотечественником-соседом, но и в собственной семье, когда люди, называющие себя родственниками, говорят на разных языках. В фильме «Молчание» Бергман довел эту мысль до трагедийного абсурда, бросив своих героев в город, где все говорят на какой-то странной, изобретенной режиссером, тарабарщине. И вот что поразительно — одна из героинь искренней делается именно с человеком, который не понимает ее слов и слов которого не понимает она, беспощадно выхлестывая из себя исповедь своей несчастной жизни, ибо она знает, что не понимающий ее языка — ее не оскорбит. С кем из нас так не бывало, что порой мы замыкались в своих переживаниях именно из страха оскорбления, потому что поймут наши слова, но не поймут наших чувств. Земляк тоже может быть чужеземцем. Но это проблема уже не лингвистическая, а бытийная.

Социальная задача, выпестованная лучшими умами человечества, есть преодоление трагической разобщенности между людьми, выведение человечества из кровавых междоусобиц на уровень братства. Несмотря на пессимизм, внушаемый нам реальностью ядерной катастрофы — этого зловещего дамкловла меча антибратства, нависшего над нашими головами, искусство является одной из ниточек надежды, соединяющих человечество в одно целое, ибо основа искусства — это интернационализм основных человеческих чувств. Междометия радости у разных народов отличаются друг от друга, но от сильной боли все кричат одинаково. Материнское молоко, кровь, слезы, пот — это всеобщие чернила, которыми написана история человечества. Поцелуи не нуждаются в переводе. Голод, болезни разговаривают с людьми на своем страшном, но понятном сразу всем языке. Когда смерть произносит свой беззвучный приговор, он понятен всем даже по еле заметному

движению ее лицевых костей. Искусство — преодоление бытийного барьера между людьми — и говорящими на одном языке, и говорящими на разных языках. Но лингвистическая проблема иногда перерастает в бытийную.

Те, кто, не владея иностранными языками, попадают в другие страны, мучаются от невозможности заговорить без переводчика. Когда-нибудь кибернетика наверняка решит эту проблему, и при помощи транзистора размером со спичечный коробок зулус будет понимать эскимоса. Пока же существует попытка создания международного средства общения — эсперанто. Язык, основанный на латинских корнях, красив, и замысел эсперантистов благороден. Но думаю, этому языку не суждено всечеловеческое будущее. Язык — это растение земли. Грузины прекрасно знают, что аладастурские лозы, посаженные в землю около Гагра, дадут совсем другой виноград, лишенный того неповторимого привкуса, который им дал определенный почвенный состав родных холмов где-нибудь около Вани. Так же и язык. Его корней нельзя отрывать от родной почвы, и не надо искусственно насаждать корни привозные — сама почва может дегенерировать. Да и зачем! Каким бы бедным оказалось человечество, если бы все в мире люди заговорили на одном языке! Задача мировой культуры состоит в том, чтобы найти общий психологический язык, а не общий разговорный. Без общего психологического языка невозможен никакой серьезный разговор даже при помощи эсперанто или транзистора-переводчика. Наоборот, потенциальная возможность всеобщего психологического языка впрямую зависит от расцвета всех языков человечества, каждый из которых по-своему неповторим. Расцвет языка невозможен без расцвета поэзии. Поэзия любого народа — это концентрация почвенного состава родных холмов. Литература начинается с народной песни, которую по праву можно назвать первоэпозией. Во чреве поэзии начинается и проза. Начало Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова — в Пушкине, а начало Пушкина — в сказках Арины Родионовны. Великая литература без колыбели фольклора немыслима. Такова и грузинская литература, начало которой — в древних пастушеских, виноградарских и воинских песнях и сказках.

Грузинская поэзия вскормлена всеми солями родной почвы, в состав которой вошли кровь и слезы многострадального народа. Небо не обидело грузинскую землю скудостью солнца, но история не обидела эту землю и скудостью кровавых испытаний. Поэтому солнце и кровь так причудливо смешались в своем трагедийном историческом купаже грузинской поэзии.

В 1832 году Григол Орбелиани воскликнул:

**Иверия моя, доколе будешь ты
послушно выю гнуть, в ярме изнемога?
Доколе будет враг, презрев твои черты,
глумиться над тобой, моя страна родная?!**

Затем он с горькой безнадежностью вздохнул:

Как изменились мы! Уж, видно, не течет
родительская кровь в бессильных наших жилах.

Сегодня через хребты лет и событий грузинская поэзия может с гордостью ответить своему прапрадеду, что родительская кровь продолжает неукротимо течь в жилах его потомков. Но такие горькие восклицания — не есть исторический пессимизм. Это — предупреждение.

Через много лет после Григола Орбелиани замечательный певец старого Тбилиси Иосиф Гришашвили еще более печально писал о возможности судьбы грузинской поэзии в стихотворении «Судьба гения на тбилисском базаре».

В то воскресенье, средь давки базара
куплены мной — не пришлось торговаться —
распродававшиеся на тару
Шота, Акакий и Чавчавадзе...

О, Ингорква и Джавахишвили,
вот где и мы по заслугам получим.
Щеки с конфуза румянцем запыли —
Грузии голос на рынке толкуем!

Его печальному предсказанию не суждено было сбыться. Но спрашивалось ли это на предсказание? Это скорее было предупреждение, которое услышала Грузия и опровергла возможность забвения гениев народом, их породившим. Столетний юбилей Джавахишвили, который недавно отмечался, это победа народной памяти над забвением, искусственно организованным канувшими в Лету временщиками. В своей замечательной речи на юбилее Нодар Думбадзе рассказывал, как он мальчишкой читал на чердаке книги Джавахишвили. Тогдашний мальчишка Нодар и не подозревал, что в этот момент он является частичкой народной памяти. В сегодняшней Грузии невозможно представить маринованные бадриджаны, продающиеся в страницах Шота, Акакия, Чавчавадзе, Джавахишвили. Как говорил Руставели:

Лишь одно добро бессмертно, зло подолгу не живет.

Руставели оставил нам кодекс нравственности, рассыпанный по его поэме в слитках афоризмов.

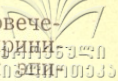
Тот лишь знает цену счастья, кто изведал горечь бед...

Куст сухой зазеленеет там, где суд творится правый...

Блуд — одно. Любовь — другое. Разделяет их стена.
Человеку не пристало путать эти имена...

Разве можно столь поспешно заливать огонь недуга?
Неожиданная радость — человеку не услуга...

Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных
дней позор...

Карл Маркс писал: «Страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть один из способов, каким человек воспринимает собственное «я». Эта фраза может явиться лучшим графом к творению Гурамишвили «Давитиани», где страдание стало вершиной самопознания. Гурамишвили не боялся скрыть своих опасений: «Стих жемчужный Руставели не сравнить с моей трухою». Но его боязнь не оправдалась. Опровержение печальных пророчеств поэзии не поражение поэзии, а ее победа, потому что поэзия, опасаясь худшего, никогда не устает сражаться за лучшее. Гурамишвили горько пошутил: «Даст судьба — отнимет глупость». Но бывает и наоборот. Те лже-награды, которые дает глупость лжепоэтам, отнимает судьба, в конце концов награждая поэтов истинных самой высокой наградой — памятью народной. Народ помнит только тех, кто помнил его, забывая о самом себе. Красота природы Грузии звала ее поэтов к воспеванию, и они отдали священную дань красоте. Но видеть рядом с такой красотой такие трагические уродства жизни, как угнетение, нищета, попираание совести, может быть, еще тяжелее. Энгельс писал: «Эллада имела счастье видеть, как характер ее ландшафта был осознан в религии ее жителей. Эллада — страна пантеизма. Все ее ландшафты оправлены — или по меньшей мере были оправлены — в рамки гармонии». Грузия — это Эллада Кавказа. Но в ее лучших классических поэтах всегда сочетались пантеизм и революционность. Под революционностью поэзии я разумею не только прямую политическую направленность, которая иногда тоже необходима, но прежде всего внутреннюю невозможность примириться с любой формой унижения человека человеком. Илья Чавчавадзе писал:

**Все вынесу с отвагою железной,
в борьбе с судьбой не запятнаю честь,
И лишь никчемность жизни бесполезной —
вот я чего не в силах перенести.**

Критик Гурам Гвердцители справедливо заметил в своем выступлении на писательском съезде: «Часто у тех, кто никогда не бывал в Грузии или доверился внешним поверхностным впечатлениям короткого пребывания, могло сложиться в той или иной степени ошибочное представление о нас, грузинах. Мы выглядим назойливо гостеприимными беспечными кутилами...» Но достаточно прикоснуться к грузинской классике и к лучшим достижениям сегодняшней грузинской литературы, чтобы такое впечатление, достойное лишь малограмотных, испарилось. Даже кутилы Пиромани, поднимающие роги на своих потрескавшихся клеенках, вовсе не беспечны; они похожи на трагические черные статуэтки, расставленные на зеленых долинах Грузии. Тост в Грузии издревле был своеобразной формой народной поэзии, и далеко не всегда беспечной. Обмакивая хлеб в вино, поминали и поминают всех безвременно ушедших и погибших за правое дело. Вместе с восхищенным чувством жизни грузинской поэзии традиционно свойственно уважение к смерти. Акакий Церетели написал об этом тончайшие стихи:

Но в мире есть невидимая связь
меж ясным небом и землей унылой,
и новь, и старь, в одно соединясь,
полны ее пленительной силой.

Единая и сложная, она
есть творческая сила созиданья,
которая в любые времена
объединяет все существованья.
Она сотрет границу до конца,
коль между ними есть еще граница,
и если жизнь не может слить сердца,
моя душа с твоей сумеет слиться.

В кажущихся поначалу обворожительно беспечными переливах бараташвилевского «Цвет небесный...» есть драматическая ностальгия по неотвратимому ускользанию из рук синей птицы, этой, подаренной небом, красоты. Но исчезновение на земле — не есть исчезновение из памяти. Грузинская классическая поэзия — это антология народной памяти. Апологеты чистого искусства не привили грузинским поэтам заманчивой, но обманчивой страсти к самовозвышению, к ощущению себя некими сияющими вершинами над долинами, кишющими сплошной чернью, недостойной облаков. Важа Пшавела дал отповедь такому мнимому самовозвышению поэта в стихотворении «Гора и долина».

**Нет, гора, не следует гордиться
перед той, с кем связана всегда.
Стоит ей сквозь землю провалиться,
с ней и ты исчезнешь навсегда.**

Таковы заветы грузинской дореволюционной классики. Выполнены ли они ее послереволюционными потомками? Были, конечно, в грузинской поэзии и пролеткультовская риторика, и, прямо скажем, спекулятивные стихи на так называемую злобу дня, были, да и сейчас еще встречаются стихи, больше похожие на подхалимский «тостизм», чем на поэзию. Были искренние, но развеянные очищающим ветром истории заблуждения. Были неискренние, хитроумные интриганства при помощи рифм, и даже упражнения в таком малопочтенном жанре, как рифмованное доносительство. Были, наконец, просто-напросто бездарные стихи, написанные иногда плохими, а иногда даже и очень хорошими людьми, к сожалению, вовремя не понявшими, что они берутся не за свое дело... Но о любой поэзии в целом надо судить не по ее шарлатанам, не по ее дельцам, а по ее мастерам. И мы увидим, что святые заветы грузинской классики выполнены наследниками, многие из которых уже сами стали частью этой классики. Первым из этих наследников был Галактион Табидзе. Поистине гигантская фигура чудотворца языка. Его огромное наследие неоднородно — в нем есть и плохие, успешные стихи, но мощный вес шедевров, поставленных на одну чашу весов, так высоко подкидывает другую чашу, что все неудачи сыпаются с нее, как мелкие камушки. Именно Галактион бросил в вечность такие строки:

Не только годы — каждый миг бессонный
поет, переломившись у порога:
«Не оставляй стиха бездомным!
Ему нужны пространство и эпоха!»

Галактион — это камень преткновения почти всех переводчиков, и я вместе со многими из них тоже потерпел бесславное поражение. Его секрет — в магическом порядке слов, когда словосочетания сцеплены таинственной силой языка, неразгаданной, как мумие, налипающее на своды пещер. Подстрочник действует на стихи Галактиона разрушительно. Пример тому хотя бы стихотворение «Дрошеби, чкара!», которое знает наизусть каждый грузинский школьник. Но по-русски сказать «Знамена, быстрее!» неграмотно, а примитивное «Знамена, выше!» убивает красоту подлинника. И все же я думаю, что Галактион еще найдет своего переводчика. При всем ее «вольничанье», думаю, что Белла Ахмадулина в отдельных своих переводах прорвалась к Галактиону ближе, чем другие, и Нодар Думбадзе в своем телевизионном выступлении дал точный анализ, почему ей удалось уловить музыку галактионовского набарматыванья.

Лишь бы жить, лишь бы пальцами трогать,
лишь бы помнить, как после моста
снег по-женски закидывал локоть,
— и была его кожа чиста.

...Мир состоит из гор,
из неба и лесов.
Мир — это только хор
двух детских голосов.

...Дорогая, с каким снегопадом
я тебя отпустил в белизну
в синем, синеньком, синеватом
том пальтишке — одну-одну...

Классика достойно продолжалась. Прав был Валериан Гаприндашвили, сказав:

Тбилиси... Гулкое слово это —
звон перстня брошенного, щита,
и песен звон на пиру поэтов,
где председательствовал Шота.

Георгий Кучишвили, поэт, чьи стихи были похожи на булыжники в руках пролетариата:

И как бы там вы губы ни кривили
на новую фамилию мою,
счастливый, я кричу:
Я — Кучишвили!
Сын улицы,
я улицу пою!

Иосиф Гришашвили — певец старого Тбилиси:

Ты прочитал иероглифы,
и хроники тебе дались,
а видел ли, какой олифой
старинный выкрашен Тифлис?

Как был бы он счастлив сейчас, увидев, что тбилисцы любовно воскресили старинные дома, хотя, конечно, олифа не та и слишком часто приходится подновлять стены.

Паоло Яшвили был и сам похож, по его собственным словам, не просто на сад, а на «событие сада»:

Будто письма пишу, будто это чгра.
Вдруг идет как по маслу работа.
Будто слог — это взлет голубей со двора,
А слова — это тень их полета.

Но та игра, за которую платят жизнью, уже перестает быть игрой, а становится историей. Что ж, Пастернак впоследствии, может быть, вспоминая эти строки Яшвили, когда-то переведенные им, напишет:

Сколько надо отваги,
чтоб играть на века,
как играют овраги,
как играет река.

Тициан Табидзе, выполняя заветы старых классиков, сам создал новые классические заветы:

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
меня. И жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет, и разом сдышит
всю жизнь мою. Вот что такое стих.

Или:

Если впрямь ты поэт, а не рохля,
будь, как день в окроканской глуши.
Пусть и руки б, чесавшись, отсохли,
стой века и стихов не пиши.

Если мужества в жилах не будет,
если искренность слез не зажжет,
все на свете потомство забудет,
и мацонщиков нам предпочтет.

Оказалось и мужество в жилах, и искренность слез, лишь не хватило жизни. Но большой поэт, трагически погибая, никогда не помыслит о том, чтобы проклясть свой народ, свою родину. Святая гражданская ненависть к мерзавцам у большого поэта никогда не превращается в мелкую псевдогражданскую злобцу. Пророчески прозвучало стихотворение Тициана «Ликование»:

Поют родные горы хором.
На смерть сейчас меня пошли,
Я даже и тогда укором

не попрекну родной земли.
С поэта большего не требуй.
Все пули на меня истрать,
и на тебя я буду с неба
благословенье призывать.

В этом стихотворении появляется та же благословляющая длань, как в концовке поэмы Блока «Двенадцать». Образ Христа у Блока — это образ мирового духа, который перестанет быть мировым духом, если не будет сопровождать людей в их борьбе и страданиях, если он отвернется от них. Так и поэзия Тициана, как часть мирового духа, не отвернулась от своей родной земли, даже предчувствуя свой гибельный час. Может быть, о Тициане и Паоло думал Колау Надирадзе, когда писал:

Я вас не брошу вдалеке,
но захвачу в ряды азарта,
как зажимают в кулаке
кусок отбитого штандарта.

Особой странной тенью скользнул по грузинской поэзии, но навсегда остался в ней Терентий Гранели — поэт редкой лирической самобытности.

Но, дорогая, как не повезло,
что выпало тебе на самом деле
раз навсегда дождливое число
и странности Терентия Гранели...
Но если вспомню памятные дни,
начальных лет безоблачные выси,
то буду счастлив я. Похорони
меня неподалеку от Тбилиси.
Все белой бабочкой, все темные рои,
все горести, раскаянья и тени.
Прими в пределы, Грузия, твои
мой скромный дар — невоплощенный гений.

Буйный, турий нрав внес в грузинскую поэзию Георгий Леонидзе, полный неукротимой жажды жизни, физической радости бытия.

Мы прекраснейшим только то зовем,
что созревшей силой отмечено.
Виноград стеной, иль река весной,
или нив налив, или женщина.

Игроки внизу гремели.
По дощечке вкось
с крапчатой спиной форели
уносила кость.

...На сады тбилисские, где живы
сказки, на тбилисские сады,

на сады Тбилиси и обрывы
налетели черные дрозды...

საქართველოს
წიგნების
კავშირის
ცენტრი

Но физическая радость бытия не уводила Леонидзе от духовности, как иногда случается с некоторыми поэтами. Он иногда впадал в риторическое одописательство, затем неожиданно менял плакатную кисть на мудро поскрипывающее перышко летописца, подбивающего итоги своим и чужим ошибкам.

Преданий путь подобен рекам.
Положен песне свой предел.
Не разлучайте песен с веком,
который их сложил и пел.
Их постигает обмеленье,
как дно речного рукава.
Меняются века и мненья,
приходят новые слова.

Но какие бы новые слова ни пришли, старые остаются вечно новыми, ибо «талант — единственная новость, которая всегда нова».

Эта пастернаковская собственная строчка кажется продолжением его перевода Леонидзе, точно так же, как замечательные стихи Тихонова о Грузии тоже кажутся продолжением его классического перевода, процитированного несколько выше. Такова взаимопереливаемость культур. Такова на этих и на многих других примерах творческая, а не формальная дружба русской и грузинской поэзий. Отдавший дань риторике в ряде своих стихов, Алио Мирцхулава создал удивительное стихотворение «Лук и лира», где воин, заслушавшись пения тетивы лука, стоит «большой, тревожный, тетиву понявший, как струну». Утонченный мастер Симон Чиковани, воспитатель стольких новых поэтов, сказал:

А почему у людей огурцы и чеснок,
сколько стоит кусок неразменного быта, —
разве это касается сбитого с ног?
И лягнуло тебя между ребер копыто.
И отброшена кисть. И на выпуклость век
синеватые тени наложены густо,
и неведомо где погребен человек,
и конец... И навек остается искусство.

В Грузии больше всего ценятся два искусства: искусство земли и искусство поэзии.

Карло Каладзе, начавший печататься еще подростком, до сих пор сохранил завидный юношеский напор. Сколько горя свалилось ему на плечи в последние годы — и безвременная смерть талантливейшего сына, и смерть жены, но он переплавляет свою боль в стихи и воскрешает в своих стихах все, что отобрано жизнью.

О мой камин, твои своды каменные,
своды кирпичные Гулда выложил.

Кто же при горестно воющем пламени
может сказать: «Не горюй, что не выжил он...»

Карло Каладзе однажды сказал так: «Лишь молчание — красноречиво. Все слова — нарушители клятвы». Но поэт самоспасается только исповедью. Если это высокая исповедь, тогда она становится и спасением других. Ираклий Абашидзе тогда-то писал:

А все равно на языке людей
язык природы непередаваем.

Но в другом стихотворении он противоречит самому себе:

О язык мой!
Ты дар.
Ты — стремленье и взлет.
Ты сцепленье
наших скал,
наших глыб и камней.

Это противоречие не печально, а волшебно. Лишь непрерывно сомневающийся в себе художник может создавать то, что потомки не смогут подвергнуть сомнению. А не сомневающиеся в себе уже и при жизни начинают вызывать сомнения. Под стремлением к собственной монументальности иногда скрывается неуверенность, но иногда и бессердечье, которое пытаются прикрыть мнимой бронзой.

Нельзя представить себе мужество грузинского народа, проявленное в годы Великой Отечественной войны, без стихов Ладосатиани и Мирзы Геловани.

Свою безыскусную, но искреннюю ноту внес в грузинскую поэзию Алекси Гомиашвили.

Вечная, года ее не старят,
нянчит нас, хранит из года в год.
В Степанцминде, около Мкинвари
мать моей обители живет.

Григол Абашидзе — четкий мастер, любящий законченный, замкнутый в себе рисунок стиха.

Закроют силой — ты глаза раскрой.
Нам видеть мир дано лишь раз, не боле —
деревья, женщину, закат, прибой.
Закроют силой — ты глаза раскрой.
Исполни долг пред миром и до боли,
до слез гляди. Пусть, надавив рукой,
закроют силой — ты глаза раскрой.
Нам видеть мир дано лишь раз — не боле.

Отрадно, что после крупных прозаических работ Григол Абашидзе снова вернулся к небольшим, сконцентрированным стихам, поражающим, а порою даже пугающим своей беспощадной откровенностью. Но поэзия не создана только для то-

го, чтобы убаюкивать. А иногда стихи некоторых поэтов за-
качивают, как некие общественные колыбельные, запеленав
туго-натуго совесть и собственную, и чужую.

В Ревазе Маргиани живет строгая неприступная красота
родной Сванетии, ее народные мотивы.

...Осыпь неба, свет от света,
брежущий, как жар в золе.
Оиа! Оиа!

Широкое общественное признание получила поэма Хуты
Берулава «Русское сердце».

Горько оплакал грузинский народ недавнюю неожидан-
ную смерть Иосифа Нонешвили, которого невозможно было
представить мертвым, настолько много в нем и его стихах
брызжащей через край жажды жизни. На его похоронах иск-
ренне плакали даже те, кто недолюбливал его, ибо они за-
были простую истину: даже самые жизнерадостные люди —
смертны. Сейчас Иосифа трагически недостает. При всех из-
держках его бурной, а иногда и поспешной работы он написал
ряд антологических стихов, которые никогда не умрут.

Я высекал орнамент Кошуэты.
Стучало сердце около камней.
Мне книгу звезд небесные поэты
преподнесли, и я прочел по ней,
как высекать орнамент Кошуэты. ..

Я так изобразил побег лоз,
что шелестом нежданно отдалось
мое дыханье в каменной листве..
Орнамент шелестел секунды две.

Это стихотворение гениально переведено Александром
Межировым, еще при жизни поставившим на пьедестале рус-
ского языка памятник своему грузинскому товарищу.

Анна Каландадзе занимает в грузинской поэзии место,
схожее с тем, которое занимала в русской поэзии Анна Ахма-
това. Стих ее всегда благороден, достоин. Некоторая темати-
ческая узость искупается широтой словаря, величавостью и
грацией слова.

Михаил Квливидзе — ненавязчивый тонкий философ, ис-
подволь подводящий читателя к мысли. Одна из вершин его
работы в поэзии — это стихотворение «Ушба», блистательно
переведенное Заболоцким.

Мурман Лебанидзе — поэт неожиданный, великолепно
владеющий резкими поворотами слова.

Мир вдаль простирается без конца.
В нем все повторяется —
кроме отца.

...Мне снятся олени, летящие вихрем сквозь
бабочек рой,
мне мамонты снятся,
выхлебывающие болота.

Себя обманув,
измышляю первообщинный строй —
играю в охоту!

У многих стихов Мориса Подхишвили редкая запоминаемость.

Я вижу боль твою и горе.
Твоим слезам внимаю я.
Но помни о чужой невзгоде.
Твоя — и так — всегда твоя.

Пусть укрепится правды слово,
тоску и немощь растворя.
Знай правду горькую другого,
Твоя — и так — всегда твоя!

Но мне кажется, что Морис иногда слишком эксплуатирует рефрен. Возможно, это происходит от слишком частой работы над песнями. В этом есть некоторая опасность, когда это слишком часто. Морис особенно силен тогда, когда не добивается запоминаемости стихов, а она получается сама по себе.

А что же осталось на маленьком поле?
Печаль нашей маленькой пешки, не боле....

Отар Челидзе — неутомимый труженик и поля грузинской поэзии, и поля русской поэзии, которую он прекрасно переводит. Незабываемы его строки о Лермонтове:

Стучит напрасно в разные ворота,
в раздумье поворачивает вспять,
и вновь летит, и вновь зовет кого-то
стать его братом, секундантом стать.

Арчил Сулакаури поразил меня своим недавним циклом, где проявилось новое качество, столь редкое в поэтах, уже создавших свой стиль, но разламывающих его собственными руками:

Ну, здравствуй, здравствуй, человек,
ну, здравствуй, здравствуй, человечешко!
Когда я вижу, как ты скушен,
как ты возвышенно убог,
то я со вздохом сомневаюсь
в самом существованье вечности,
в том, что вначале было слово,
и это слово было — бог.

Джансуг Чарквиани вступил в пору своего пятидесятилетия, крепко держа перо в руках.

И живем мы, огнем объять,
выжимаем пот из рубах,

и кувшины, словно солдаты,
часовыми стоят в погребях.

საქართველოს
წიგნების კავშირი

Мне кажется, что он сейчас в периоде концентрации, предшествующей новому взлету.

К сожалению, мало или плохо был до сих пор представлен русскому читателю один из замечательных сегодняшних грузинских поэтов Шота Нишнианидзе. Выход его первого крупномасштабного издания на русском языке, ожидаемый сейчас, обещает быть явлением всесоюзного масштаба. Нишнианидзе, несмотря на отсутствие какого-либо намека на актерство во внешнем поведении, а может быть, именно благодаря ему обладает редким даром артистического перевоплощения — переходя то от нежной лирики к едкой гражданской сатире, то от остросюжетной балладной формы к философским медитациям. Его поэзия, часто грузинская по лексической структуре, с уникальной естественностью впитывает чисто славянские образы. От подвига арагвинцев он переходит к сочному фламандскому изображению Гуляй-поля времен батьки Махно. Поэзия Нишнианидзе похожа на его собственное определение свирели.

У свирели шея тоньше
лебединой, горделивой,
а внутри свирели пламя,
как петух, такой драчливый.
Не напрасно, мой гидальго,
гребень твой,
как знамя, красен.
Хватит быть всем чистым людям
вечной жертвой всех, кто грязен!

Мухран Мачавариани когда-то зачаровал нас всех на Всесоюзном совещании молодых писателей своими мощными, полными внутренним эхом стихами, где органично было вплетено извечное грузинское «инди, минди, ператшинди». С той поры он вырос в крупного национального поэта.

Нет дождя.   Отчего же ресницы мокры у Саба?
Нет снега.   Отчего же побелела голова у Саба?
Нет мороза.   Отчего же дрожит Саба?
Печаль его родины,
боль его слез
для него —
и дождь,
и снег,
и мороз.

Но с огромной любовью к Мухрану хочется пожелать ему тематического расширения его поэзии. При родственном Уитмену мироощущении ему иногда не хватает уитменовского всепланетного миропонимания.

Медея Нахидзе прочно утвердилась в грузинской поэзии, как разнообразный мастер, владеющий и лирической миниа-

тюркой, и гражданственным пафосом, спрятанным в глубь лирики.

Чучело немо.
Нет ему неба.
Кончена с жизнью игра.
Чучелом ставший,
дрозд отсвиставший,
прыгал ты позавчера.

Эти стихи — тонкое напсминание всем нам, поэтам, о том, что легко превратиться из певчих птиц в чучела. Те, кого убивают, в чучела не превращаются. В чучела превращаются только те поэты, которые убили сами себя.

Тариэл Чантурия — явление тонкое, даже кажущееся хрупким. Но есть священная сила хрупкости, которая выше силы как таковой.

Все мокнет, не испытывая жажды,
и папоротник черный, и песок,
и слышу я: «Ступай теперь, сынок,
Потом... потом... когда-нибудь... однажды...»

Братья Чиладзе — это уникальный тандем грузинской поэзии, где иногда педали крутятся в совершенно разные стороны, а тандем все-таки непобедимо движется вперед. Поэзия Тамаза Чиладзе, неотделимая от его прозы и драматургии, — это продукт не внешней, а глубоко внутренней культуры. Если некоторые поэты стараются избегать литературных и исторических реминисценций, то Чиладзе откровенно этого не стесняется, и его поэзия — это синтез влияний, пропущенных через собственное «я».

Мои глаза — они как будто гнезда,
в которых больше не гнездятся птицы.

Именно внутренняя культура позволяет Тамазу чувствовать себя неслучайным и под платанами подъема Петриашвили, и на мосту Ватерлоо. В своем выступлении на съезде писателей Тамаз Чиладзе справедливо сказал: «В литературе недопустимо создавать какие-то географо-этнографические резервации и заповедники. Живой литературный процесс сопротивляется всяким искусственным перегородкам». Хотелось, чтобы его услышали все поэты, часть которых неоправданно видит свою задачу именно в географо-этнографическом патриотизме, а не в патриотизме, берущем под свою защиту всю мировую культуру, судьбу всего человечества.

Отар Чиладзе создал новаторские по композиции поэмы «Шапка, полная дэвов», «Световой год», «Железное ложе», мастерски владея и рифмованным, и свободным стихом, переходя от реалий повествовательности к возвышенным всечеловеческим символам. Еще будучи совсем молодым, он успел оставить редкое по пронзительности завещательное стихотворение:

Найди истаявшее рано
перо с присохшей кровью века,
и над моим сожженным полем

найти звезду не позабудь,
а если вправду завещанье
не убивает человека,
не убивай меня ты тоже.
Дай мне пожить еще чуть-чуть.

Проза Отара Чиладзе, стоящая на пороге у входа в грузинскую классику, — это прямое продолжение его поэзии.

В грузинской поэзии можно выбрать антологию стихов, посвященных Пиросмани. Но одним из лучших среди них будет стихотворение Резо Амашукели.

Ты — золотом или серебром,
ты — счетами-костяшками,
прилавками,
а также соторговцами;
я — кистью милосердную;
клеенками хрустящими
и на клеенках бляющими овцами,
мы оба, как бродяги,
перед богом наги,
и все равно земли могильной мгла
нас примет в чем нас мама родила.

Гиви Гегечкори — автор многих блестящих лирических стихов.

Я раздваиваюсь, как устье реки,
как дыханье раздваивает уста.
Я отдал прекрасному две руки.
Эта жертва естественна и чиста.

Но когда прекрасному отдаются обе руки, то где же взять другие руки, которые будут бороться со злом и всякими мерзостями нашего, такого далекого от совершенства мира. Поэт сегодня должен быть как многорукий Шива, у которого есть и руки, отданные прекрасному, и руки сражающиеся. Гиви Гегечкори — за это честь ему и хвала! — при всем мастерстве лирика не гнушается прямых обличительных стихов, как, например, «Феодал».

Для Лии Стуруа характерна тщательная лепка мысли стихотворения при помощи современного стиха и фольклорных мотивов.

Одна-единственная женщина на свете,
которая пшеницею волос
согреть сумеет вечную тоску
мужчины. И сумеет
дать вместо страха хлеб ему
и сможет похожею на поле быть всю жизнь.
На поле, по которому проходят,
но никогда не вспоминают.

У Анзора Салуквадзе тоже своя особая нота поэзии, дополняющая общую звукопись и живопись грузинского слова, как есть своя нота и у Хуты Гагуа, которому свойственны неожиданно сверкающие сказы: «Ликует зелень, как индей-

ский вождь», как у Изы Орджоникидзе: «А я вот похожа на трепет флага под взглядом холодным тысячи дул», как у Нази Киласония, которая сильна в лирической исповедальности, но, к сожалению, весьма слаба в публицистике под Маяковского, как у Фридона Халваши, Шалвы Амисулашвили, Мамуки Циклаури, Гиви Дзnelадзе, Гиви Алхазншвили, Эмзара Квнтаишвили, Отара Мампорня, Джарджи Пховели, Отара Шаламберидзе, Нодара Гурешидзе, Далилы Бедианидзе, Энвера Нижарадзе и многих других, о каждом из которых можно было бы написать отдельную статью.

По образу Бесика Харанаули современная поэзия социалистической индустриальной Грузии — это персиковое дерево во дворе завода. И это дерево цветет, и дает свои сочные плоды, несмотря на то, что листья иногда отягощены неумолимой копотью.

Грузинская поэзия, безвременно потерявшая столько своих сыновей во время трагических ошибок, переходящих в преступления, а потом в период Великой Отечественной войны, была всегда верной продолжательницей традиций грузинской классики.

Споры в нынешней грузинской печати о верлибре, по-моему, несущественны. Какая разница для народа — высказывают его мысли при помощи рифм или без них. Но надо прямо сказать, что верлибр при халатном отношении к слову дает еще большие возможности для безответственного графоманства. Верлибр силен только тогда, когда отсутствие рифм и отсутствие ритма искупаются еще большей эссенциальностью слова, еще большей нагрузкой мыслей на каждую строку. Если будущее — за верлибром, как утверждают его сторонники, то только за верлибром, внутри которого есть музыка мысли, ибо вообще без музыки поэзии не существует: ведь без музыки немислима и настоящая проза.

Не было в мире двух таких поэзий, у которых была бы настолько взаимная любовь, как у поэзии грузинской и русской. Эта любовь позволяет мне выразить ностальгию по «красивым, двадцатидвухлетним» в грузинской поэзии, по гигантским эпическим полотнам, подобным «Витязю в тигровой шкуре» или «Давитиани».

Сохранение национальных традиций — это первое условие развития поэзии. Но в сегодняшнем мире, объединенном общей угрозой третьей мировой войны, большим поэтом только национального масштаба быть невозможно. Поэт должен быть подобен дереву, чьи корни в родной земле, но чьи ветви простираются над границами, давая человечеству кислород братства.

Форму поэзии должно диктовать содержание эпохи.

Как говорил Галактион, стиху нужны «пространство и эпоха».

И ТРАДИЦИОННОСТЬ, И НОВИЗНА

* * *

СЛЕДУЮЩИЙ этап творческой жизни и интересов Арчила Сулакаури связывается с литературной сказкой. Молодое поколение и сегодня, в век научно-технической революции, увлеченно тянется к ней, и каждый, кто создает в своем творчестве этот изумительный мир, становится любимейшим писателем. Это прекрасно чувствовал Корней Чуковский, подаривший детям «Доктора Айболита». Это вдохновило Алексея Толстого на использование итальянского сюжета и написание своих «Приключений Буратино». Так же поступил и Юрий Нагибин, переведя на русский язык восхитительную лесную сказку Золтана «Бемби». Айболит, Буратино, Бемби, Пинокио, Чиполлино, их грустные и веселые приключения — прекрасное чтение для юного поколения. И это еще раз убеждает в том, что без сказки жизнь детей, их духовное формирование просто невозможны.

К вышеперечисленным сказочным героям можно добавить и достойных их собратьев в лице Саламуры, Байи, Маки и Олиле, созданных Арчилом Сулакаури. Грузинские дети всем сердцем полюбили этих сообразительных и добрых героев.

Одно из первейших и главнейших достоинств «Приключений Саламуры» и «Волшебного платья» в том, что они созданы в традиции грузинских народных сказок и при этом совершенно оригинальны по своей фактуре, стилю, художественному осмыслению, системе образов.

Герой сказки Арчила Сулакаури пастух, и зовут его Саламура («саламури» по-грузински означает «свирель»), что с самого же начала указывает на национальные истоки произведения, на то, что при написании своей сказки перед глазами писателя проходили персонажи грузинских сказок.

Окончание. Начало см. в № 1.

Персонажи народных сказок добиваются победы благодаря своей сообразительности, способностям, доброте. Они не уповают только на волшебные силы и на свое счастье, но надеются также и на себя. Они хорошо умеют и борются, трудятся, и потому и удается им выйти невредимыми из тяжелых ситуаций. Так и в сказках Арчила Сулакаури.

Писатель намеренно приближает манеру своего повествования к фольклорным традициям и этим создает своего рода иллюзию, будто мы имеем дело не с литературным произведением, а именно с народной сказкой. С первых же фраз «Приключений Саламуры» создается впечатление, что не книга лежит перед нами, а сидит сказитель и рассказывает эти поразительные истории. А это придает литературной сказке больше непосредственности, традиционности и обаяния.

Популярность и успех «Приключений Саламуры» и «Волшебного платья» обусловило то, что писатель намеренно, сознательно приблизил свой язык к языку грузинской народной сказки и тем придал литературным произведениям больше простоты и естественности. Вообще надо сказать, что язык сказок Арчила Сулакаури необыкновенно поэтичен, красив, богат и вместе с тем ясен и прост.

В народных сказках традиционно противостоят друг другу две силы — добрая и злая. Притом в отличие от художественной литературы они совершенно незамаскированы. Борьба между добром и злом, как правило, в фольклоре представлена обнаженно, наглядно и обычно кончается победой добра. Сказки Арчила Сулакаури и в этом отношении не изменяют традиции. «Приключения Саламуры» состоят из двух частей. Первая называется «Испытание», вторая — «Дела геройские». В первой части писатель, как говорится, знакомит нас с обстоятельствами, распределяет силы добра и зла, противопоставляет их и усиливает назревание конфликта. Во второй же части начинаются героические дела Саламуры. Вместе с кузнецом Дахка-Дахка он поднимает на борьбу угнетенное население Кондарети и благодаря смекалке, способностям, мужеству и сноровке побеждает злые силы, спасает свою подругу Байю и кладет начало новой, счастливой жизни в Кондарети. На этой сюжетной канве развивается множество интересных историй, из которых дети могут почерпнуть художественные уроки мужества, доброты, трудолюбия, настойчивости, правдивости, дружбы, справедливости и еще много хорошего. Так же и в «Волшебном платье».

Вместе с тем писатель нигде не повторяет и не заимствует сюжеты грузинских сказок. Хотя в этом и не было бы ничего предосудительного. Перро и Андерсен вдохнули новую жизнь во многие народные сказки. Сказки же Арчила Сулакаури по своему духу явно берут начало в фольклоре, но вместе с тем нигде его не повторяют и полностью являются плодом фантазии писателя.

Достоинствами «Приключений Саламуры» и «Волшебного платья» следует признать то обстоятельство, что здесь с завидной умеренностью и чувством юмора обозначены некоторые стороны современной жизни. Писатель остроумно

высмеивает проявление таких черт современных людей, как высокомерие, тщеславие, лицемерие, двуличие, жадность и многих других. Все это взрослый читатель в ненавязчивой форме вычитает здесь, особенно в тех эпизодах, где описана придворная обстановка дворца, будь то в Кондаретском царстве («Приключения Саламуры») или в царствах старых монет и копилков («Волшебное платье»).

Сказки Арчила Сулакаури — явно новое и оригинальное слово в современной грузинской литературе. Но не только в этом их достоинство. Наряду с этим «Приключения Саламуры» и «Волшебное платье» чрезвычайно полезные книги для детей.

* * *

Я уже отмечал, что в кругу специалистов-литераторов (а также и у читателей) сложилось впечатление, будто после 60-х годов писательские интересы Арчила Сулакаури ограничились одной лишь прозой. Убеждали в этом опубликованные в те годы рассказы, роман, сказки. Они произвели большое впечатление, снискали ему славу прозаика, но «молчание» Сулакаури-поэта было обидным. Вышедшие же в 70-х годах два его прекрасных поэтических сборника — «С четырех сторон» и «Тишина» — опровергли беспочвенные утверждения и сразу же получили широкий отклик. В статьях, посвященных этим книжкам, авторы, как правило, высказывали свою радость по поводу «возвращения» Сулакаури в поэзию.

«Стихи в нем всегда жили с каким-то метафизическим упрямством. И он вернулся в поэзию», — заявил критик Отиа Пачкория. А Сулакаури-поэт никогда не «умолкал», не становился «отступником» в поэзии, и потому он и не мог «вернуться» к поэзии. Именно в 60-х годах, когда Арчил Сулакаури с самого же начала произвел такое большое впечатление на читателя глубиной, новизной и обилием своей прозы, он писал, да и время от времени даже публиковал свои стихи. Именно в те годы написаны такие замечательные стихи, как «Я принесу с собой дыхание Арагви», «Искал тебя я в ветер», «Я вопрошаю Ксани иль Арагви», «Там, за Курой, остался детства твоего очаг», «Думы, как дым быстротечный», «Высокий день», «Светлая душа», «Горы Кахети», «Спишь вечным сном сейчас ты», «О, горы высокие», «Стих, сказанный в Шенако» и многие другие.

Думаю, правильно было бы сказать, что в 60-е годы новый для него жанр — проза — временно больше увлек Арчила Сулакаури, перевесил его писательский интерес, а в 70-е — установилось «равновесие».

Из писателей того поколения, к которому принадлежит Арчил Сулакаури, он был не единственным, кто, уже создав свой значительный поэтический мир, обратился к прозе. Этот факт обратил на себя внимание, возбудил интерес к исследованию его причин. Причиной «переселения поэтов в прозу», возможно, «было изменение форм мышления или утомление от поэзии, вернее, от борьбы за истинно поэтический подход к поэзии, которая не так уж легко дается... Возможно, проза

виделась тем необитаемым берегом, где можно было ждать бесчисленных открытий...» (Отиа Пачкория).

С этим предположением можно было бы согласиться в отношении тех, кто остался в поэзии без более или менее значительного багажа. Что касается увлеченности прозой писателя, обладающего надежной и прочной поэтической репутацией, тем более — прекрасного и известного писателя, то и объяснение может быть более «простым» — скажем, многосторонностью таланта, многообразием интересов, потребностью в эпической форме, самой по себе продиктованной для выражения овладевшего им замысла, или же другими подобными причинами. Не говоря ни о чем другом, просто трудно предположить, что написанные Пушкиным или Лермонтовым, Важа Пшавела, Акакием Церетели или Ильей Чавчавадзе прозаические шедевры созданы в силу их утомленности от сложной борьбы в поэзии. Если проследить за опытом классики, то куда более характерными и убедительными в этом отношении будут именно универсализм и жанровая многосторонность писателя, нежели его мастерское владение каким-либо одним жанром или формой.

Справедливым представляется изображение Реваза Мишвеладзе, который, исследуя поэзию Арчила Сулакаури 70-х годов, вынес такое заключение: «Мне показалось, что эти стихи являются органической частью творческого пути поэта, выделяющиеся лишь своим темпераментом и тональностью, преисполненной тихой грусти, свободной от юношеского максимализма, порой звучащие горестным реквиемом, порой обвораживающие, призывающие к размышлениям». В этой цитате примечателен не только смысл, но и форма выражения. По-видимому, о поэзии так и следует говорить — бережно и осторожно («Мне показалось...»), поскольку безапелляционный и категоричный тон в суждениях вообще опасен, а тем более в связи с таким полным тайн субъективным феноменом, как лирика.

Творчество Арчила Сулакаури в целом и вправду носит «стабильный характер». Это можно объяснить и тем, что писатель не пытается насильно преодолеть особенности собственного художественного мышления и в соответствии с законами жанра писать «чисто». Потому и внутренняя верность медитационной лирике не вынуждает его перекрывать в стихе дуть прозаическим интонациям, беседе и особенно форме обращения, жанровым зарисовкам. Что же касается прозы, то она поразительно согрета лиризмом и настроением, вытекающим из поэтической природы писателя. Хотя рассказы Арчила Сулакаури все же не являются, видимо, типичным образцом поэтической прозы. Подобные нарушения демаркационной линии жанров в его творчестве выявляют особенности художественного мира писателя в целом и указывают на нераздельность его поэзии и прозы.

«Стабильный характер» поэзии Арчила Сулакаури зиждется на прочном фундаменте — я имею в виду грузинскую классику. Естественные попытки или потребность в обновлении грузинского стиха для Арчила Сулакаури никогда не отождествлялись с корчевкой корней национальной литерату-

ры, отрицанием версификационной основы или мотивов. Наоборот, наиболее полное лирическое отображение духа и мысли современного человека для него возможно именно в историческом разрезе. Потому и поэзию его мощно питает единое и цельное национальное классическое наследие. «...Важа Пшавела остался для Арчила Сулакаури первым молитвенным образом, его нравственным и эстетическим евангелием. Сама концепция человека, которая лежит в основе его творчества, по своему происхождению и природе своей идет от Важа Пшавела, а по ту сторону от него, в недрах времен, она пролегает наследственной линией, признанной самим Важа Пшавела, и, «пройдя» Гурамишвили, возвращается к руставлевским истокам» (Георгий Маргвелашвили).

Поэт создал на мотивы Важа Пшавела блестящий цикл стихов «Горы высокие» (1969), где образ предка предстает перед нами во всем величии и новизне. Этот цикл питают интонации великого поэта, его поэтические образы, фразы и, что главное, дух Важа Пшавела. В этом цикле бессмертный образ гениального поэта служит символом всеобщего вдохновения и поклонения. Лирический герой широко распахивает свое сердце навстречу рвущемуся с гор живительному ветру, приносящему с собой дух Важа Пшавела, который все заполняет собой. Как к святилищу, устремляются реки, горы, деревья к Чаргали — к Мекке грузинской поэзии и духа, туда же спокойно и безмолвно шествует сама Мтацминда. Эта великолепная панорама всеобщего поклонения оставляет неизгладимое впечатление.

Дух Важа Пшавела, свет его поэзии живут не только в этом цикле или хотя бы в других отдельных стихах, они как бы придают устоям поэтического мира Арчила Сулакаури могучую прочность. Да и не только Важа Пшавела!

В стихотворении «Объяснение» Арчил Сулакаури искренне признается: «То, что я хочу сказать, так старо, как желтая, старая луна, и так же ново, как спутник». И его поэзия полна будто бы давно знакомых тем и мотивов, переживаний и раздумий, веры и сомнений, любви и ненависти... Но в то же время все это отмечено эффектом неожиданности и новизны, поскольку его лирический герой происходит не из мифического мира вне времени, он — наш современник, в чьей конкретной биографии преломляются и звучат вечные раздумья или печали человека. Так что все здесь заключено не в художественные модели, а бурлит живой жизнью, веет свежестью.

Об Арчипе Сулакаури — и как о поэте, и как о прозаике — нельзя, думается, сказать, что он многотемный писатель. Его больше привлекает создание и обработка вариаций, нежели многотемье. На протяжении всей поэтической биографии он всегда обращается к теме родины, своей отчизны. И она постоянно развивается и углубляется. Так называемая патриотическая лирика, которая всегда была, есть и будет основным и наиболее значительным потоком грузинской поэзии, сама по себе многообразна. Проявление глубоко пережитой, искренней любви и преданности всегда неповторимо, тем более, если это касается родины. Любовь к ней не

означает излишняя одних только нежных и сильных чувств. В ней проявляется позиция личности, отношение к жизни вообще во всех трех ее измерениях — прошлом, настоящим и будущем. Это та высота, с которой дается оценка всему, что есть, словом, тому, что связано с человеком, обществом, народом. Из-за этой всеобъемлемости и индивидуальности чувств все это и неисчерпаемо, и неповторимо. Некоторые поэты любят проявлять свой патриотизм громогласно, патетически, другие же делают это спокойно, как бы шепотом, интимно раскрывая собственные чувства. Если одни предпочитают декларировать, другим по сердцу — размышления.

Арчила Сулакаури с самого же начала была чужда патетика. Первое же его юношеское стихотворение, написанное о любви к родной земле и небу, проникнуто мягкой грустью. И даже наиболее громко сказанные им фразы не являются поэтической патетикой. Для него как для личности (это заявлено и в его стихах), не характерно ни в жизни, ни в творчестве выходить на авансцену и декларировать. Если он живет, то для того, чтобы служить отчизне. Его дыхание сливается с родными туманами, и если он подает свой тихий голос, то лишь для того, чтобы высказать благоговение перед всем, что ему так дорого.

Любовь к родине — главный и мощно питающий поэта источник. И это чувство, набирая силу, перерастало в поэтические раздумья и размышления о собственном долге перед страной в целом, городом или кварталом, словом, перед каждой частичей того, что служило оплотом для отцов и дедов, из чего слагается отчизна.

Когда читаешь стихи Арчила Сулакаури, невозможно усомниться в искренности и непосредственности автора. Он весь открыт читателю — и мыслями, и переживаниями, и словом. Все, о чем он беседует, им остро пережито. Он глубоко верит в то, что поверяет читателю. И это большое достоинство его творчества.

В романе «Золотая рыбка» есть такой персонаж — Джимшер Калдани, образ которого очерчен лишь одним штрихом. Сван по происхождению, Калдани родился и вырос в Тбилиси, он никогда не оказывался лицом к лицу с гордыми горами, а если и видел деревни, то только из окна поезда. Калдани молодой поэт, и обложка его первой книги разрисована сванскими башнями, горами, облаками, а страницы заполнены только стихами, написанными о детстве, проведенном в сванской деревне.

Сходство Арчила Сулакаури с его персонажем Джимшером Калдани лишь в том, что и его предки были горцами (только тушинами), а он — коренной горожанин, и на его долю выпал нелегкий писательский труд. Но в самом главном они расходятся, даже противостоят друг другу. Любовь Арчила Сулакаури к Тушети не надуманная и не притяннутая, она велика в своей искренности. Мы чувствуем, что каждое переживание писателя искренне и чисто, как горный ключ. В них нет не только фальши, но даже крупицы самовлюбленности или самолюбования. Для Арчила Сулакаури Тушети не всем на удивление прекрасный уголок, а колыбель его

таланта и духа. Потому и жаждал он попасть сюда в юности не кратковременным гостем, а для того, чтобы на лоне родной природы погрузиться в таинственные раздумья. «Тушинский парень я и хочу, чтобы луна как тушинская шапка была у меня надета на голове («Тушинский парень я»).

Это одно из первых стихотворений Арчила Сулакаури, написанное в 1948 году, как бы пересыпано и украшено блестящими метафорами. Я не случайно употребил слово — «украшено». Именно это ощущение возникает здесь, несмотря на то, что вдохновлено оно непосредственным, чисто юношеским чувством. И думается, что звучащий в этом стихотворении тушинский мотив не мог не иметь продолжения, поскольку в более поздних стихах видение поэта и переживания намного глубже и сильнее.

Само название стиха — «Мольба» — определяет его стилистику. Мольба перед добрым дедовским домом на родной земле сильна тем, что убеждает в неотделимости от всего этого, в глубокой и в то же время нежнейшей любви, словесная же оболочка «Мольбы» не содержит никаких изощрений — совершенно проста, естественна. А заключительные слова —

И место для могилы в отчем крае
Ты, знаю, сыщешь мне в конце концов —
Об этом лишь моля, я поручаю
Себя тебе, высокий дом отцов!

(Перевод Б. Резникова).

— привычные, обыденные слова, казалось бы, и не свойственные молитве. Строка «И место для могилы в отчем крае ты, знаю, сыщешь мне в конце концов» всему стихотворению дает иной, неповторимый эмоциональный заряд, вносит определенную конкретность, поскольку выражает боль сына Тушети, обнажает рану в его душе.

В «Колоколе скорби», посвященном памяти отца, как будто непосредственно не прозвучал тушинский мотив, но печаль поэта, его боль, голос мужской любви, который слышен вместе с колоколом скорби, проявляются именно на фоне гор, на фоне Тушети: «Для твоего храма в горах я возносил высеченную из огромного камня дверь, и блеяли овцы, оставшиеся без хозяина на горном пастбище...»

Лично я из «тушинских» стихов, да и вообще из всей поэзии Арчила Сулакаури должен выделить стихотворение, обладающее совершенно необъяснимым магическим воздействием: это — «Стих, сказанный в Шенако».

Нейтральная поэтическая зарисовка, в которой словно никак и не проявляется отношение поэта к изображаемой картине, заключает в себе великую и нежную любовь. Из этого стихотворения льется безбрежная грусть, способная возникнуть лишь у человека, связанного с родным краем не только разумом и чувством, но еще и таинством души, передающимся из поколения в поколение, заставляющим смертных переносить неодолимые беды, придающим всепобежда-

ющую бодрость и создающим бессмертие очагу, земле, отчизне. Покинутая белая церковь, печальная тощая дощадь на старой спине которой сидят вороны, рождают ощущение обреченности. Но пока кто-то с тихой радостью и грустью наблюдает это, значит и другие непременно увидят то же, будоражащее память, а следовательно, дающее жизнь надежде.

Эта картина, написанная поэтом с изумительной графической и живописной ясностью, создает тонкий эмоциональный настрой.

«Стих, сказанный в Шенако», не счастливое исключение в поэзии Арчила Сулакаури. Его завидная способность поэтического изображения не может остаться незамеченной. Вспомним «Сухие листья...», где хотя грусть и не так глубоко и болезненно вторгается в душу, пейзаж сырой кикетской осени нарисован с неменьшим мастерством.

Арчил Сулакаури (что, собственно, свойственно любому большому мастеру) горит творческим огнем отнюдь «не только ради того, чтобы усладить слух» читателя. Его поэзия полна минора, грусти, сомнений, боли («Первый снег», «У окна сидим мы, как маленькие...», «Безлунное небо», «Осень», «Забывшие сны», «Иногда я думаю...», «Зима», «Тишина» и многие другие). Страдание также естественное состояние для поэта. Это как бы потребность его души. Он постиг, что без горя нельзя пережить радость, что духовное здоровье приобретается в преодолении душевной боли, что путь к вере лежит через сомнения. Для понимания гражданского и поэтического кредо Арчила Сулакаури весьма примечательно одно его небольшое стихотворение без названия. Что в нем, коварные устремления злого духа или выражение любви к ближнему? Тот, кто затруднится незамедлительно ответить на этот вопрос, может не читать стихов Арчила Сулакаури, он еще не подготовлен к этому. Для него непонятым останется прямо и честно высказанное в другом стихотворении поэта сокровенное желание: «Но хочу я, чтобы окнами высокой души были мои глаза» («Высокий день»).

Поэзия Арчила Сулакаури — это очень цельный, твердо и прочно построенный мир. Уверенная авторская позиция, его убежденность и мироощущение проявлены в разнообразном потоке мотивов, настроений, средств и форм выражения. Они проявляются совершенно отчетливо, несмотря на то, что смысл стихов Арчила Сулакаури редко плавает на поверхности. К замыслу надо проникать через глубину подтекста. А каждое его стихотворение служит надежным кирпичом этого прочного поэтического здания, хотя некоторые и несут особую нагрузку, служа опорой. В них с большей очевидностью, мощно, иногда прямолинейно высказано убеждение поэта:

Как будто бы, кончаясь,
Жизнь любая.
Как чаша, выпитая вся, до дна,
Должна опять,
Опять наполниться до края.

(Перевод Б. Резникова).

То же справедливое, здоровое и честное восприятие, острое чувство человеческого и поэтического долга, только еще окрашенное свойственными Арчилу Сулакаури интонацией и метафорой, прозвучало и в стихотворении «Ты, виноградник». Но не будем прибегать к самообману! В творчестве Сулакаури мотивы осени и зимы, сумерек, преходящести мира и нашей мимолетности звучат не для того, чтобы создать настроение безнадежности и меланхолии, а во имя утверждения надежды и уверенности. На этом фоне или при неожиданном противопоставлении авторских настроений еще сильнее и значительней звучит тема бесконечности жизни, человеческой доброты, красоты мира. Именно таким путем и такими средствами — бережно, с надеждой поэт доносит до нас «теплую и мягкую, как птенец, веру». В этом смысле стихотворение «Ты, виноградник» — блистательный образец! В подтверждение этого приведу еще строки из стихотворений «Я так искал тебя» и «Зима»: «Солнце заходит... остается тепло и свет на плитах и каменных строениях»; «И дума эта словно лес дремучий и в ожидании оцепенела... Благодарю тебя, владыка! В этом старом очаге по-прежнему горит огонь».

* * *

Урбанистический дух в творчестве Арчила Сулакаури настолько всепроникающ и очевиден, что все, когда-либо писавшие об этом писателе (о нем много написано и у нас, и в России, и в братских республиках, а также и за рубежом), единодушно отмечают и даже подчеркивают эту его черту. В стихотворении «Мать» поэт, обращаясь к своей матери, говорит: «Наверно, вспоминаешь, как годы назад меня взрастили ты и Тбилиси». Именно с Тбилиси связано познание им человеческих характеров, взаимоотношений между людьми. Это та точка, с которой он наблюдает за всем миром. И это определяет особенности его творческого мироощущения.

Большая часть его стихов вдохновлена именно городскими впечатлениями, возникшими здесь мыслями и переживаниями («Тбилиси», «Зеленое лето иссякало на узких улицах...», «Миндальные деревья», «И сейчас на улицу я выйду в неурочный час...», «В дождь», «Первый снег», «Там, за Курой, остался детства твоего очаг...», «Снова без снега проходит зима» и многие другие). И даже в тех случаях, когда Тбилиси непосредственно не виден (например, стихи на тему Тушети), явно чувствуется принадлежность лирического героя к городу.

Так что в творчестве Арчила Сулакаури в целом урбанизм выражен и выделен не только тематикой, но и несет на себе печать основных и глубинных черт — писательского мироощущения, психики, стиля художественного мышления, системы образов.

И все же с особой силой это ощущается в его рассказах и романе. Проза делает более очевидными подобные тенденции, нежели полная субъективной таинственности лирика, поскольку в основе прозы не настроение, а описательное повествование, и потому художественный замысел всегда

доступнее для восприятия. Как мы уже отмечали, в прозе писателя 60-х годов отображена только жизнь города и деревни. В этом он не изменяет себе и в рассказах 70-х годов.

На протяжении последнего десятилетия Арчил Сулакаури, казалось бы неожиданно предложил нам новую и для него самого прозу. Рядом с такой повестью, как «Лука» и рассказом «Слепые щенки для Иванэ Бериташвили», которые перекликаются и продолжают раннюю прозу писателя, он опубликовал рассказы «Ночь на Кабахи» и «Крохотная ветка ореха», а также повесть «Пора отдохновения». Тематическая или проблематическая новизна сама по себе не играет решающей роли. Она в равной степени и не предсудительна, и не обязательна. Просто справедливости ради нельзя не сказать, что при вдумчивом рассмотрении этих «новых» рассказов и повестей мы тут же обнаружим корни в творчестве самого же Сулакаури.

Рассказу «Ночь на Кабахи» предпослан отрывок из письма Николоза Бараташвили Маико Орбелиани: «Ты не поверишь, Маико! Жизнь опостылела мне из-за столь долгого одиночества. Ты только представь себе горечь положения человека имеющего отца, мать, сестер, многочисленную родню, и все равно одинокого. Он все равно сирота в этом обширном и полном мире!».

Рассказ этот написан о мучительном духовном одиночестве и опустошенности, охвативших великого грузинского поэта и с такой достоверностью, с такой поразительной силой прорвавшихся в поэзию гения грузинской литературы. Горькое разочарование пронизывает этот прекрасный рассказ, в котором душевная боль героя тесно связана с сюжетной канвой или может быть полностью передана не столько повествованием, сколько созданным с большой поэтической силой настроением. Появление в творчестве Арчила Сулакаури этого на первый взгляд будто «неожиданного» рассказа несколько не удивляет. И в его поэзии, и в прозе почти постоянно звучит этот мотив. Одиночество и вызванные им тысячи одинаково мучительных ощущений были и остаются одним из главных мотивов творчества Арчила Сулакаури («Я для тебя хочу...», «Как тяжкий груз...»).

В написанном в 1959 году стихотворении «Грозился ветер снаружи...» впервые появился образ-символ аквариума, который останется художественным синонимом одиночества и духовного сиротства во всем последующем творчестве писателя и станет основой романа «Золотая рыбка».

Размышляя о творчестве Арчила Сулакаури, я в основном придерживался хронологической последовательности. Этот принцип нарушен только в связи с рассказами «Чугуретского цикла», который настолько важен в творчестве писателя (причем рассказы эти так органически связаны друг с другом и сюжетами, и образами), что отделить их и разобщить было бы неправильно. Сюда же следует причислить «Половодье» (1958), «Мальчика и собаку» (1960), как, впрочем, и «Габо» (1960), скорее по своему духу и стилю, чем по точной географической обстановке, «Луку» (1972), «Слепых щенков для Иванэ Бериташвили» (1979).

Детские и отроческие впечатления, мир, увиденный в ту тяжелую и одновременно светлую пору, вошли в творчество Арчила Сулакаури. Для него — это глубоко осевший в памяти и сердце материал, опыт, который был пропущен через горнило его раздумий. Так скрестились юношеская непосредственность, наивность и глубокое философское видение, из которых сложился чарующий и влекущий к себе художественный мир значительной части рассказов Арчила Сулакаури.

Подлинные ценности, пронесенные писателем через детство, не только не растеряны, но не претерпели даже малейшей девальвации. Постоянные спутники на жизненном пути героев его рассказов — чистая совесть, человеколюбие, благородство. И это начиная от самого маленького героя, впервые проявляющего себя как личность (из рассказа «Мальчик и собака»), и кончая теми, кто окунулся в большие и мутные волны жизни («Волны стремятся к берегу», «Золотая рыбка» и другие).

Потому рассказы Арчила Сулакаури, особенно «чугуретские», наряду с драматизмом, так же полны света, мягкого лиризма. В связи с этим венгр Павол Коип, который вообще высоко оценил прозу Арчила Сулакаури в специально написанной по этому поводу статье, справедливо отметил: «Я не подразумеваю искусственную лиризацию прозы, украшение текста метафорами и другим убранством. А лиризм автора в его же мышлении, в его же мироощущении... Жизненная красота в этом случае несет функцию не красивой ленты, а эстетизации поступков и чувств...»

Рассказ «Половодье» положил начало «Чугуретскому циклу». О роли этого квартала Тбилиси, очага радостей и горестей детства писателя, я уже говорил в начале статьи. Здесь добавлю лишь то, что «Половодье» богато бытовыми деталями, живо изображает жизнь прибрежной части Куры и ее жителей. Вместе с тем все здесь нацелено на проблему нравственной чистоты человека. На первый взгляд, набережная старого Тбилиси со своими плотами, крошечными мельницами и лодками, мельниками, лавочниками, прачками, рыбаками, жизнь которых большей частью протекала на глазах друг у друга в маленьких дворах и кривых улочках или на открытых широких балконах, — все то, что писатель изображает сочными красками, с острым ощущением подлинного колорита, словно предназначено для создания бытового произведения. Но на первом плане у Арчила Сулакаури нравственные принципы поведения человека в жизни.

Высокая мораль проявляется здесь отнюдь не в обязательной связи с важными общественными явлениями. Она одинаково сильно и красиво высветливает большие или маленькие, пусть даже совсем незначительные факты и поступки Рыбак Ладо из этого рассказа именно такой маленький и простой человек, который о больших делах и не думает. Дни его жизни текут однообразно, скучно, будто без всякой пользы, но они дают читателю возможность сполна оценить принципы этого искреннего и порядочного человека. Во всех слоях общества есть люди нравственно чистые и падшие, невзи-

рая на образование или профессию. Рыбак Ладо выделяется из того круга, где он вращается и где законодателем, к сожалению, является мельник Антон — рвач, развратник, соблазнитель. Сердце Ладо преисполнено тихой, невысказанной любовью к людям. В его сердце живет и искреннее сочувствие ко всем — даже к незнакомой Нато, молодой женщине, над которой измывается Антон. Ладо близко к сердцу принимает не только беды Нато, но и всякого живого существа. Он самоотверженно бросается в разбушевавшуюся Куру и спасает унесенную волнами дворняжку. Ладо, тихий и бессловесный человек, простой рыбак, своим образом жизни и поступками сеет вокруг себя только доброту и любовь. Человек должен оплатить все свои долги — в это глубоко верит Ладо и этому принципу следует в жизни. Что делать, если ему недостает размаха и широкого поприща деятельности. Его повседневный быт и духовный мир вовсе не становятся от этого более бедными или менее значительными.

Рассказ «Габо» навевает еще большую печаль. Однообразное, горькое бытие старого человека вызывает искреннее сочувствие писателя, а вместе с ним и читателя. Всю свою жизнь Габо проработал на железной дороге, из маленького окошка паровоза повидал большую страну. Его неспокойной натуре трудно примириться с бездействием. Эту непроходимую печаль можно было бы как-то вынести, если б не было у Габо еще более тяжелой боли. Писатель обнажает куда более тяжелую душевную рану старика. Чувство одиночества пронизывает весь рассказ. Крушение надежды, поруганная мечта наполняют эту горькую, хотя и обыденную историю глубоким драматизмом.

После довольно длительного разрыва во времени «Чугуретский цикл» вновь нашел свое продолжение, да еще какое! В 70-е годы сначала был опубликован «Лука», а потом «Слепые щенки для Иванэ Бериташвили».

«Слепые щенки...» переносят нас в обстановку ранних рассказов Арчила Сулакаури, периода «Половодья», в круг тех же персонажей. Тот же берег Куры, Чугурети, Степанэ и его мельница, мужчина, одетый в зеленый френч, и другие старые знакомые... Вновь встречаясь с ними, мы окунаемся в тот прекрасный мир, который писатель создал прежде и заставил нас полюбить. Теперь, вернувшись к этому миру, он обогатил его новыми красками, характерами.

Арчил Сулакаури один из тех грузинских писателей, кто всегда с чувством огромной ответственности, бережно и серьезно относился к слову. Но рассказы, написанные в 70-е годы, изумляют своим языком — необычайно простым и в то же время таким богатым и насыщенным. Это тот счастливый случай, когда писатель, мастерски владея словом, оседлал его как породистого коня, который никогда не изменяет хозяину. В этом смысле «Слепые щенки...» — классический образец. И отнюдь не только с этой точки зрения.

Герои Арчила Сулакаури навсегда остаются в нашей памяти. Это происходит потому, что с помощью слова он создает своеобразную «живопись» — живые портреты, картины быта... Кроме того, А. Сулакаури — превосходный психо-

лог, тонко и интересно вскрывающий неповторимые свойства души каждого героя, точнее, вскрывающий проявление человеческих чувств и переживаний. Его герои всегда предстают перед нами на каком-то существенном этапе своей жизни, в момент, когда отчетливо проявляются их характер, психика, душа.

И здесь, в «Слепых щенках...», писатель делает нас свидетелями того, как старый кожевник, за плечами которого долгая жизнь, с душевным волнением и болью в последний раз вступает в схватку, борясь за добро. И вновь перед нами во всей художественной полноте и красоте вырисовывается простой и преисполненный огромной человеческой доброты герой Арчила Сулакаури. Мы видим, с каким удовольствием суетится старик возле только родившихся слепых щенят, видим мощные двор и улицы, которые проходит он, торопясь на мельницу, чтобы выпросить муки на болтушку, видим радость в его глазах, поскольку ему на долю выпало сослужить большое и доброе дело, и потом эти же глаза, полные разочарования, и искаженное болью лицо, когда он почувствовал себя обманутым.

«Не думай, я не невежда какой, евангелие два раза читал», — с гордостью скажет старик какому-то незнакомому художавому человеку в очках с золотой оправой, которого он совсем не понял, но поверил, что тому щенки нужны для какого-то большого и важного дела. Главное достоинство старого кожевника в том, что его сердце открыто для добра, от кого бы и откуда оно ни исходило, от евангелия ли или от встречного человека, пусть и незнакомого.

И сейчас поверил он до конца тому художавому человеку, который, оказывается, видел ангельские и божественные сны (как сам себе представил это кожевник). Старик жил данным этому человеку словом, растил щенков для большого дела какого-то ученого, и сознание значительности этого дела вернуло ему былые силы и радость. Но эту веру утопил в сомнениях человек, который на другой день уже ничего не помнил, даже своего разговора о добре и грехе, и который в тот день, как всегда, беспечно и равнодушно болтал о чем попало, не интересуясь ничем на свете, кроме стакана водки. А старик поверил этим беспечным словам, подумал, что человек в золотых очках его обманул, и его доброе сердце ожесточилось, наполнилось желанием мести. Вот из-за этой недостойной злой людской привычки с легкостью поносить других, равнодушно болтать обо всем, значительном и незначительном, в жертву были принесены пять слепых щенят, чуткость и доброта ухаживавшего за ними тихого, неприметного носителя добра — старого кожевника.

И, наконец, о «Луке», о повести, которая совершенно справедливо и заслуженно признана одним из лучших произведений современной грузинской прозы. Чешский критик Камил Хробак называет 1973 год легендарным потому, что в этом году опубликованы «Шел по дороге человек» Огара Чиладзе, «Дата Туташхиа» Чабуа Амирэджиби и «Лука» Арчила Сулакаури. Не будем придираться к незначительной хроноло-

УДК 82(075)42
ББК 84.001.01033

гической неточности. Главное здесь — то огромное значение, которое критик придает этим произведениям.

В этой повести Арчил Сулакаури затрагивает проблему противопоставления добра и зла, именно ту проблему, с которой он вошел в грузинскую литературу и которая и сегодня в поле его зрения. Прежде чем вернуться к этому, отмечу еще одно достоинство творчества Арчила Сулакаури, сказавшееся, в частности, в этой повести. Писатель с большим вниманием относится не только к главным и определяющим персонажам или ситуациям, но и к второстепенным, не смотря на то, казались бы, столь важной нагрузки. Потому такими живыми смотрят со страниц повести Иза, Альберт, Ираклий или другие персонажи. Для Арчила Сулакаури и второй, и если угодно, пятый план так же важны, они так же скрупулезно разработаны, как и первый.

Привести к логическому концу и расшифровать художественную мысль писателя не так уж трудно, поскольку, не смотря на сложную архитектонику, мифологические мотивы, символику, художественная оболочка повести прозрачна («Можно смело сказать, что мало таких новелл, которые бы с такой чистотой и смысловой точностью отображали современность с ее атрибутами» — Камил Хробак). Авторский замысел в «Луке» наверное формируется следующим образом. Война обнажила природу человека, характер, душу. Это величайшее испытание нарушило то равновесие, которое позволяло людям маскировать, скрывать, по возможности не проявлять иногда для них непостижимые и неосознанные, но существовавшие в глубине души и дремавшие чувства и инстинкты. Схватенный острым глазом писателя поразительный контраст между довоенным и военным бытом приведен здесь не для простой констатации. Он хочет разобраться в его причинах. Самое большое переживание — война стала для людей тяжелым и безошибочным экзаменом. В «Луке» Арчил Сулакаури как бы демонстрирует перед нами этот экзамен.

Мужчины, молодые и средних лет, годные для военной службы, ушла на фронт. Среди же оставшихся дома развернулась борьба за существование, которая поделила вчерашних дружных соседей на два лагеря. Для одних единственным путем к спасению, к существованию был тот, что не позволял им изменить своей природе, вынуждал остаться такими же, какими они были — с душой, преисполненной доброты, любви, чистоты. Такими остались калека Андукпар, рыбак Ладо (который явился сюда из «Половодья»), украинская беженка Богдана. Других борьба за существование низвела до инстинкта спасения собственной шкуры, а отсюда — менее шага до подлости. Наивный голубятник Рубен, безбидный Датико Бершвили, уважаемый Поликарпе, казавшиеся прежде Луке добрыми людьми, теперь предстали в подлинном своем обличье, приносящие, не колеблясь, в жертву ради своего маленького благополучия своих же вчерашних друзей.

Для Луки микромир, находящийся в его поле зрения, явно разделен на два полюса — на добро и зло. Какой полюс притянет Луку, стоящего на пороге жизненного пути и в силу

жестокой действительности несколько преждевременно формирующегося как самостоятельная личность? Его сверстников, Альберта и Ираклия, одолело стремление к легкой жизни, что повело их по неверному пути. Лука же потянулся к Андугапару, чья добрая душа согрела мальчика, одарила теплом и вывела на истинную дорогу счастья.

Вот так весь этот сложный и интересный мир, созданный писателем, был поднят для выражения извечной проблемы добра и зла. С другой стороны, эта общая проблема проявилась в конкретных бытовых ситуациях, неповторимых художественных образах и характерах.

Не ограничиваясь этим, для большего обобщения замысла Арчил Сулакаури обратился к мифологии. Литературе и искусству двадцатого века явно импонирует подобная форма художественного мышления, и они активно, многосложно, многообразно используют миф. Писатель обратился в «Луке» к древнейшему грузинскому божеству — луне и, наверное, сделал это потому, что именно луна была использована им как символ добра, поскольку в представлении наших предков она была синонимом новизны и преодоления. Когда же он остановился на этом символе, его конкретное выражение было почерпнуто из древнеегипетского мифа об Осирисе и Исиде.

Для писателя война двух государств, двух социальных систем наряду со смертельной схваткой является уже борьбой более обобщенных категорий — добра и зла. И в этих условиях добру предстоят жесточайшие испытания. Вот в это время в утешение Луке и для придания ему сил и появится Мтвариса — согласно мифу, символ добра — со своей заповедью: «Я — покровительница всех мучеников, бедняков и страдальцев, утешительница всех поверженных...»

И Андугапар, и Богдана, и Лука, и Ладо, и другие персонажи повести — носители доброго начала живут очень трудно из-за царящего вокруг зла, постепенно приобретающего все более значительные и опасные масштабы. Проснувшееся в Луке чувство мести еще непонятно и недоступно его духовному наставнику Андугапару, но в конце концов он вынужден отказаться от своего убеждения в необходимости всепрощения. Андугапар приходит к единственно правильному выводу: «Это зло не остановишь с помощью одного только доброго сердца, оно тебя растопчет, уничтожит, сравняет с землей! С этим злом может справиться только сила, большая, всеподавляющая сила, которой у нас нет».

Андугапар гибнет. У него не оказалось ни способности, ни силы бороться. Но зато Лука обретает эту силу и способность. Он — его духовный наследник — схватывается с жизнью, обладая более трезвым взглядом и рассудком. Проникаясь духом борьбы, Лука не теряет веру в то, что добро, справедливость и разум не только существуют, но и побеждают. Этим он напоминает сына мифического Осириса, его ждет впереди большая борьба. А обнадеживают — слова Мтварисы: «Пойди и сообщи нашим, что я здесь! Они, конечно, знают, где я, но ты все же скажи им... Может, они забыли, может, им надо напомнить... Ведь мы все неблагодарные, и

135340
0125110333

многое из того, что следовало бы помнить до самой смерти, обычно забываем» (Здесь и выше перевод А. Беставашвили).

Да, Лука должен сообщить своим людям, что Мтвариса, то есть добро, существует, и они обязаны помнить до смерти, что учение Андукापара о непротивлении злу не принесет им пользы, что сентиментальный гуманизм никогда не был спасителем человечества от зла, что эту миссию должен взять на себя только борющийся гуманизм. У преисполненного таким духом, верой, надеждой Луки впереди большой и светлый путь.

В «Луке» откровенно и мощно заявили о себе как огромный талант, так и мысль совершенного и утонченного мастера. Эта обширная повесть — поистине прекрасный плод, взращенный в пору творческой зрелости.

И хотя, как говорит сам Арчил Сулакаури — наш добрый друг, замечательный поэт и прозаик, — туман посеребрил ему волосы, это вовсе не означает, что он вошел в тихую гавань. Наоборот, это тот туман, который думами окутывает вершины, и мы полны ожиданий: Арчил Сулакаури, писатель, вступивший в пору творческой зрелости, создаст нечто еще более значительное и заставит нас еще серьезнее задуматься над жизнью.

Перевод Роберта ЗЛАТКИНА

ПОЭТ ВЫСОКОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ВЫПУЩЕННЫЙ в 1979 году издательством «Сабчота Сакартвело» однотомник стихотворений Колау Надирадзе раскрыл перед нами поэтический мир певца, красочный и разнообразный по тематике, выражению и звучанию. Отличительным признаком почерка поэта является простота, искренность чувств и настроений. Его поэзии чуждо так называемое поэтическое повествование, в ней слышно колебание струн души и мелодичная полифония.

Лирика Колау Надирадзе настолько глубока и сложна, что в небольшой статье невозможно всестороннее рассмотрение ее. Она требует монографического исследования, которого, насколько нам известно, пока нет.

Сборник стихов К. Надирадзе посвящен памяти отца поэта, и посвящением этим он как бы готовит читателя ко входу в новый светлый мир: «Дорогой отец! Ты не дожил до этой книги, но она является лишь выражением того, что ты во мне бережно сеял. Это — любовь и сострадание ко всему живому, это — вечная любовь к грузинскому народу и грузинскому языку...». Эти простые, на первый взгляд, слова выражают истинное назначение поэзии. В них заключено творческое и жизненное кредо поэта и гражданина.

Юношеская поэзия К. Надирадзе — одна из волн новой стихии — поэзии «голубороговцев». Вместе с ним творили талантливые, безвременно ушедшие из жизни поэты — Сандро Цирекидзе, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Дия Чианели и Валериан Гаприндашвили. Они обогатили грузинскую поэзию новой формой стиха — верлибром, в котором поэтический образ приобретал еще большую силу и красоту. Группа поэтов «Голубые роги» образовалась в Грузии в период подготовки революции, когда грубый примитивный реализм уже не удовлетворял вкусы читателей. Возникла потребность в новой мажорной поэзии, которая соответствовала бы бурной, кипучей новой жизни. Именно в этот период на литературную арену выходит плеяда молодых талантливых прозаиков и поэтов, видное место среди которых занимает Колау Надирадзе. Тема его стихов — человек и родина. Казалось бы, ничего нового — традиционные, знакомые грузинской поэзии темы. Но разве эти понятия так уж однозначны?! Колау Надирадзе наполнил их новым звучанием, по-своему осветил их, обогатил. И в этом — его самобытность, своеобразие его почерка.

В своем творчестве он обращался как к патриотической и исторической тематике («Мечта о Грузии», «Песня родины», «Тбилиское утро», «Обновленному Кутаиси», «Колхидские вечера», «Квишхетские липы», «Цотнэ Дадиани и Муций Сцевола», «Амирспасалар Кубасар», «Крцанисская трагедия», «Триста спартанцев и триста арагвинцев», «Аспиндзская война», «Причащение Тамары»), так и к революционным и философским темам («1905», «Ленин в Октябре», «Красная площадь», «Колхознице», «Руставели», «Пушкину», «Николосу Бараташвили», «Валериану Гаприндашвили», «Иванэ Джавахишвили», «Паоло Яшвили», «Саади Хафизу», «Джонконда», «Песня Иэтима Гурджи» и др.). Диапазон, как видим, весьма широк.

Поэт создает свои стихи без заранее поставленной цели, его стих рождается тогда, когда в душе пылает священный огонь — «Непривычно мне бездушное «делание» стиха...»

Его трепещущие, будоражащие душу строки, полные мыслей и внутренней мелодики, — плод творческого горения. Все глубокое, самобытное творчество поэта поставлено на службу любимому народу.

Колау Надирадзе воспевае жизнь во всех ее проявлениях.

Поэт преклоняется перед теми, кто защищает угнетенных, кто борется за их свободу. Таким ему видится Ленин — великий вождь, возглавивший Октябрьскую революцию. Множество восторженных поэтических строк написано о Ленине. Своеобразный поэтический портрет вождя рисует нам и Колау Надирадзе:

Когда над лесами в белесом тумане
Рассвет затрепещет и станет светло —
На план поглядит вдохновитель восстанья,
Туда двадцать пятое впишет число.

(Авторизованный перевод).

Назначение поэзии Колау Надирадзе видит в ее влиянии на окружающую действительность. Поэт не должен «окутывать» читателя своими узкими субъективными мыслями и настроениями, нет, напротив, заветные, волнующие умы людей и общества явления должны стать импульсами его вдохновения. И воспевае человека он должен, отражая найденную в нем самом внутреннюю красоту. Мерилом достоинств человека, его ценности поэт считает отношение к труду. Он пишет о женщине-труженице, о колхознице:

Пройду (я) рядом (с тобой) с уважением и почтением,
Грузинка, труженица благородная,
Для великого труда сегодня просто одетая,
Трогающая душу улыбкой своей и глазами.

(Подстрочный перевод).

Как лаконичны и емки слова — «для великого труда сегодня просто одетая»! Поэт верит, что красоту грузинки труд «украшает, возвеличивает, окружает ее ореолом. И сейчас по-мужски бьется пульс у наших матерей, а чистота и красота

царят только там, где существует труд во имя родины». Труд и еще раз труд был царским венцом Давида Строителя, венцом величия всех наших великих предков. Сегодня слово «труд» наполнено новым содержанием, но мерила ценности и достоинства человека остались те же. Труд — залог бессмертия нации, ее высоких моральных принципов, душевного величия. Поэт воспевает трудовой героизм грузинской женщины, прародительницы нации и продолжательницы рода.

Грузинская колхозница самоотверженным трудом, красотой своей олицетворяет извечное материнское начало, своим героическим трудом она способствует процветанию своей родины.

Как мы уже отмечали выше, одна из любимых тем Колау Надирадзе — тема родины. Биение его пульса, движение его души, его мысли проникнуты чувством ответственности, неотделимы от горячо любимой родины.

Мысли и чувства Колау Надирадзе устремлены в будущее, обращаясь к будущему поколению и как бы даже извиняясь перед ним, он пишет, что ему не довелось с мечом в руках отстаивать независимость своей родины, подобно другим прославленным сынам отечества.

Поэт жалеет, что ему не пришлось принять участия в Шамхорской, Марабдинской, Аспиндзской и Крцанисской великих битвах. Но он служил своему народу лирой.

Колау Надирадзе самоотверженно, с безграничной любовью воспевает свою родину:

Нарядных фраз, высокопарных слов
Тебе не говорил без дела я,
Безмерная и вечная любовь,
О Родина моя!

И тут же добавляет:

И можно ль о любви докучливо твердить
Родимой матери своей?

Сожалея о бренности жизни, он пишет:

Я не успел... Я не сказал... Прости!
Уходит жизнь как дым, как сон, как миг.
Уж свет иль тьма, мне все равно почти,
И только ты — отрада дней моих!

(Перевод И. Снеговой).

Один из шедевров лирики Колау Надирадзе, да и вообще грузинской поэзии, — стихотворение «От Цицамури до Сагурамо». Если бы даже поэт ничего другого не написал, этой жемчужины было бы достаточно, чтоб прославить его. В стихотворении с большим художественным мастерством показана историческая судьба грузинского народа, боль души поэта. В этом блестящем по форме, очень лиричном стихотворении умело использованы ассоциации — гибель трехсот героев-

аравинцев и убийство великого национального поэта и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе. Дорога к Цицамури в представлении поэта та же дорога на Голгофу. «От Цицамури до Сагурамо путь недалек и тернии растут». И тут же: «От Цицамури до Сагурамо смерть и бессмертье жизнь стерегут». На этом «недалеком» и «тернистом» пути предательской пулей был сражен великий сын нации, великий поэт. Тут закончился его жизненный путь.

Убийство Ильи Чавчавадзе стало трагедией для всей нации, болью, еще не утихшей и переходящей от поколения к поколению. Потрясенный этим трагическим событием Колау Надирадзе обращается к Арагви:

Душу открой мне, молви, Арагви, что за страданье
в сердце твоём?
Может, скорбишь о сыне великом, кто осенен был
божьим перстом?

Здесь же с большим пафосом поэт рисует нам трагедию трехсот героев-аравинцев и вновь обращается к Арагви:

Душу открой мне, молви, Арагви, что за страданье
в сердце твоём?
Видно, скорбишь ты об аравинцах, павших геройски
в битве с врагом.

Горечь сквозит в словах поэта:

Не приносили вести рассветы, не прерывался возгласом сон,
Песнь боевую больше не пели, не оглашался звоном Сион...
Горькие слезы лил над тобою бой проигравший Багратион.

Никогда не поблекнет, не потеряет своей пленительности эта жемчужина грузинской поэзии, никогда не потускнеют поэтические образы и глубокие мысли, переданные со столь высоким мастерством.

В новой книге Колау Надирадзе предстает перед нами как поэт высокого интеллекта, широкого диапазона творчества, мастерски владеющий формой.

И под конец мы хотим выразить искреннюю благодарность издательству, выпустившему книгу и доставившему радость истинным ценителям поэзии.

Одиннадцатая заповедь

ОПРЕДЕЛИТЬ творческие принципы, художественные цели и направленность интересов Джемала Карчхадзе — дело нелегкое. Вот, казалось бы, постигнут замысел и основные черты его прозы так или иначе стали ясны. Но тут же сформировавшееся представление оказывается несостоятельным. Очевидно, одна из причин этого — в необычайном стилевом, изобразительном и тематическом многообразии творчества Джемала Карчхадзе, справедливо отмеченном критикой.

Однако есть и другие причины.

Как известно, грузинской литературе вовсе не чужды ни ирония, ни сарказм. Но по традиции они смягчены сочувствием, жалостью, согреты ласковой интонацией. Джемал Карчхадзе же стремится вооружить нас именно «холодным», «отчужденным» видением. Вместо мягкосердечия, сопереживания и вообще внутренней эмоциональной сопричастности изображаемому миру в его новеллах — «беспристрастное» созерцание постороннего наблюдателя. Писатель как личность со своей судьбой, духовным выражением, болью и радостью остается по ту сторону созданной им действительности. Его ничего не связывает со своими персонажами. Ни одному из них он не доверяет своих сокровенных мыслей. Герои чужды автору, он не желает иметь с ними ни духовных контактов, ни близости.

Казалось бы, это свойство одаренного сатирика. Но сатира — это ненависть, это грозное отрицание и обвинение. Отношение же Джемала Карчхадзе к миру не столь резко. Он иронист, мастер преимущественно тонкой, скрытой, часто неуловимой и труднопрослеживаемой иронии (эта особенность его иронизма наиболее заметна в новеллах, где сам персонаж человек ироничный), богатой формами своего проявления; порой это жизнерадостный юмор, порой — парадокс или гротеск, карикатура, алогизм, доведенный до абсурда... Однако трезвая, недоверчивая, скептическая точка зрения не меняется. Постоянно сохраняется и определенная дистанция, отдаленность — хотя иногда автор как будто приближается к герою, сочувствует ему (например, в «Одиннадцатой заповеди», «Одном дне»), что впоследствии обычно оказывается фарсом, и чувство безысходности лишь обостряется зловещим комизмом.

Джемал Карчхадзе — писатель рационального, умозрительного типа. В его произведениях присутствует свет логики, которым ярко освещены «предметы». Их поверхности и контуры хорошо различимы, затемненных сторон нет в поле зрения. Избыточный свет способствует полному восприятию, но в то же время при таком освещении пропадают детали, нюансы, полутона, различные оттенки. Все, что не охвачено взглядом разума, не попадает и в поле зрения писателя. Теряется «нечто», что не выразить с помощью понятий, что не высказать до конца, ее исчерпать, поскольку оно неделимо, нечленимо, не поддается критическому анализу.

Джемал Карчхадзе всегда вкладывает в основу произведения определенную, ясно выраженную идею и проблему. Идея строго упорядочивает художественную структуру, композицию, стиль. Действует принцип исключительной экономности, точного отсчета, целесообразности: ни одного слова, фразы, штриха или пассажа, непосредственно не направленных на раскрытие сути. Каждый из компонентов имеет свое функциональное значение и, выражаясь словами самого писателя, кратчайшим путем, «геометрически прямой линией» соединяется с идейным ядром. Однако давно уже известно, что в истинно поэтическом творении все должно быть преднамеренным и в то же время инстинктивным. Преднамеренность в произведениях Джемала Карчхадзе ощутима в гораздо большей степени, чем доля «инстинктивности», а это рождает чувство некоей незавершенности.

Тем не менее подобные суждения не должны мешать внимательному рассмотрению весьма интересных новелл, на некоторых из которых мы здесь и остановимся.

На первый взгляд, рассказ «Марианна» — наиболее «традиционное» произведение Джемала Карчхадзе. Может показаться, что это еще одна история о конце детства, крушении детских иллюзий, о боли, вызванной первым соприкосновением с суровой действительностью... Материал, художественная организация которого представляет собой новеллу, как бы сам, своей сущностью диктует нам воспринимать его именно в этом аспекте. Между тем подобное прочтение произведения не совсем верно. Более того, в результате такого прочтения для нас оказывается недоступной суть художественно-смысловой концепции «Марианны», то, что придает новелле оригинальность, необычность, поворачивает знакомую ситуацию неожиданным углом.

Марианна — необыкновенный ребенок. Она отличается от своих сверстников душевной чистотой, даром воображения и мечтательностью. Однако так же, как и всё, мечта тоже может изменить характер человека. Она пробуждает в душе девочки любовь. Но это чувство окутано туманом романтизма. Это «книжная» любовь, недостаточно искренняя и непосредственная. Фантазия Марианны рисует полусказочные картины, и девочка лелеет их.

Писатель, естественно, выступает не против мечты. Он отмежевывается от своего персонажа тогда, когда его мечта оборачивается ложью, когда Марианна, соприкасаясь с миром

Левана Картвелишвили и Дианы, обнаруживает склонность к обману, фальши, «театральности».

«Пассажир в очках улыбнулся и снова обвел глазами детей. На секунду его взгляд остановился на Гуде. Гуде покраснела и опустила голову. Пассажир взял из миски Ладю персик, повертел его в руке и положил на место. — Вон, у той девочки хороший персик, — сказал он вдруг и показал пальцем на Гуду».

В приведенном отрывке хорошо видно своеобразие стиля произведения — скупого, информационного, его спокойный, нейтральный тон, цельное восприятие. Здесь есть выразительная, хотя неакцентированная, даже как будто второстепенная деталь: Картвелишвили с самого начала замечает Марианну, однако заговаривает с ней не сразу. Уже вырисовывается характер человека, который знает, как себя вести, который играет и в совершенстве владеет «техникой» лжи. Так тщательно подобранными скупыми, но емкими деталями создается образ Левана — профессионального «носителя маски», исполнителя своей «социальной» роли, раскрываются его неискренние отношения с женой. Марианна очарована внешним совершенством Левана и Дианы, их аристократизмом, ее влечет к ним, ко лжи. Именно за это она и будет наказана.

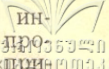
Однако писатель не проливает слез по поводу поражения Марианны, если приглядеться внимательно, его отношение к ней насмешливо и иронично, но ирония почти не обнаруживает себя. Она объективирована — и «объект» как бы окутан легкой сетью тщательно сотканной иронии (рассказывая о мечтаниях, видениях, переживаниях Марианны, автор прячет насмешливую улыбку).

Итак, «Марианна» в сущности «антиромантическая», «антисентиментальная» новелла, хотя ценность произведения в том, что отрицаемая им «романтическая» художественная система тем не менее живет и действует в нем: постигнув истинную мысль произведения, мы даже жалеем Марианну, поскольку она жертва не только своего внутреннего, бессознательного влечения к фальши, но и жертва фальшивых людей. Так взаимопротиворечащими ориентирами пересекаются смысловой и эмоциональный планы, так «Марианна» обретает жизнеспособность, многозначность, органичность...

Существует выражение: «Каждый интеллигент мечтает стать гангстером». То, о чем рассказывается в новелле «Гигант», как бы подтверждает это.

Общей своей структурой, а также манерой исполнения «Гигант» напоминает другое произведение Джемала Карчхадзе — «Операцию «Тетя Тасо». И здесь персонаж сам рассказывает о своих приключениях иронично, самокритично, тонким деловым отчетом; используя определенную лексику, передает нам только самое главное. Писатель создает «образ» живой речи.

Лаконизм, естественность стиля, сердечный, доверительный тон беседы с читателем (точнее было бы сказать — со слушателем), дух простоты, безыскусности и непретенциозности, которым пронизано все произведение, — это отражение, ха-

рактика внутреннего мира, социального положения, интеллектуального профиля рассказчика — Гоги. Поэтому про- стота стиля не является, так сказать, «первозданной», «родной»: это безыскусность сознательная, осмысленная, которая предполагает профессионализм. Здесь же следует отметить, что стиль того или иного произведения Д. Карчхадзе определяется в первую очередь сущностью главного персонажа. Наверное, и этим объясняется образность творчества писателя.

Сюжет «Гиганта» прост, так же как и его стиль. Однако главное в новелле — то внутреннее действие, которое придает казальное бы веселому, похожему на юмореску произведению своеобразный драматизм — бессловесное противопоставление Гоги Гиганту.

О первом можно сказать лишь, что это так называемый средний, рядовой интеллигент, скромный, порядочный и честный человек. Живет он так же, как и многие другие: «двухкомнатная квартира, моя и Нуукина зарплаты, которые благодаря домашнему искусству Нууки хватают на все...»

А вот образ Гиганта, обрисованный резкими штрихами, несомненно запомнится. Гигант — это сатирико-гротескное изображение современного «феодала», созданное по принципу преувеличения, близкому к абсурду. «Если все талантливые люди ленивы, то все лентяи талантливы. А что! Разве не логично?!» — вот какие остроумные, убийственные детали находит автор для характеристики Гиганта.

Встреча Гоги с Гигантом завершается «падением» первого. Если вникнуть в суть произведения, станет ясно, что в этой «бесхитростной», на первый взгляд, новелле, по существу, проведен достаточно строгий, глубокий анализ: отброшен покров и обнажено то, что в повседневной жизни почти незаметно или вообще не находит выражения: основы уважительности и порядочности весьма шатки; нередко за покорностью судьбе скрывается глубоко запрятанная боль, неудовлетворенность, острая обида на жизнь и судьбу; безропотное исполнение роли и функций, возложенных обществом, часто служат лишь фасадом, который в любой момент может рухнуть в результате внезапного взрыва подавляемых или замаскированных желаний и стремлений.

Новелла «Последний эксперимент Капитона Манагадзе» отличается органическим соединением, взаимодополнением и слиянием различных художественных стихий, их постоянным колебанием и чередованием. Впрочем, такой подход характерен не только для этого произведения писателя. Трагическое и комическое, исключительная серьезность и буффонада, драматическая проблематичность и фарс, реальность и алогизм не случайно соседствуют здесь. Они предстают перед нами некими гранями чего-то неразрывного, неделимого. Это не столько соединение противоположных основ, сколько разветвление единого целого. Все элементы тесно взаимосвязаны.

«Каждый день он просыпался в половине восьмого. Точно. Обычно, открыв глаза, он смотрел на часы. Если часы не показывали половины восьмого, значит они были неисправны. Что поделаешь? Часы — механизм несовершенный, то

одно случится, то другое». Вот таков Капитон Манагадзе. Человек-машина, человек-робот, уродливый продукт цивилизации; духовно опустошенное существо, потерявшее связь с миром, не имеющее никаких желаний, для которого чудом все человеческое. Единственное, что в нем действительно живо, это чувство удовлетворения, порожденное добросовестным трудом...

Безусловно, Капитон Манагадзе не образ-характер в обычном понимании. Это персонаж-идея, если угодно, персонаж-схема; в то же время — это художественное предположение, художественная гипотеза, несмотря на то, что Капитон Манагадзе стандартный человек из «массы». Ведь парадокс в том, что герой новеллы не тип, а исключение, которое когда-нибудь может стать типом. Именно этим новелла и жизненна, «и комична, и трагична, и трагикомична» — здесь гротескная фигура, в которой крайне резко отразились определенные свойства действительности, помещена в банальную, обычную атмосферу. Это взаимодействие «заземляет» и самого Капитона Манагадзе, делая его до известной степени реальным.

Неожиданно словно бы в навсегда застывшей психике Капитона Манагадзе пробуждается сознание и он отчетливо начинает понимать безнадежность своего положения, ищет выход из него, и именно тогда в его действиях проявляется принцип алогизма. Капитон проводит «эксперименты», которые с самого же начала обречены на провал. Алогичная мысль предвзывает алогичное действие — Капитон считает, что он потерял... «пустоту» (это слово-понятие мастерски обыграно в произведении). Однако то, что мы в обоих случаях назвали алогизмом и абсурдом, настолько слилось с драматизмом, что поначалу может показаться вполне оправданным, мотивированным.

Именно алогизм определяет внутреннюю атмосферу новеллы и поэтому цирковой эпизод, совершенно лишенный какой-либо эмпирической убедительности, воспринимается естественным, необходимым и вероятным. Вообще действительность предстает в новелле хрупкой и призрачной, приобретает какой-то трепетный оттенок. И самого Манагадзе как будто и не существует, не только согласно смысловой концепции новеллы («Капитона Манагадзе не существовало, Капитон Манагадзе был импульсом других... Капитона Манагадзе создали организации, которые вели между собой переписку...»), но и художественно. С точки зрения непосредственно образного впечатления — он мираж, он есть и в то же самое время его нет. Произведение пронизано тревожным чувством какой-то очень большой и значительной потери, ощущением вакуума.

В цирковом пассаже Капитон выступает как обладатель истинного знания, он уже знает цену человеческой «пустоте» — видит, насколько мелки, низменны и недостойны людские страсти, «интересы», понимает, что это действительно пустота — в прямом смысле этого слова. Он знает и то, что причиной равнодушия к жизни, потери «вкуса» к ней является цивилизация, отрыв от природы (вспомним речь, обращенную

ко львам, в сущности это аллегория, хотя и здесь ^{комизм} не только сохранен, но и ожесточен).

И все же это прозрение, открытие истины и полное ^{осознание} знание вновь оказываются всего лишь фарсом. Капитон ^{Манагадзе} Манагадзе забывает все, его превращение оказывается лишь кажущимся. Может быть, в цирке он провел свой последний «эксперимент»? Во всяком случае, новелла заканчивается диалогом (Капитона с женой): «Ты была когда-нибудь в церкви? — Да, мама водила меня в детстве на обедню. Почему ты спрашиваешь? — Я никогда не бывал в церкви»).

Особо следует отметить стилиевые особенности новеллы, поскольку именно стиль своей художественной природой обуславливает цельность этого крайне многогранного произведения. «Последний эксперимент Капитона Манагадзе» написан в форме внутреннего монолога, но монолог этот объективирован. Как будто кто-то, обращаясь к персонажу, говорит ему горькую правду — безжалостно, со спокойной беспощадностью, циничной прямоотой. Фраза неотразима и неизбежна, как суровый и окончательный приговор. Она звучит как-то безнадежно, отчаянно. Объективированный монолог как композиционная форма — подобная «обличающая» стилистика является впечатляющим, исключительно «смысловым» эквивалентом самопознания и углубления в собственную сущность, — в то же время содержит и иронические аспекты, давая тем самым автору возможность часто и беспрепятственно переводить мрачный трагизм в совершенно иную тональность.

Беспощадный самоанализ сочетается с определенной мягкостью, которая создает ритм. Повествование звучит ровно и своей какой-то монотонностью полностью овладевает сознанием. Эта новелла Д. Карчхадзе, казалось бы, имеет определенное сходство с современной верлибровой поэмой. Писатель прибегает к варьированию темы, лейтмотивам, обнаруживает тенденцию к афористическому повествованию — стремится найти единственную неизменную, внутренне твердую, подобно рефрену, фразу. Однако новелла «Последний эксперимент Капитона Манагадзе», отмеченная так называемым «черным юмором», безусловно, далека от поэзии, да и сам Капитон Манагадзе не похож на лирического героя...

В большом рассказе «Один день» отчетливо обозначен композиционный рисунок. Произведение построено планомерно и направляется уверенной рукой автора. С одной стороны, — это достоинство, но с другой, как уже отмечалось выше, ограничивается внутренняя логика персонажа, его независимость, саморазвитие...

Главный герой «Одного дня» — Луарсаб Размадзе принадлежит к социально-психологическому типу людей, знакомому нам по рассказам «Марианна» (Леван Картвелишвили) и «Одиннадцатая заповедь» (Заал Нижарадзе). Замысел рассказа не претендует на оригинальность и особую сложность: лишь нравственность наполняет человеческую жизнь смыслом, лишь верность нравственным принципам; стремление к их реальному утверждению спасает от суеты, гнетущих переживаний, бессмысленности и пустоты; рационализм, фетишизация

разума влечет за собой моральный, духовный крах. Но главное в том, что подобный замысел реализован благодаря глубокому постижению особенностей психологического склада современного человека, острому восприятию характера современного типажа и жизненного уклада. Основная мысль произведения раскрывается постепенно, параллельно с внутренним процессом самоанализа, происходящим в персонаже. Таким образом, идея живет вместе с героем.

Рассказ отличается постоянным противопоставлением, персонафикацией двух духовных явлений. «Эта комедия была неким щитом, защищавшим его от какого-то чуждого и странного смятения, которое в течение всего этого времени, подобно назойливой мухе, вертелось в голове, сверля мозг». Подобные отступления представляются неуместными, грубыми, жесткими, более того, даже как будто бестактными. Однако прежде чем делать выводы, следует принять во внимание, что «движущий стиль» (назовем его так условно) — это средство скрытого выражения иронической связи. Произведение, если можно так выразиться, вдвойне иронично. Иронист и скептик Луарсаб Размадзе и сам является мишенью для иронии и скепсиса. В нем, поклоннике трезвых суждений, восстает собственное нутро, преподнося ему тысячи каверз — таково воплощение иронии автора. Что касается психологизма, то он — кажущийся, вводящий в заблуждение, иронизированный.

В то же время своеобразная «эксцентрика» переживаний или видений Луарсаба порождает чувство какого-то странного ожидания, создает атмосферу, в которой находит выражение все скрытое.

И правда, перед Луарсабом Размадзе предстает его двойник, его второе «я» — Анаподист Буадзе. Обращение к испытанному средству раздвоения персонажа, тем более в современной прозе, насыщенной иронией, представляется невероятным несоответствием, и естественно предположить, что автор пародирует персонаж, к тому же имя и фамилия — Анаподист Буадзе — носят комический оттенок.

Однако свершается невероятное: человек беседует со своим двойником, а потом становится жертвой сказочного злого духа. Причем здесь нет никакой аллегии — все неизбежно и бесспорно как факт. Писатель вновь, как и в «Последнем эксперименте Капитона Манагадзе», изображает алогичную ситуацию как реальную, превращает алогизм в «действительность». В абсурдном финале рассказа — его убедительность: это эмоционально и художественно подготовленный конец человека, жившего за счет совести, это наказание рационалисту и скептику, который верит лишь в силу разума и полностью отрицает тайное, необъяснимое; это эстетическая месть, осуществленная с помощью алогизма.

К сожалению, последний диалог Луарсаба Размадзе с двойником оказался недостаточно драматичным, острым и полнокровным. Здесь слышен только один голос, который по замыслу писателя должен открыть нам абсолютную истину. Автор забывает, что он побуждает персонаж разговаривать, он пользуется случаем и поверяет нам собственные мысли о

некоторых действительно интересных проблемах. Следует отметить, что иногда его рассуждения неуместны или «вымучены», «вымышлены» (например, о двойственном положении грузинской культуры между Западом и Востоком и др.). Кроме того, во время последней беседы обнажается суть рассказа, расшифровывается его основная мысль. На мой взгляд, концепция рассказа обрела бы большую значимость, если бы автор не обнажал ее. Не было необходимости и в многословном рассуждении, поскольку писатель там же весьма наглядно показал «интеллектуальный пейзаж», который очень живо и тонко «говорит» обо всем необходимым.

Можно было бы продолжить беседу об «Одном дне», более детально коснуться хотя бы прекрасных аналитических характеристик, которыми богат рассказ. Но этот разговор завел бы нас далеко...

Итак, как видим, произведения Джемала Карчхадзе резко отличаются друг от друга своей тематикой, содержанием, а тем более стилем и образностью (различие станет более заметным при рассмотрении всех новелл писателя). И все же их объединяет единая художественная задача: разоблачить маски, которые зачастую скрывают и уродуют истинное лицо человека, его светлую, благородную сущность; объединить неизменный внутренний мотив, высокую нравственную потребность, которую писатель называет одиннадцатой заповедью и формулирует так: «...Будь самим собой. Не надевай маску. Не утрачивай лица, данного тебе богом. Потому что истинное лицо это угрызения совести».

Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ

«УЛИЧНОЕ» ВОСПИТАНИЕ

В ТРЕТИЙ раз отпраздновали мои земляки-тбилисцы свой праздник — «Тбилисоба». В третий раз его центром была улица Бараташвили, улица моего детства. Праздник отшумел и схлынул, как волна морская в час прилива, схлынул, пробудив на доньшке памяти воспоминания...

* * *

...Лучшее место во дворе облюбовала тетушка Сона: в подворотне всегда темно и прохладно, даже в самую жару тянет сквознячком. Отсюда видно все, что происходит во дворе и на улице, да и участковый, извечный ее враг и гонитель, не сможет подойти незамеченным. Тетушка Сона торгует жареными семечками, хотя коммерция ее удивительна. Где-то в деревне покупает она подсолнухи, лушит семечки, сушит и жарит их, а потом садится на свое место и... дремлет. Она принципиально не берет денег за свой товар с солдат, соседей и ребятишек, а какие еще покупатели в годы войны?

Обращаясь в прошлое, память обязательно воскрешает маленькую серую фигурку с холщовым мешочком возле ног — тетушку Сону и еще красильщика Серапиона, полного и добродушного человека, который сейчас всегда ворчит, потому что никак не может примириться с тем, что война заставила его делать противостественное для его профессии дело: брать веселые разноцветные одежды и перекрашивать их в тоскливый черный цвет.

Наша улица тогда еще называлась Мухранской. Узкий вытянутый двор пересекался всячим балконом, который все соседи — мирные и вполне сухопутные люди — именовали почему-то на морской лад мостиком. В центре двора общий водопроводный кран, место обмена новостями и разбора соседских конфликтов. И старый дом, которого давно уже нет на свете, в памяти по-прежнему шумит и ссорится, дружно веселится и так же дружно горюет, чутко ловит звук сирены, возвещающей о воздушной тревоге, и радуется тому, что в магазине на углу дают мандариновое повидло.

Раньше всех возвращается с работы дядя Алекси. Он рубщик мяса на ближнем рынке, название которого вдруг приобрело неожиданную современность — «Солдатский базар». В первый же месяц войны проводил он с женой на фронте трех сыновей. И на двух из них пришли первые во дворе похоронки, третий же, как ушел, не подал о себе ни одной весточки, так и пропал. Вскоре ушла за братьями и единственная дочь Тамара... Умолкла, заглохла квартира, из которой на весь двор разнесились всегда звуки патефона и гитары. Для кого жить старикам, для кого носить рубщину с рынка мослы и потроха, законную долю после разделки туши?.. Но скоро в умолкшей комнате вновь раздался детский смех, снова стала улыбаться жена Алекси. Молча, без слов и оформлений, приняла она в опустевшую семью соседского мальчика, отец которого тоже был на фронте, а когда за годы войны этот мальчик подрос, усыновили другого, стали его подкармливать и одевать. Долго еще после окончания войны ждали старики своих сыновей с фронта, писали в Красный Крест, в газеты и радио, на передачу «Найти человека», а подросшие мальчики привычно называли их отцом и матерью.

И еще была квартира, в которой никогда не запирались двери и постоянно слышались музыка и смех. До сих пор не пойму, как помещалось в двух маленьких комнатках многочисленное семейство дяди Гриши: дети, зятя, невестки, внуки... И разве можно забыть пир, который закатил старый столляр, когда с фронта вернулся его сын, за небольшой рост даже мальчишками прозванный уменьшительным именем Сосик. Он был первым из дворовых ребят, пришедших с войны, хотя все и старались молчать о том, что демобилизовался-то он по ранению и всю жизнь потом кашлял кровью, хотя и мать, и жена, и все соседи отыскивали для него домашние снадобья, травы и настои, но все зря...

Раненым пришел с фронта и Васо. Он был парикмахером, а тут осколком оторвало ему два пальца на правой руке, большой и указательный. Он ходил по двору злой, перегоревший от внутреннего жара, чем-то напоминая мне, тогдашнему семикласснику, горьковского Челкаша. Не помню, кому из соседей пришла в голову идея собрать деньги и купить ему парикмахерский инструмент. Деньги собрали, на рынке купили машинку и роскошную бритву — «золинген», но оказалось — впустую. Хоть кто-нибудь из мальчишек и предлагал себя добровольно в качестве подопытного клиента, на балкон выносили табурет и очередная жертва безропотно усаживалась на него, укутанная в полотенце, но не вернул себе мастерства мастер, инструмент пропил, а сам пошел ночным сторожем...

Теперешним родителям мальчиков и девочек даже подумать страшно, что целое поколение ребят военного времени выросло на улице и во дворах, играло в подвалах, переоборудованных под бомбубежища, проводило время в подворотнях, пока пустые квартиры стояли открытые настежь, ожидая хозяев с далекой войны.

Потом был День Победы, вернулись кому было суждено вернуться. И тбилисские улочки и тесные дворы зажили

новой жизнью. Но по-прежнему перекликались с балкона на балкон женщины, спрашивая пучок зелени или бутылку керосина взаймы, а по вечерам усталые мужчины выносили на тротуар табуреты для нарда или домино..

Стихийная, но мудрая педагогика тбилисской улицы с ее домами, подворотнями, дворами воспитывала все новые и новые поколения. И так же росли, так же воспитывались своими городами, своими улицами и дворами москвичи и одесситы, бакинцы и ленинградцы, киевляне и рижане, которых никогда не слутаешь друг с другом.

Иной стала наша старая улица — снесли ряд зданий напротив нас, потом пришел и наш черед, сняли фасадную часть домов с нашей стороны. Похорошевшую, раздавшуюся в плечах улицу переименовали, нарекли именем великого грузинского поэта Николоза Бараташвили. А главное — при реконструкции и перестройках обнаружилось, обнажились, открылись изумленному взору людей старинные стены и бастионы городской цитадели, возродился внешний облик восставших в первозданной красоте улиц — словно красильщик Серапион перекрасил их вновь в самые веселые и звонкие свои краски, — здания с балконами и резными украшениями...

Чему будет учить старая моя улица новых тбилисцев, чем и как она будет воспитывать их?

* * *

«Красивым и приветливым запомнился нам Тбилиси, — говорил Л. И. Брежнев на торжествах в честь 60-летия Советской Грузии и образования Компартии республики. — Радуют глаз ваши новостройки. Прекрасны старые тифлиские кварталы, заново возрожденные к жизни. Это ими восторгались Грибоедов и Пушкин. Это они воспеты кистью Пиромани...».

На карте современного города восстановленные кварталы занимают сравнительно небольшую часть — всего около ста гектаров из 349 квадратных километров всей территории. Почти три тысячи зданий взято государством под охрану и опеку.

Но не этими цифрами, конечно, определяется их значение в жизни сегодняшнего Тбилиси, их «духовная значимость», как писали об исторических кварталах города в одной из статей.

Какова же сегодня «духовная значимость» для нас улицы Бараташвили или района старого Рике, Сионского квартала или замка Метехи, какова их роль в жизни современного миллионного города?

Это красочная и многоцветная естественная декорация сцены, на которой раз в год проводится народное празднество «Тбилисоба».

Это поражающая воображение неповторимой экзотичностью и бережно сохраненной стариной экспозиция, с неизменным успехом демонстрируемая многочисленным туристам со всей страны и из-за рубежа.

Это своего рода историко-этнографический музей под открытым небом, сберегший до наших дней приметы жизни и быта, сочетающие неповторимые национально-самобытные черты с причудливой смесью европейского и азиатского жизненного уклада.

Да, это и то, и другое, и третье.

Но в то же время и нечто гораздо более важное. Это живая часть бытия живого города, своего рода кровеобразующий орган, питающий жирительными соками весь его огромный, непомерно разросшийся организм, для которого важны не фасады зданий и украшения, а жизнь, повседневно текущая за стенами, не декорация, а суть.

Улица Бараташвили может служить наглядной иллюстрацией на тему мирного «сосуществования» старого и нового. По одну ее сторону — современное здание «Грузэнерго», многоэтажные жилые дома, оборудованный по новейшим стандартам универсам... По другую — тяжелая кладка старинной крепостной стены, разноцветье принаряженных фасадов, резные балкончики с навесами и точеными блясынами, медные фонари над воротами, вагончик конки, словно поджидающий пассажиров. Широкая лента асфальтовой магистрали незаметно переливается в двухъярусное тело нового моста через Куру и упирается в живописный амфитеатр домиков, полукружием раскинувшихся по уступам скал, с памятником Бараташвили посередине... А не доходя до моста, за углом улицы, древнейшее строение города, замечательный архитектурный памятник VI столетия базилика Анчисхати.

Живое ощущение истории, неразрывность связи времен, соразмерная гармоничность архитектурных объемов и радующая глаз живописность городских кварталов — вот составные части той «уличной педагогики», которую испытывает сегодня каждый тбилисец и гость города.

Не зря самый процесс восстановления старых районов города называется двойным термином — возрождение-регенерация, то есть напоминает о связи с живым, действующим, растущим и развивающимся организмом. Первые и, может быть, до сего дня самые большие энтузиасты этого начинания — начальник Управления по охране и использованию памятников Министерства культуры СССР Ираклий Цицишвили, главный архитектор Тбилиси Шота Кавлашвили, руководитель Специальной архитектурной мастерской Георгий Баташвили — все эти месяцы и годы имели дело не только с историческими документами, планами и кальками. Им пришлось заботиться и о возрождении старинного ремесла кладки камня, и о восстановлении секрета производства особого кирпича для стен и зданий, и отыскивать мастеров, помнящих, как вытачиваются блясыны для тбилисских балкончиков и выкладываются резные наличники... Реконструкция фасадов оказалась лишь небольшой частью дела, пришлось провести коренную перестройку внутренней части домов, перепланировать их с тем, чтобы создать жителям все условия современного комфорта, пришлось думать, как наилучшим образом использовать некоторые из реконструируемых домов для новых целей, под ателье художников, мастерские ремесленников — чеканщи-

ков, чувячников, гончаров, резчиков по дереву и камню, под небольшие ведомственные гостиницы...

Замечательный Метехский замок, гордо вознесшийся на крутом уступе горы над самой Курой, не просто памятник архитектуры и истории, сегодня это поистине «живой памятник», обретший свою действительную функцию в жизни Тбилиси. Многие повидал и пережил он за века своей истории — самопожертвованность и стойкость в вере Або Тбилели и негибаемую мужественность Шушаник, чей прах он принял в свою землю, героини самого древнего из дошедших до наших дней письменных памятников грузинской литературы. Полтора тысячелетия назад по повелению Давида Горгасала на этом месте был возведен первый храм. Семьсот лет выситя он в нынешнем своем обличье, со времен Деметре Второго. В скрижалях его истории хранится память о подвиге народного заступника Арсена Одзелашвили и целой плеяды большевиков, заточенных царским правительством в тюрьме Метехи.

И все же последнее десятилетие в его истории, как мне кажется, займет особое место. В самом начале 70-х годов группа выпускников Тбилисского театрального института во главе со своим руководителем режиссером Александром Мрвлишвили решила создать молодежный театр-студию. Получив помещение Метехского храма, они своими руками переоборудовали его, соорудили небольшую сцену и уютный зрительный зал мест на сто с небольшим. Вокруг новорожденного театрального коллектива объединилась вначале группа энтузиастов, потом их стало больше, и сейчас на театральной карте Тбилиси без него уже было бы белое пятно, как будто он существовал многие десятилетия.

Я не берусь здесь мимоходом давать профессиональную оценку работы этого театра. Но факт, что старый исторический район города зажил новой жизнью, исторический памятник, обретя функцию, стал по-новому ценным для тбилисцев. Театр собрал и воспитал собственную аудиторию, стал своего рода центром притяжения, здесь охотно выступают поэты, музыканты, фольклорные ансамбли. Более того: дух новизны, поиска, эксперимента, характерный для театра-студии, вызвал к жизни новые формы: именно здесь пианистка Лали Микава стала проводить концерты, объединившие мастеров музыки, поэзии, живописи, именно здесь ансамбль «Орэра» с Вахтангом Кикабидзе и Нани Брегвадзе начал устраивать вечера тбилисской городской песни под открытым небом, ставшие широко популярными.

Но ведь бывает и по-другому: находятся «энтузиасты» иного рода, готовые воспользоваться «модой на старину» для собственных целей.

Много сил, умения и фантазии вложили дизайнеры в оформление магазина сувениров, открытого в старом квартале, часто посещаемом и приезжими туристами, и самими тбилисцами. А что же на полках? Все те же давным-давно набившие оскомину образцы тиражированной безвкусицы — отштампованные «под чеканку» жестянки и прочие образцы

халтурного ширпотреба — говоря о старом Тбилиси и его мастерах, кощунственным кажется назвать их, производителей этой продукции, которая предназначена напоминать о Тбилиси, высоким именем «ремесленники». И получается, что интерьер в такой лавке оказывается более художественно ценным, чем продаваемый товар.

Бродя по лабиринтам старотбилисских «торговых рядов», любовно восстановленных в первоначальном виде, обращаешь внимание на завлекательно оформленную дверь заведения, за которой обнаруживается такое отнюдь не традиционное для нашего города питейно-общепитовское заведение, как бар. Это еще бог с ним, бар так бар, не одними ведь духанчиками, хинкальными и торнями сейчас жить. Но когда видишь выставленные рядами всевозможные заморские бутылки и сигаретные коробки — пустые, конечно, и призванные лишь поразить воображение случайного посетителя показной роскошью, замешанной из дурного вкуса иностранных кинофильмов, демонстрировавшихся на наших экранах с неосмотрительной щедростью, когда встречаешь отнюдь не гостеприимное отношение со стороны единственного служителя этого заведения — он не столько бармен, как выясняется, сколько «хозяин заведения», — сразу предупреждающего, что кофе у него готовится по особому рецепту и подается только со стопкой коньяка и что поэтому, как сквозит прозрачно в подтексте этого заявления, при расчете вспоминать о прејскуранте вроде даже неприлично, — то чувствуешь себя не только не в своей тарелке, но даже, простите, не в своем городе.

И подобные торгово-питейные заведения ведь тоже создают вокруг себя свою атмосферу, тоже собирают и воспитывают на свой лад собственную аудиторию.

И совсем не ясно, каков будет исход единоборства между подлинными энтузиастами и патриотами своего города и такими вот «хозяйчиками», заботящимися лишь о своих интересах, готовыми погреть руки на чужом патриотизме и энтузиазме.

Не знаю, можно ли какому-нибудь государственному или общественному органу поручить заботу об охране духовной среды обитания жителей города, но она наверняка нуждается в заботе и охране не меньше, чем памятники истории, культуры, архитектуры.

У въезда в один из древнейших и красивейших городов Грузии каменной кладкой выложен лозунг-призыв превратить этот город в «образцовый город-музей». Но музей не только «обиталище муз», как явствует из названия, не только памятник прошлого. В нем работают люди, а если это целый город или часть его — в нем живут, растят детей, ходят друг к другу в гости...

Давно нет уже ни тетушки Соны, ни Серапиона, ни дяди Алекси, да и от самого нашего дома осталась лишь малая часть, перестроенная и переконструированная до неузнаваемости.

Теплым осенним днем с одним из приезжих гостей я вновь псыбывал на улице моего детства. Что я испытывал, показывая ему эту чудесную, оживленную и шумную, живущую своей

повседневной жизнью и в то же время всегда праздничную и принаряженную улицу? Конечно, и гордость оттого, что судьба нечаянно сулила мне провести детство в этом историческом месте, и ностальгическую грусть по невозвратно ушедшим временам и людям, и некоторую особую ревность к тем, кто сейчас живет здесь: вы, нынешние, как вы?

Из окна второго этажа бывшего нашего дома случайно выглянул Юра, ныне инженер-конструктор одного из тбилисских НИИ, а в прошлом товарищ детских игр и приключений. Увидев нас, он в одной майке выбежал на улицу, не слушая никаких объяснений, затащил к себе, хотя жены не было дома, да и вообще к приему гостей он никак не готовился. Но вскоре к небольшому столику, вынесенному по старой привычке прямо на балкон, подошли новые, уже не знакомые мне соседи, снизу, где открыта кофейня, пришла тоже неизвестная девушка-официантка и принесла заваренный специально по особому рецепту кофе (не хуже того, каким пытался поразить воображение посетителей «хозяин» современного бара в торговых рядах) и даже предложила погадать гостю на гуще, что осталась в чашечке. Разговор завязался общий, веселый, немного суматошный, со множеством «помнишь» и «а где сейчас», но мне показалось, что гостю не было скучно, он с интересом слушал все, спрашивал, сам участвовал в общей беседе. Он открывал для себя неизвестный прежде город и дух его горожан, пронесенный через века и годы, вечный бессмертный дух доброжелательности и гостеприимства, открытости людям и доброты, атмосферу вечного и юного города.

А внизу по гладкому асфальту магистрали неслись автомобили, из подъехавшего интуристского автобуса с шумом высыпала новая группа туристов, укрывшись от солнца под навесом старой конки, пассажиры поджидали автобус, а на афише Театра марионеток, который совсем недавно был открыт благодаря настойчивости и энтузиазму кинодраматурга Резо Габриадзе и художника Тенгиза Мирзашвили, зрителям обещали новый спектакль «Виолетта и Альфред» — тбилисскую версию «Дамы с камелиями»...

Георгий ХЕЧУАШВИЛИ

ВОЖАКИ СТАРЕЮТ В ДОРОГЕ

ПРИВАЛИВШИСЬ к стене окопа, солдат читал письмо от матери. Дочитывал до конца, переворачивал, словно бы ища еще чего-то, и принимался за чтение снова. Он с такой жадностью вчитывался в каждое слово, вглядывался в него, будто сквозь эти кривые строки пытался разглядеть дрожащие пальцы матери... Читал затаив дыхание, словно бы стремился услышать дыхание матери, ее тихий и ласковый шепот...

— Мальчик мой, Шакро, ты что — мать свою разлюбил, сынок?

Шепот доносился так ясно, что солдат невольно вздрагивал и с тревогой отвечал:

— Как можно, мама? Что такое ты говоришь?

— Вот уже два года, как от тебя ни строчки, сынок мой! Неужто так допек вас этот проклятый Гитлер, что ты даже маленького письмеца прислать не смог?!

— Это правда, мама, очень нам нелегко сейчас... Два года мы в когтях у этого чудовища. Ни войти в город, ни выйти из него не дают фашисты. Но наконец-то наши добрались к нам по замерзшей Ладоге, подвезли боеприпасы, газеты, почту. И теперь я смогу отправить тебе свое письмецо.

— Будь сильным, сынок, мужчиной будь, радость моя!.. Смерть, говорят, трусливых любит, это так. Но зря тоже не подставляй голову под пулю. Береженого бог бережет.

— Не бойся, мама, мы уже не мальчики... Каждой пуле не кланяемся, но и за смертью не гонимся... Как там вы без меня?

— Ты за нас не беспокойся, Шакро... Отару вместо тебя повел твой дядя. Как зеницу ока, сказал, буду беречь овец моего Шакро.

— Мама, передай Симону: пусть постарается во время окопа. Все труды чабана окупаются в эти дни... Овец пускай пасет на Иорском пастбище, на нем, благословенном,

Очерк премирован на конкурсе Союза журналистов СССР.

трава будто шелк. Овцы — как дети, им ласка нужна... Знаешь, как скучаю по тебе, мама? По тебе и по Триалети нашему... Пиши разборчивей, мама, не все могу прочитать. Что, что? Девушка из Узундара, говоришь, ждет меня? Тут Шахро улыбнулся и сдвинул каску на затылок.

— Чудесная она девушка, сынок. И очень хороша, клянусь твоей жизнью! Глаза сверкают, будто агат, ротик — будто нарисованный. Смеется все время, радуется жизни. Она как птичка, Шахро, ну прямо птичка. Всегда щебечет...

— Знаю, мама, знаю... Помню, ты мне показывала ее однажды, помнишь, на престольном празднике в Анаге?

— Ну, и ты ведь тоже говорил, что она хорошенькая?!

— И сейчас скажу, мама: нравится она мне. Вот война кончится, приеду домой и женюсь.

— Ну, если нравится тебе, сынок, завтра же пойду и соватаю!

— Не спеши, мама. Война ведь идет, война... Много шальных пуль свистит над передним краем. А пуля — она слепая... Не делать же девушку несчастной!

— Вайме, сынок мой, вайме! Не смей так больше говорить, надежда моя! Береги себя, сам знаешь, с каким трудом я тебя вырастила, шени чириме...

— Не плачь, мамочка, клянусь, больше так не скажу...

— Что слышно у вас, сынок? В Арбошики у нас говорят: Сталин по радио обещал — победа, мол, будет за нами...

— Конечно, за нами, мама. Победим, а как же!

— Да услышит тебя бог, мой мальчик.

— Ты помнишь день моего рождения, мама?..

— Как не помнить, сынок?! Эх, твой отец тогда на седьмом небе был от радости. «Как раз в день, когда родился мой сын, — говорил он всем, — в Петербурге выстрелила пушка, которая освободила весь бедствующий народ!».

— Я видел эту пушку, мама, она тут неподалеку от нас, на большом корабле, «Аврора» называется... А Ленинград, будто волчья стая, окружила свора проклятых фашистов.

— Знать бы хоть, что заставило этого окаянного Гитлера убивать столько людей. Он, проклятый, видать, вновь хочет загнать нас в земляные норы, чтоб жили мы в темноте, как кроты!.. Помнишь, сынок, как приехал к нам гость из города? Как бедствовали мы тогда?.. Где уж тебе помнить — маленьким был совсем...

Шахро грустно улыбнулся — как не помнить!

— Что такое, чем так рассмешила тебя твоя мать, Захар? — спросил боец Василий Ломоносов, с завистью наблюдавший за товарищем. Сам он давно не получал весточек из родного села.

— Видишь ли, Вася... Когда-то мы жили все вместе в одной лачуге — бабушка, дедушка, мать, отец, да пятеро дядьев и столько же теток... а тут еще и я прибавился... Ну вот, а в ту пору, оказывается, приехал родственник из города. И заночевал у нас. Мы спали всегда так, что невозможно было шевельнуться. Как овцы в буран. Ну, а чтобы гостя уважить, сдвинули табуретки и скамейки, положили на них доски, а сверху постелили постель. Бабушка всех предупре-

дила: спать чутко, ног во сне не вытягивать. Так все и спали, свернувшись клубочком. И вдруг среди ночи раздался жуткий грохот. Все вскочили, перепуганные. Оказалось, что мой дядя Симон, вытянувшись во сне, задел ногой табуретку, гость вместе с досками грохнулся прямо на Симона, чем тоже несказанно перепугал и дядю.

Василий рассмеялся:

— Столько народу... и чем же вы питались?

— У нас была огромная кастрюля, бабушка бросала в нее куски черствого хлеба, наливала воды, добавляла немного подсолнечного масла, ставила на огонь и варила, варила, варила до бесконечности. Причмокивала при этом — иф, иф! — ах, как пахнет, какое вкусное харчо!.. Иногда кизилую похлебку варила. А весной мы приносили с полей мальву, крапиву, спаржу...

В хмурое небо Ленинграда вторглись «Мессершмитты». Зенитчики развернули орудия, и навстречу фашистским стервятникам взметнулись огненные трассы. Один из самолетов клюнул носом, словно бы споткнулся, пустил тоненький шлейф дыма, сверкнул огненным хвостом и, завывая, зарылся носом в холодную невскую воду. Поднялся столб ледяной воды, грохнуло так, что в соседних домах посыпались стекла.

— Видал? — срывая каску, закричал Шахро. — Вася, видал, как мы его ссадили?

... — Почему ты замолчал, сынок? Скажи что-нибудь твоей матери, — донеслось до ушей Гугенашвили вместе с порывом ветра.

— Прости, мама. Тут мы немного отвлеклись... Ну, что сказать? Вот у меня здесь товарищ хороший, Вася Ломоносов, вместе мы воюем. Когда, говорит, война кончится, в гости к вам приеду.

— Позови его, Шахро, обязательно пригласи к нам!

— Слышал, Васо?

— Как не слышать, Захар! Передай — обязательно приеду. Если доживем до победы...

— Мама, ты слышишь?! Обязательно, говорит, приеду...

Я возьму тебя летом на горное пастбище... Эх, Васо, там у нас совсем другая жизнь! Горы, воздух...

— У тебя много овец, Захар?

— Тысячу штук я оставил в бригаде.

— Сейчас, наверное, меньше стало...

Помолчали некоторое время. Наступило временное затишье, хотя невдалеке продолжали грохотать разрывы.

— У тебя хороший дом, Васо?

Василий с горькой улыбкой взглянул на друга, прислонился к стенке окопа, закрыл глаза и замотал головой. Ужасное воспоминание промелькнуло перед его глазами. Шахро мысленно выругал себя, вспомнив о постигшем друга несчастье, обнял его за плечи и прошептал виновато:

— Прости меня, Васо, прости...

— Бедная моя мать... даже похоронить ее было некому... так, наверное, и осталась под развалинами... — Василий сжал кулаки и с ненавистью глянул в ту сторону, где находились

боевые порядки немцев: — Ну, сволочи... ну, гады... добремся и мы до вас...

— Что ж ты замолчал, сынок мой? Скажи что-нибудь, Шакро, голос подай.. Уж не случилось ли с тобой чего?

— Ничего, мама!.. Это мы с «пяточка» по ту сторону Невы пригревшихся там фашистов выкуривали...

— Вайме, сыночек, не ранили ли тебя эти волки проклятые?

— Нет, мама, пронесло, как говорят... А как вы там?

— Я тебе носки связала, сынок. Тебе и твоим друзьям тоже связала... Нынче порадовал нас виноградник. На чердаке фрукты повесила для тебя сушить. Пусть хоть сгниют, пальцем их никто, кроме тебя, не коснется... И чурчхелы сделала, радость моя. В селении подарки для бойцов приготовили... Может, отдадите тем несчастным детям, что голодают в Ленинграде?.. Все, что есть у нас, все пошлем, сынок мой. Зачем только я живу родной мой? А вдруг ты голоден, куска во рту не держал много дней, а у меня полон амбар хлеба...

— Захар, о чем еще пишет твоя мать?

— Урожай винограда в этом году, говорит, хороший. Для тебя и твоих друзей, мол, связала шерстяные носки. И вино прислать обещает, и чурчхелы..

— А чачу? Спроси, а чачу, мол?

— Слышишь, мама? Васо просит чачи прислать.

— Бедные вы мои сыночки! Пришлю, конечно, пришлю и чачу!..

Месяц спустя арбошкцы прислали на имя Шакро Гугенашвили шерстяные носки, чачу, виноград и чурчхелы.

— Ох, как обрадовались парни мои, мама. Чурчхелы и виноград пальцем никто не тронул — все ленинградским детям отдали... Что с тобой, мама? Ты плачешь?!

— Эх, жаль голодных детей, сыночек... за что им такое?..

— Знаешь, мама, какие это дети... настоящие скелетики... Что ленинградцы вынесли в блокаду — в сказках не услышишь...

— Господи, помоги им, несчастным, смилуйся, господи!

— А помнишь, мама, до войны еще, возвращаясь с горного пастбища, я купил в городе картинку? Такой золотоволосый мальчик, маленький, невинный, голубоглазый. Эту картинку повесь в рамку божьей матери и молись на нее, слышишь, мама?

— Как можно, сынок, в рамку богоматери?! Ну, ладно, ладно, сын мой, как ты сказал, так и сделаю. Кто поможет вам остаться живыми и вернуться домой, тот и будет мне иконой...

Шли все более ожесточенные бои. Мать все реже получала весточки от сына. На войне — как на войне, чем жарче бои, тем меньше времени остается у солдата для себя. Не только письмо написать, порой даже подворотничок свежий подшить некогда. Наспех перекусил во время затишья, набил патронами два-три автоматных магазина — и снова разрывы снарядов, игра с огнем, с жизнью и смертью...

— Устала я ждать, сыночек. Почему ни словечка не напишешь, Шахро?

— Ох, мама! Умыться не всегда успеваю, не то что писать ма писать. Жарко стало у нас. Бьем фашистов и в хвост гриву!.. Да, можешь поздравить меня, сегодня я стал коммунистом...

— Благословляю, сын мой!.. И Гено тебя поздравляет. Обижается, говорит: сколько писем шлю Шахро, а он не отвечает.

— Еще немного, мама, потерпите все. Обязательно скоро отвечу... Скажи, мама, мой Карача все еще с бубенцами ходит?

— Да, сынок, у Карача на рогах и сейчас звенят твои бубенчики, а как же?!

И действительно, письма в Арбошики стали приходить почаще. Не проходило недели, чтобы соседки не завидовали матери Шахро. Мать радовалась, соседки завидовали, и неведомо им было, какой ценой оплачено Шахро это свободное время. Она не могла понять, что означают буквы ППГ, написанные рукою сына на солдатском треугольнике. А он писал ей письма, находясь после ранения в походно-полевом госпитале.

Бои шли на подступах к Пскову. Выйдя в тыл противнику, рота, в которой служил Шахро, готовилась нанести удар по фашистам. Чтобы не дать немцам возможности отойти на заранее подготовленные позиции, командир роты приказал бойцу Гугенашвили взорвать мост через реку и тем самым не дать форсировать водную преграду танкам противника. Шахро быстро выдвинулся в указанный район, подготовил взрывчатку и шнур, залег в небольшой лощинке и только хотел было поджечь шнур огнем самокрутки, как из лесу выскочил туполобый немецкий «Тигр». Разбрызгивая снег и грязь, танк на большой скорости приближался к мосту. Шахро поджег бикфордов шнур и понял, что танк может проскочить раньше, чем сработает заряд. Боец принял решение мгновенно: скрытый прибрежным кустарником, он бросился к мосту и, когда деревянный настил застонал под тяжестью многотонной стальной махины, швырнул под гусеницы связку гранат. Сам же Шахро свернулся клубком и покатился по откосу крутого берега. Он еще услышал большой силы взрыв и понял, что взрывчатка сработала вовремя. Другого взрыва он уже не слышал...

Лишь в госпитале Шахро Гугенашвили узнал, что произошло. Танк с перебитой гусеницей закрутился на месте, размалывая в муку бревна мостового наката, рванулся вперед, и в это время мост взлетел на воздух. Танк, подброшенный взрывом, встал вертикально в проломе моста и загородил собою реку. Потом взорвались баки с горючим, вслед за этим стал взрываться боезапас... Мост был напрочь блокирован, и рота получила возможность успешно выполнить боевую задачу.

— ..Каждый день молюсь твоему ангелу, сынок. Все, о чем ни попрошу, сразу сбывается. Да будет благословенно имя его и сила!

— Васо, слышал?! Моя мать пишет, что каждый день мо-
лится золотоволосому ангелу, — смеясь, рассказывал другу
Шакро.

— Ленин — Христос нашего века, Захар... Тетя Ольга,
твоего сына наградили орденом «Славы».

— Слава богу, сынок, значит, ты сделал что-то такое,
за что бог отмечает своих детей...

— Он танк немецкий подорвал, тетя Ольга, трижды ра-
нен был.

Мать представила себе страшное, рычащее дымом и
плюющееся огнем чудовище, которое пришлось ей видеть в
кино, и сердце ее больно сжалось.

— Трижды был ранен?! Вайме, вайме! Не напрасно бо-
лело мое сердце. Может, тебе, раненому, нужна была мате-
ринская ласка, а я спокойно ходила по земле, радовалась
твоим частым письмам... Значит, писал ты из больниц...

— Твои молитвы и любовь вылечили меня, мама.

— ...Сын Андрии домой вернулся, одну ногу потерял на
фронте, сынок. Теперь в колхозе работает...

— Счастливый он, мама, для него война кончилась. При-
вет ему передай...

— Помнишь почтальона Михако? Народ дрожал в страхе,
когда шел он по деревне. Ведь вместе с ним в дома приходи-
ла беда. Похоронки!.. Добрый старик знал это и потому при-
ходил к домам по ночам и молча оставлял похоронки на во-
ротах. Бедняга, и его судьба не обошла, не вынес он своей
доли вестника стольких несчастий... Испустил дух у ворот
собственного дома. В руках его нашли черную весть о его
собственном сыне...

— Бедный дядя Михако!..

— В село возвращаются парни, сынок.

— Я тоже скоро вернусь, мама... очень теперь скоро.

— Пастухи говорят, в этом году трава сочнее, чем преж-
де. Земля — и та радуется скорой нашей победе...

— Ну что, Захар, что пишет твоя мать? Как пожива-
ют твои барашки? — спрашивает Ломоносов, покусывая пыль-
ную травинку.

— Эх, друг Васо, всего половина отары осталась.

— От бескормицы передохли?

— Зарезали их, Васо. зарезали, чтоб накормить нас с
тобой... Их доля тоже есть в нашей победе...

— Да, Шакро. Трудно и долго мы шли к победе. Сколь-
ких людей потеряли, сколько добра разграбили и уничтожили
немцы. Наш народ все отдал, чтобы прогнать врага со сво-
ей земли... Эх, скорей бы победа и — по домам! Руки по ра-
боте тоскуют...

Они были уже в Берлине. Буйствовала весна, винтовоч-
ные выстрелы уже не могли заглушить пение птиц, облака
пожариц не в силах были скрыть солнца и голубого неба. И
было Девятое мая. Но слово «Победа» еще не прозвучало на
всех языках, оно еще только должно было родиться. А за
плечами у бойцов Шакро Гугенашвили и Василия Ломоносо-
ва уже была прорванная ленинградская блокада, освобож-

дение от немецких фашистов Карело-Финской республики, Польши, Чехословакии, Австрии. И на груди Шакро — ордена «Славы», орден Ленина и медали, медали, медали...

Послышалась какая-то беспорядочная стрельба, несколько не напоминавшая боевую стрельбу. Она нарастала, приближалась. Бойцы невольно схватились за автоматы. У соседнего дома артиллеристы, выставив в небо стволы карабинов, автоматов, винтовок, отчаянно и радостно палили в воздух. Что-то кричали, неразборчивое из-за шума и расстояния.

— Что случилось? — закричал Ломоносов.

— Победа, браток, победа!!! — заорал рыжий веснушчатый солдат, перебежавший от дома к дому.

Победа!.. Вот и дожили они до победы. До весны. До конца войны. До мира. До возвращения на родные пороги.

Но для Шакро Гугенашвили победа наступила лишь одиннадцатого мая. И целых два дня их соединение, брошенное на подавление эсэсовских частей, не признавших капитуляции, еще вело ожесточенное сражение. И каждый боец еще двое суток подвергался риску смерти, и далеко не все, уже вдохнув аромат победы, увидели ее мирное солнце и небо...

* * *

Едва сняв форму, солдат решил догнать отару, идущую на горное пастбище, и двинулся по дороге на Триалети. Торопился Шакро. Не мог дожидаться того сладкого мига, когда увидит своих овец. Он нагнал стадо у озера Тавпаравани. Пастухи встретили бригадира шумно, хватали за руки и наперебой обнимали и целовали его.

— Эгей, Каниха! — закричал Шакро и прислушался.

Собаки насторожились. Узнав голос бригадира, завиляли хвостами и двинулись к нему. Канихи среди них не было. Шакро взглянул на своих парней. Пастухи молча отводили глаза.

— Волки загрызли беднягу, — произнес наконец Ное Басилашвили.

— Он был как лев, — Шакро будто ножом полоснуло по сердцу.

— Каниха и вправду дрался как лев. Двух волков задушил, — тихо сказал Михако Ломидзе.

— Спасибо тебе, Каниха. Ты тоже сражался с врагом, мой верный друг...

Вдруг от собак отделился лохматый лопоухий пес, бросился на грудь Шакро и стал радостно лизать его лицо и руки.

— Мой Джабу, где ты был, где прятался, бессовестный?! Как ты мог допустить, чтоб проклятые волки растерзали Каниху?!

Джабу залаял, обиженно заскулил.

— Если бы не Джабу, волки порезали бы всю отару, — сказал Ное.

Шакро приласкал Джабу, собака притихла на груди хозяина.

— Эгей, эй, Карача! — громким голосом окликнул Шакро породистого козла с колокольчиками на рогах. Козел остановился, повернулся на звук голоса. Потом величественно задрал голову, отягощенную красивыми рогами, и почти побежал к Шакро. За ним бросилась и вся отара.

Солдат обнял козла за шею, ласково провел рукой по длинной седой бороде и прижал к груди. Козел радостно заблеял.

— Что, и к тебе тоже подкралась старость, мой умный вожак?

Шакро взял свою старую герлыгу с крюком на конце, просунул ее за спину между локтей, подставил грудь прохладному ветерку с триалетских гор и спокойным размеренным шагом двинулся впереди отары.

...С тех пор — вот уже тридцать шесть лет — он водит свою отару от иорских лугов до Триалети, и от Триалети до иорских лугов. По пятам за Шакро с гор в долину спускается весна. Он же уводит за собою в горы лето. Жизнь пастуха — дорога, возраст его — расстояния, пространство, горизонты...

Козлы—вожаки отары—стареют на этих дорогах, стареют и умирают. Их сменяют молодые вожаки, новое поколение. Но Карача бессмертен. От вожака к вожаку переходит это имя.

Аспиндзские горы покрылись белыми караванами — это вышли на их горбатые спины бесчисленные отары иорских овец. Пастухи оставили мирную весну на пастбище и двинулись в горы. Черные тучи, беспорядочно и грозно нависающие над горами, не нравились бригадиру. Ветер, стремительно несшийся, казалось, из-под самых снеговых туч, посвистывал, как вестник несчастья. «Все-таки не совсем ушла зима, — подумал Шакро, — сама ушла, а хвост свой проклятый оставила. Надо бы собрать отару покучнее, в такое время всего можно ждать».

Он погнал своего коня к вожаку стада.

— Эгей, Карача, куда ты ведешь отару? Ты что, не слышишь, как рычит гора? А ну, давай...

Вожак понял замысел бригадира и изменил направление движения стада.

— Ребята, скорей! Ветер крепчает, надо быстрее пересечь косогор. В такую погоду лучше держать овец под скалами, в укрытии. Зовите собак!

Пастухи бросились врассыпную в разные концы стада, за ними понеслись собаки, заворачивая овец к косогору. Бубенцы Карачи тревожно зазвенели. Овцы, почуяв недоброе, заторопились, сбились в кучу и понеслись вслед за вожаком. Ветер окреп, засвистал, завыл, обрушился на скалы, гнал по земле песок и мелкие камни.

«Как бы этот чертов ветер не сорвал овец в пропасть», — с тревогой подумал бригадир и приказал пастухам развернуться в цепь вдоль обрыва. Пастухи, выстроившись в ряд, палками согнали овец в кучу, так что теперь отара напоминала снежный ком. И этот тяжелый снежный ком надо

было загнать в скалы и не выпускать его оттуда. А ветер уже разгулялся так, что страх сковывал душу.

— Не отходить от скал, ребята! — закричал бригадир Михо, Ное, Махмад, сюда, сюда! Не дайте ветру выгнать стадо из-под скал! Эгей, Джабу, Алмаз, Лома!..

Собаки залились грозным лаем, налетели на откатившуюся от скалы отару и отчаянным лаем, предостерегавшим об опасности, вынуждали их вернуться под защиту скал. Самых упрямых, не щадя, кусали за ноги...

Пастухи, размахивая герлыгами, бегали вдоль обрыва. Жуткий свист и вой стояли вокруг. Ураганный ветер не утихал. Но люди все же побеждали стихию. Вместе с верными собаками они неприступной стеной встали на пути непогоды.

Вдруг Шахро заметил двух овец, которых ураган подхватил и тащил к обрыву. Шахро сорвался с места и бросился вслед за ними. Нагнал овец над самой пропастью, одну ухватил за рога, другую успел придержать за ногу и потащил в сторону, чтобы затолкать в расщелину в скалах. Опомнился он лишь тогда, когда, поднявшись на ноги, увидел разверзшуюся под ногами пропасть.

Тем временем пастухи вместе с Карачей вывели овец в безопасное место, надежно укрыли в лесу.

— Недобро встречают нас нынче триалетские горы, — тихо произнес лежащий у костра председатель колхоза Михаил Аладашвили, отправившийся на пастбище вместе с бригадой Шахро.

— Ну, в прошлом году тоже не хлебом-солью встречали, — проворчал в ответ Ное Басилашвили.

— Это уж точно, — подтвердил Шахро.

* * *

Шли годы. Весна сменяла зиму, лето — весну, осень — лето, зима — осень. Это круговращение напоминало Шахро мельничное колесо. Провернулось колесо на четверть — насыпали зерна, провернули еще на четверть — зерно превратилось в крупу, еще на четверть — мука грубого помола, еще четверть — тонкая белая. А за всеми этими поворотами — тяжелый труд человека, вращающего колесо. Его собственный труд тоже был сродни труду этого человека. Только результатом его труда были мясо, сыр, овечья шерсть. И круг его жизни состоял из тропинок, горных дорог по узким каменным карнизам, из подъемов и спусков, буранов и метелей, ураганных ливней — из всего того, что называется стихией. Противостояние стихии, борьба с нею и были смыслом жизни Шахро Гугенашвили. И он привык всегда выходить из этого противоборства победителем.

И когда говорят о том, что овцеводы Арбошикского колхоза хорошо потрудились в прошедшем году, юбилейном для всей Грузии, что они сдали государству 606 центнеров шерсти, 252 тонны мяса и вырастили на сто овцематок 85 ягнят, — это значит, что эти показатели сложились и благодаря его, Гугенашвили, овцеводческой бригаде. И вклад их был немалым. Ведь в его бригаде вырастили по 92 ягненка, сдали

государству 16,5 тонны мяса, настригли почти четыре с половиной тонны шерсти. Это — самые высокие показатели в колхозе. В нынешнем году пока еще не подводили итоги работы овцеводов, но уже по предварительному подсчету можно сказать, что бригада Шакро Гугенашвили значительно превысит свои прошлогодние показатели. Его овцеводы настригли по 3,2 килограмма шерсти от каждой овцы, а это значит, что они почти вдвое перекроют свой прошлогодний рекорд, сдадут стране около восьми тонн шерсти.

Вместе с бригадой Шакро на ферме трудятся и другие овцеводы. Бригады депутата Верховного Совета ГССР Амираана Аладашвили, Бичико Зубадалашвили, Иорама Гонашвили. Их успехи не намного, но все-таки уступают достижениям передовой бригады.

...В горах Триалети повеяло холодным дыханием осени. Арбошикские овцеводы заторопились домой. Разобрали палатки, погрузили походное имущество на арбы и подняли на ноги раздобревших от сытного корма овец.

Белый караван взял направление к теплым равнинам Кахети.

Они еще только отошли от места стоянки, еще продвигались по горному отрогу, как вдруг ранняя зима сыпанула густыми и колючими снегами. Утопая в снегу по брюхо, шли отяжелевшие отары... Белесый стелющийся туман полз навстречу, закрывая дороги и тропы.

Именно в такое время от пастухов требуется особая, граничащая с самопожертвованием, бдительность.

Они дошли до границ Цалки. Предстояло перевалить довольно сложный перевал Акудебули-ква. Прежде чем начать переход, надо было хорошенько проинструктировать пастухов. Шакро привстал на стременах и крикнул:

— Карача, стой!

Вожак послушно остановился и стал спокойно поджидать приближающуюся отару. К Шакро подъезжали пастухи. Гугенашвили дождался председателя колхоза.

— Председатель, я попробую пройти по Чочоке. Надо проверить, нельзя ли провести отару. Скоро вернусь. Трудно нам будет, если снег глубокий...

— Не ходи, Шакро, только время потеряем! Все равно одна дорога, а снегопад все усиливается, — подал голос Ное Басилашвили. — Что нам — привывать к снегам?

— Давай возьмем правее и полями пройдем к Цалке, — предложил председатель колхоза.

— Поля-то колхозные, у них там, наверное, посева. Не разрешат, — усомнился Ное.

— Значит, что — погубить овец?! — рассерженно воскликнул Аракс Измаилов.

— Пойдем. Будь что будет, — решительно ответил Михаил Аладашвили, поворачивая коня.

— Присмотрите кто-нибудь за отарой, я сейчас вернусь! — хлестнул коня плетью Шакро. Надо было все же осмотреть путь через Чочоку.

Не успел он скрыться в белом вихре, как прискакал взбудораженный заведующий фермой.

— Почему остановили отару? Где бригадир? Шакро,

— На Чочоку поднялся, посмотреть маршрут движения.

— Трудно ему одному будет, — сказал старший пастух и пустился вдогонку за Гугенашвили.

— Назад, назад! — закричал Шакро, выскакивая из снежной круговерти. — Этот путь непригоден. Только овец погубим. Надо сворачивать влево, пройдем полями и по дороге.

— Цалкинские не разрешат, Шакро!

— Не разрешат? Ты взгляни — на Чочоке снегу по брюхо. Овцы за час выбьются из сил — и все погибнут.

— Ты прав, Шакро, — заметил председатель. — Надо пустить отару узкой цепочкой, чтоб не повредить посевы. Двигай, веди за собой Карачу...

Зазвенели колокольчики на рогах вожака. Карача свернул с привычной трассы, осторожно и осмотрительно двинулся по полю. Цалкинские полевые сторожа бросились наперез отаре, замахали руками и ружьями.

— Остановите овец, эй, вы! Поворачивайте назад!

Собаки пугали сторожей, и потому они не решались действовать более решительно. Шакро воспользовался их замешательством и спокойно продолжал вести за собой Карачу.

— Эй, бригадир! Останови, кому говорят? Поля засеяны озимой пшеницей! — кричали сторожа, косо поглядывая на собак.

Отара шла по узкому проходу.

— Друзья, на Чочоке глубокий снег, — примирительно сказал заведующий фермой, — овцы выбьются из сил и замерзнут. Погибнет отара... Смотрите, как они осторожно идут, ну, прямо по ниточке. Пропустите, поймите наше положение.

Но просьба на сторожей не действовала. Верные своему хозяину, собаки поглядывали на бригадира, готовые по первому же знаку ринуться на защиту отары. Один из сторожей хотел схватить Карачу за рога, но грозный рык Джабу заставил его немедленно юркнуть за спины своих товарищей.

— Заворачивайте отару! — крикнул низенький толстяк-сторож, наводя ружье в грудь Шакро. Бригадир нахмурился:

— Ты это брось, уважаемый. Меня ружьем не испугаешь. На фронте и не такие в меня целили... Да и собаки мои не дадут тебе и пальцем пошевелить — растерзают! — и рассмеялся, — От тебя лишь мешок костей останется.

— Поворачивай назад, стрелять буду! — не отставал толстяк.

Заведующий фермой подскочил к нему почти вплотную, соскочил с коня и свирепо закричал:

— Эй ты, бурдюк с салом! Я тебя так отхожу твоим собственным ружьем, что в ширину станешь таким же, как в длину!.. Раскрой глаза — смотри: овцы идут строем, как солдаты!.. — бригадир ухватил ружье за ствол, рванул на себя и потряс ружьем в воздухе, замахиваясь на толстяка-сторожа:

— Ты что — в собственных владениях, что ли?! Или думаешь, что овцы мои собственные!..

С бранью и угрозами отступали сторожа:

— Вы ответите за это!

— Ответим, только не перед тобой...

Отара продолжала идти по узкому перешейку через поля...

Руководители Цалкинского района оказались понятливыми, вошли в чрезвычайное положение арбошских овцеводов и не стали возбуждать дело...

* * *

Едва усталый чабан задремлет под теплой буркой, как тотчас на крыльях сна прилетает к нему белый лебедь, который уносит его с собой в давно прошедшие времена. Задремавший Шахро покоем на широких крыльях лебедя-сна, и путь его был далек и долг — в грозную юность...

Он перенесся на десятки лет назад, в те времена, когда он, ровесник революции встал в ряды бойцов, защищавших ее завоевания... Перед глазами бойца вновь вставали эпизоды блокады Ленинграда, бои при освобождении Польши, Австрии, Чехословакии. Последние дни битвы за Берлин... Четыре долгих года войны, как четыре столетия растянулись они для Шахро Гугенашвили. Сейчас же, во сне, они мелькнули как четыре минуты...

Он увидел своего друга, боевого побратима Василия Ломоносова. Тот шел ему навстречу, такой же молодой, как и сорок лет назад, в выцветшей солдатской гимнастерке.

— Как я рад тебя видеть, Васо!

— Я тоже рад, Захар!

— Значит, не остыло твое сердце, Васо! Помнишь, там, «на пятачке», ты вынес меня, раненого, с поля боя на своей спине... Только благодаря тебе, Васико, я и остался жив...

— Ладно, что там — не преувеличивай. Я тебе тоже многим обязан... Бедный Нагибин!..

— Да, какой хороший был парень!

— Захар, ты женился на той девушке, что ждала тебя? На дочери Гено Мчедлишвили?

— Женился, Васо!.. У меня хорошая семья... дети... внуки...

— Как Триалети? Овец в твоей отаре стало больше?

— Конечно, парень! Сейчас в моей бригаде отара в две с половиной тысячи голов... Что говорить — люблю я свое дело. Триалети словно бы невидимыми веревками привязало меня к себе. Наваждение какое-то... Знаешь, у меня есть друг детства, Зураб Зубадалашвили, сейчас он известный врач, вместе школу кончали. Однажды он посоветовал мне сменить профессию. Очень рассердился я на него. Как это сменить? А кто вместо меня будет овец пасти? — спрашиваю. Кто, говорю, тебя поминать будет бараньими шашлыками?! Нашей стране, брат мой, пастухи нужны так же, как и врачи. И я люблю свою работу. А что человек любит всем сердцем, то и сидит крепко в его крови. Он в своем деле и врач, и инженер, и поэт! Да! Послушал бы ты, говорю ему, как мои пастухи природе триалетских гор расписывают, —

не всякий поэт может найти такие слова и краски!.. Зураб тогда засмеялся, обнял меня, извиняться стал: «Ты прав, до небес, мой Шакро...».

— Да, ты действительно прав, Захар!

— В прошлом году мы славно потрудились, Васо. От тысячи овцематок получили девятьсот семьдесят ягнят, шерсти настригли почти четыре с половиной тонны, а мяса овечьего сдали государству больше шестнадцати тонн. Клянусь детьми и внуками, Васико, я говорю с тобой так, будто Родине докладываю... В первую очередь нам с тобой надо о Родине заботиться. Она ведь нам ровесница — ну, вроде сестры. Все мы в один год и в один месяц родились. Росли вместе, мы с тобой защитили ее от врага...

— Ты прав, Захар, Родина нам и сестра и мать... В прошлом году я тоже не подвел ни тебя, ни ее. Хорошо поработал. Наградили меня орденом Трудового Красного Знамени.

— Мои труды тоже отметили, Васо. Раньше орден Ленина вручили, теперь вот — медаль «За доблестный труд»... А уж разных почетных грамот и дипломов — их вообще не счесть. Внучка моя старшая им счет ведет.

— Очень я рад за тебя, Захар, ты настоящий труженик. На фронте трудился так, что тобою гордились, и в мирное время идешь в первых рядах... Твоя отара сейчас, наверное, в Иорской долине?..

— Да, Васо, сейчас тут самая настоящая зима. Снега, метели. А у нас наступает самое горячее время. Сакман начнется. Не знаешь, что это? Ва! Овцы скоро ягнят приносить станут...

— Ты построил дом, Захар?

— А как же?! Не дом — целый дворец, дорогой. Вот когда приедешь с женой и детьми, клянусь — уступлю тебе весь второй этаж... Внуки, наверное, тоже у тебя есть? И для внуков места хватит!

— Не уложишь, как того гостя, на табуретках?!

Оба ветерана долго и со вкусом смеются.

— Положу каждого из вас в отдельной комнате, на мягких постелях. Не думай — скучно не будет. Хоть и в селении живем, но у нас все есть — и телевизор цветной («Иллюзион» посмотрим), и магнитофоны есть. Сын «Спидолу» принес. Все, что происходит на большой нашей земле, умещается в этом маленьком ящике...

Шакро улыбается счастливой улыбкой, а лебедь из сна продолжает носить его над теми городами и странами, по которым прошел и прополз он солдатом Великой Отечественной войны.

— Знаешь, как соскучился я по тебе, Васо, друг?!

— Приеду скоро, обязательно приеду!.. Тете Ольге привет...

Лицо Шакро помрачнело даже во сне. Ломоносов, видать, заметил эту внезапную перемену в настроении товарища, тревожно спросил:

— Что с тобой, Захар, что случилось?

— Случилось, дорогой Васо, случилось.. Такое случилось, друг мой, что я теперь самый старший в нашей семье. Ушла от нас тетя Ольга... Нет ее больше. Не поднеси тебе стаканчик чачи. А так хотела. «Шакро, мальчик мой, когда же приедет твой Васо Ломоносов?» — спрашивала... Не дождалась...

...Закутавшегося в бурку Шакро обдало февральской стужей, засыпало снежной крупой. Он перевернулся на другой бок, что-то пробормотал во сне. Постепенно морщины на лбу разгладились, на смену мрачному настроению пришла спокойная, теплая улыбка. Он шевельнулся, выпростал из-под бурки руку и взмахнул ею так, словно бы подзывал к себе кого-то. И этот кто-то, видимый ему во сне, подошел поближе — и на самом деле к Шакро подошел Ное Басилашвили — потряс бригадира за плечо и радостно закричал так, что Гугенашвили проснулся:

— Эгей, Шакро! Вставай—первая овца окотилась!

Шакро вскочил на ноги, запахнулся в бурку и поспешно кинулся к загону.

Начинался ранний окот.

Перевод Нодара ТАРХНИШВИЛИ

Сосо СТУРА

ВЫПОЛНЯЯ ВОЛЮ ПАРТИИ

К 10-ЛЕТИЮ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС
ПО ТБИЛИССКОМУ ГОРКОМУ ПАРТИИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ для нашей республики и имеющее общепартийное значение постановление ЦК КПСС «Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии по выполнению решений XXIV съезда КПСС», принятое в феврале 1972 года, поставило перед всеми идеологическими институтами Грузии новые ответственные задачи по идейному воспитанию трудящихся, по мобилизации всех духовных средств на решительное преодоление антиподных социализму негативных явлений во имя торжества ленинских принципов партийной и государственной жизни.

Исходя из исторических решений XXIV съезда нашей партии, в которых подчеркивается все возрастающая роль научной и творческой интеллигенции в коммунистическом строительстве, ЦК КПСС в своем постановлении о работе Тбилисского горкома партии выдвинул как первоочередную задачу «воспитывать работников науки, литературы и искусства в духе высокой ответственности перед обществом за свой труд, укреплять их связи с производственными коллективами»¹.

Центральный Комитет партии призвал идеологических работников, в том числе деятелей литературы и искусства, усилить работу по воспитанию трудящихся в духе братской дружбы народов СССР, советского патриотизма и социалистического интернационализма. ЦК КПСС потребовал решительно выступать против любых проявлений национализма и шовинизма, всесторонне раскрывать торжество ленинской

¹ «Коммунистическая партия Грузии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 4, Тб., 1980, с. 16—17.

3.12.2019 13:11

национальной политики, закономерности развития и солидарности социалистических наций, достижения советского народа в коммунистическом строительстве¹.

Эти установки Центрального Комитета нашей партии, опирающиеся на марксистско-ленинский анализ состояния идейно-воспитательной работы в республике, соответствуют повышенным требованиям к деятелям науки и культуры на этапе зрелого, развитого социализма.

Если в период строительства основ социализма, особенно в 20-е годы, происходил сложный процесс перехода всей творческой интеллигенции на советские, марксистско-ленинские позиции и партия уделяла огромное внимание идейно-воспитательной работе среди деятелей культуры, то в переходный период от социализма к коммунизму гигантская армия работников литературы и искусства сама идет в фарватере духовного воспитания народа, формирования нового советского человека, человека коммунистического общества. Это, конечно, вовсе не означает, что партия в какой-то мере ослабляет свое руководство областью художественной культуры или прекращает идейно-воспитательную работу в среде деятелей литературы и искусства. Речь идет о том, что на современном этапе воздействие литературы и искусства на массы в силу роста их благосостояния и культуры становится все более эффективным и глобальным. Советское искусство и литература, самые передовые и идейные в мире, воздействуют одновременно на сознание и чувства самого массового читателя и зрителя в мире, вторгаются в сферу интеллекта и эмоций десятков миллионов людей разных возрастов и профессий. Это и обуславливает общественно-политическую значимость художественного творчества в нашей стране, ту серьезную ответственность перед народом и партией, о которой напоминает ЦК КПСС в постановлении о работе Тбилисского горкома.

XXVI съезд нашей партии наряду с дальнейшей демократизацией в области партийного руководства творческими процессами вновь провозгласил незыблемость ленинского принципа партийности, классовости литературы и искусства. В отчетном докладе Центрального Комитета партии съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул:

«Проявление безыдейности, мировоззренческая неразборчивость, отход от четкой классовой оценки отдельных исторических событий и фигур способны нанести ущерб творчеству даже даровитых людей. Наши критики, литературные журналы, творческие союзы и в первую очередь их партийные организации должны уметь направлять тех, кого заносит в ту или иную сторону. И, конечно, активно, принципиально выступать в тех случаях, когда появляются произведения, порочащие нашу советскую действительность. Здесь мы должны быть непримиримы. Партия не была и не может

¹ См. «Коммунистическая партия Грузии в резолюциях...», т. 4, с. 17.

быть безразлична к идейной направленности нашего искусства»¹. Вместе с тем Л. И. Брежнев указал, что нужно добиваться того, чтобы актуальностью темы не прикрывались серые, убогие в художественном отношении вещи, чтобы герои произведений не замыкались в кругу мелочных дел, а жили заботами своей страны, жизнью, наполненной напряженным трудом, настойчивой борьбой за торжество справедливости и добра.²

Выступая с отчетным докладом на XXVI съезде Компартии Грузии, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии товарищ Э. А. Шеварднадзе отметил:

«Заметно возросли идеологический эффект, идеологическая функция литературы и искусства. Происходит процесс интеграции, взаимопроникновения воспитательных ценностей, сугубо партийного, идеологического феномена, с одной стороны, и литературы и искусства, с другой, в деле формирования мировоззрения, эстетического вкуса, всего духовного мира нашего современника.

Тот факт, что в наши дни товарищ Л. И. Брежнев обратился к литературному жанру и написал замечательную, отмеченную Ленинской премией трилогию, говорит о том, как высоко ценит партия роль литературы и искусства»³.

Претворяя в жизнь постановление ЦК КПСС о партийной организации нашей республики, Центральный Комитет Компартии Грузии наметил и осуществил развернутый комплекс мероприятий по подъему экономики и культуры Грузинской ССР, по восстановлению и утверждению ленинских норм и принципов партийной и государственной жизни, по решительному искоренению таких негативных явлений, как хищения социалистической собственности, взяточничество, вымогательство, карьеризм, бюрократизм, протекционизм, отжившие, устаревшие традиции и обряды и т. д.

В этом многогранном комплексе мероприятий исключительно важная роль предназначалась литературе и искусству, многочисленному и высококачественному отряду творческой интеллигенции республики.

Следует отметить, что деятели художественной культуры республики сначала же и с большим воодушевлением поддержали мероприятия Центрального Комитета Компартии Грузии по претворению в жизнь известных постановлений ЦК КПСС. Характерно, что до принятия постановления ЦК КПСС о работе Тбилисского горкома партии даже те немногие произведения литературы и искусства, в которых бичевались те или иные отрицательные стороны действительности,

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 84.

² Там же.

³ Э. А. Шеварднадзе. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии. Доклад XXVI съезду Компартии Грузии, Тб., 1981, с. 88—89.

резко осуждались бывшим руководством республики, а их авторы, как правило, впадали в немилость. Была даже выработана специальная «теория», согласно которой запрещается накладываться запрет на критическую направленность художественных произведений. Суть этой «теории» состоит в том, что художественное произведение в отличие от критической корреспонденции, фельетона отличается свойством типизации, обобщения. В силу этого критическая направленность художественного произведения легко может вылиться в очернительство, в клевету на нашу действительность. Следует отметить, что любое стоящее произведение литературы и искусства на самом деле обладает свойством типизации, обобщения, но это вовсе не означает, что типизируется, обобщается именно та негативная сторона действительности, которая изображена в произведении. Тут все дело в позиции автора, художника. **В произведении, созданном с классовых, партийных позиций, типизируется, обобщается именно принцип непримиримой борьбы с негативным явлением.** Это является главным и определяющим в тенденции такого творения — отсюда жизнеутверждающий, оптимистический пафос произведения. Взять, к примеру, сатирические произведения наиболее партийного творца советской эпохи — Владимира Маяковского. Кто сильнее и беспощаднее него бичевал такие негативные явления, как карьеризм, бюрократизм, пьянство, хулиганство, тунеядство и т. д.? Но разве эти произведения развенчивают наше общество? Наоборот, они активно защищают устои нового, бесклассового общества от любых пережитков прошлого, типизируют и обобщают формы и методы борьбы с этими пережитками. Вопрос заключается в том, с каких позиций критикуем мы те или иные недостатки, какие цели преследуем этой критикой, по какую сторону идейных баррикад находится художник. Отщепенец Солженицын тоже критикует советскую действительность, но за этой критикой отчетливо виден звериный оскал матеревого классового врага Советской власти. Еще на заре Советской власти великий Ленин прозорливо отмечал, что в жертву лозунгу свободы критики нельзя приносить интересы коммунизма. Договорившись о свободе критики, указывал Владимир Ильич, не мешало бы заняться и ее содержанием. Вождь мирового пролетариата считал недопустимой критику, расшатывающую основы социализма.

В отдельных произведениях грузинских писателей и кинематографистов были выведены стяжатели и хапуги, было показано отрицательное отношение общества к этим антиподам социализма, однако авторы тогда не получили поддержки и подверглись неза заслуженной критике.

Центральный Комитет Компартии Грузии, претворяя в жизнь установки ЦК КПСС на скорейшее преодоление любых негативных явлений, снял «запрет» с критического пафоса в художественном творчестве. Это, конечно, не означало, что ЦК КП Грузии рекомендовал деятелям литературы и искусства сосредоточить все внимание на отрицательных сторонах действительности и отказаться от поисков создания полнокровного образа современного положительного героя.

Сама жизнь выдвинула таких положительных героев-коммунистов 70-х годов, которые своей непримиримой борьбой со всем старым и отжившим, своим подвижническим трудом восстановили престиж республики, приумножили честь и славу грузинского народа, Компартии Грузии.

Наиболее выпуклыми и яркими образами, которые, можно смело сказать, решают сложную проблему создания полнокровного современного положительного героя, являются образы коммуниста-писателя Бачаны Рамишвили в романе Нодара Думбадзе «Закон вечности», удостоенном Ленинской премии, и партийного руководителя Георгия Торели в кинофильме Резо Чхеидзе «Твой сын, земля». Эти образы были бы невозможны в грузинской литературе и искусстве шестидесятых годов, это было бы выдумкой, натяжкой, фальшью. Повторяем, сама жизнь, обстановка, сложившиеся в республике за последние годы, выдвинули таких незаурядных героев, которые зажили активной, боевой жизнью на страницах книг и на экране.

Об идеологическом воздействии этих образов на человека хорошо сказал товарищ Э. А. Шеварднадзе на XXVI съезде Компартии Грузии:

«Какие лекции, доклады, диспуты, симпозиумы могут заменить идеологический эффект, скажем, кинообраза Георгия Торели, нового типа секретаря райкома партии? Или известного стихотворения о коммунистах, ставшего поистине всенародным?! Или романа в стихах о дружбе с русским народом?! Или же вечного закона нравственного бытия, открытого коммунистом Бачаной Рамишвили?! Речь идет не о противопоставлении средств воздействия на сердца и умы людей в системе партийной пропаганды и в сфере искусства. У пропаганды больше возможностей непосредственно доносить идеи до масс, а у искусства — те же идеи сделать достойным масс через художественные образы с положительным эмоциональным накалом и надолго»¹.

В чем жизненность и типичность таких героев, как Георгий Торели и Бачана Рамишвили? Прежде всего в том, что они живут и действуют в типических обстоятельствах, а не в выдуманных волей авторов ситуациях. Эти типические обстоятельства — именно та бескомпромиссная борьба, которую ведет Компартия Грузии во имя полного торжества ленинских идеалов. Торели и Рамишвили не супермены, не сверхчеловеки. У них есть свои слабости, колебания, сомнения. Им приходится преодолевать огромные трудности — активное сопротивление антиподных социализму элементов, пассивность довольно значительной части населения, враждебность кое-где оставшихся в верхах горе-руководителей, но жизнь уже невозможно повернуть вспять — тенденция решительного искоренения всего того, что несовместимо с коммунистическими идеалами, является главной, определяющей тенденцией. Это придает богатырскую силу скромному

¹ Э. А. Шеварднадзе. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии. Доклад XXVI съезду Компартии Грузии, с. 89—90.

на вид тихоне Георгию Торели, это придает неиссякаемый запал идейности и боевитости сраженному инфарктом Баяне Рамишвили. Образы Торели и Рамишвили художественно воплощают тенденцию, четко, с научной глубиной сформулированную на XXVI съезде Компартии Грузии:

«...вторую половину 70-х годов можно считать переходом к окончательному и необратимому утверждению в республике положительных экономических, социальных, политических, нравственно-психологических процессов, начавшихся после известного постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии»¹.

Борьба за утверждение высокой нравственности и морали велась в искусстве и методом беспощадной сатиры. Достаточно назвать такие спектакли театра имени Руставели, как «Кваркварэ» и «Кавказский меловой круг», поставленные режиссером Робертом Стурау. Всемирный резонанс грузинского театрального искусства, конечно, не является случайностью. Он — закономерный результат тех положительных сдвигов в общественной жизни и культуре нашей республики, которые имели место за последние годы.

Центральный Комитет КПСС высоко оценил деятельность грузинской творческой интеллигенции по утверждению в республике ленинских норм и принципов партийной и государственной жизни.

В постановлении ЦК КПСС от 24 июня 1976 года «О ходе выполнения партийной организацией Грузии постановления ЦК КПСС об организаторской и политической работе Тбилисского горкома партии» говорится:

«В деле идейно-политического и нравственного воспитания ощутимо повысилась роль средств массовой информации, творческих союзов, учреждений культуры и искусства. Писатели, художники, композиторы, работники театра и кино Грузинской ССР вносят свой достойный вклад в дальнейшее развитие социалистических по содержанию, интернационалистских по духу и национальных по форме литературы и искусства. За последние годы создан ряд талантливых произведений, в которых с партийных позиций дается глубокий анализ общественных явлений современности, воспеваются героика и пафос трудовых свершений, активная гражданская позиция и высокие моральные качества людей труда»².

В статье «В семье единой», опубликованной в «Литературной газете» от 25 октября 1978 года в канун Дней советской литературы в Грузии, Э. А. Шеварднадзе отмечал:

«Заботливое отношение и постоянное внимание к художественной интеллигенции дали свои положительные результаты. Сегодня мы с полным основанием можем говорить о значительных успехах грузинской советской литературы, о значительном росте ее авторитета на всесоюзной арене, о це-

¹ Э. А. Шеварднадзе. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии. Доклад на XXVI съезде Компартии Грузии, с. 4.

² «Коммунистическая партия Грузии в резолюциях...», т. 4, с. 36.

лом ряде интересных произведений, авторы которых целеустремленно, философски осмысленно, не только как аналитики, но и как борцы раскрывают миру небывалый и невиданный процесс становления нового человека, процесс социальный в самых тонких своих психологических проявлениях».

В своем выступлении на торжественном заседании, посвященном 60-летию Грузинской ССР и Компартии Грузии, товарищ Л. И. Брежнев отметил взлет художественного творчества в республике за последние годы. Он подчеркнул, что в этом играет роль «направляющая деятельность ЦК Компартии Грузии, который нашел верный тон в работе с мастерами культуры, помогает им, активно способствует их творческому поиску»¹.

Как уже было отмечено, Центральный Комитет нашей партии в своих известных постановлениях о партийной организации Грузии уделил важное внимание вопросам усиления всей работы по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся. В решении этой благородной задачи наряду с другими идеологическими институтами первостепенная роль отводилась литературе и искусству.

В августе 1975 года Центральный Комитет Компартии Грузии принял постановление «О работе Союза писателей Грузии по усилению интернационального и патриотического воспитания трудящихся, их мобилизации на успешное выполнение заданий девятой пятилетки и достойную встречу XXV съезда КПСС».

Принятию данного постановления предшествовала содержательная работа правления Союза писателей Грузии, его партийной организации. Были приняты действенные меры по укреплению руководства отделений и секций Союза писателей, советов по абхазской и осетинской литературе, редакций и редакционных коллегий литературно-художественных журналов, альманахов, газеты «Литературули Сакартвело». При Союзе писателей Грузии были созданы Главная редакционная коллегия по делам перевода и литературных взаимосвязей, а также бюро пропаганды художественной литературы. Стали выходить новые альманахи «Критика», «Саундже», «Гантиади»².

В Грузии часто стали проводиться всесоюзные и республиканские совещания, семинары, пленумы литераторов, интернациональные вечера.

В своем постановлении Центральный Комитет Компартии Грузии отметил, что грузинская писательская организация «горячо поддержала мероприятия республиканской партийной организации по преодолению отставания в сфере экономики, оздоровлению нравственно-психологического климата, коренному улучшению интернационального и патриотического воспитания трудящихся. Повысился авторитет Союза писателей республики среди широких масс трудящихся. Творческие си-

¹ «Ленинская дружба народов», М., 1981 г., с. 17—18.

² «Коммунистическая партия Грузин в резолюциях...», т. 4, с. 425—426.

лы, бесспорно, повернулись лицом к проблемам современности, возросла их общественная активность»¹. ЦК КП Грузии констатировал, что в целом в литературном творчестве писателей наметились четкая направленность к более глубокому анализу жизненных явлений, отказ от поверхностного, эмпирического описания действительности, стремление проследить глубинные течения жизни, тенденции ее развития. Лучшие художественные произведения последнего периода несут большой идейный и эмоциональный заряд, способствуют росту политической и трудовой активности масс, формированию их духовного облика, патриотического и интернационального сознания².

«Считая одним из важнейших звеньев интернационального, патриотического и эстетического воспитания трудящихся процесс взаимообогащения литератур братских народов СССР, — сказано в настоящем постановлении, — и придавая особое значение урегулированию и дальнейшему развитию переводческой деятельности, необходимо постоянно укреплять творческое сотрудничество с писателями братских республик»³.

Данное постановление Центрального Комитета Компартии Грузии сыграло важную роль в усилении участия писателей и всей творческой интеллигенции республики в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся.

Компартия Грузии провела значительную работу по обогащению теоретического арсенала научной и творческой интеллигенции республики. Важное значение в этом плане имела состоявшаяся в Тбилиси в октябре 1976 года всесоюзная научно-практическая конференция на тему: «Осуществление ленинской национальной политики и актуальные вопросы интернационального воспитания в свете решений XXV съезда КПСС».

Коснувшись в своем докладе на конференции диалектики национального и интернационального в советском обществе, товарищ Э. А. Шеварднадзе отметил, что сближение наций, так же как и расцвет наций, является главной тенденцией мирового закона социализма в области национальных отношений⁴. Докладчик ознакомил участников конференции с большой и плодотворной работой, которую проводят партийные организации, идеологические учреждения, творческая интеллигенция республики по воспитанию трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма.

«Социализм, — сказал в заключение своего доклада товарищ Э. А. Шеварднадзе, — породил новый тип патриотизма, который подразумевает любовь и уважение не только к своему, национальному, в прямом понимании слова, но и любовь и верность к социалистическому, интернациональному,

¹ «Коммунистическая партия Грузии в резолюциях...», т. 4, с. 424—425.

² Там же, с. 427.

³ Там же, с. 429.

⁴ «Заря Востока», 4 декабря 1976 г.

советскому, общественному. Именно в этих понятиях осуществляется все прогрессивное, что сохранило национальное до наших дней.

Очень важно подчеркнуть, что национальной чертой является не только то, что отличает нации друг от друга, но и те черты, которые сближают и объединяют нации.

Новый тип, социалистический тип человека, обретает новый образ жизни, новую психологию, новую культуру. Для русского Родиной является не только РСФСР, но и весь Советский Союз, для грузина нового времени, эпохи социализма, его Родина не только Грузинская ССР, но и весь СССР. И это не только положение. Это основа основ нового образа жизни»¹.

Центральный Комитет Компартии Грузии постоянно держит в поле своего зрения вопросы переводов произведений писателей братских и зарубежных стран и литературных взаимосвязей.

«Идеально было бы, — писал в свое время Алексей Максимович Горький, — если бы каждое произведение каждой народности, входящей в Союз, переводилось на языки всех других народностей Союза. В этом случае мы все быстрее научились бы понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга, а это понимание, разумеется, очень ускорило бы процесс создания той единой социалистической культуры, которая, не стирая индивидуальные черты лица всех племен, создала бы единую, величественную... и обновляющую весь мир социалистическую культуру»².

Это гениальное пророчество А. М. Горького сбылось благодаря неуклонному осуществлению мудрой ленинской национальной политики КПСС, поистине творческому подвигу советских писателей, обеспечивших перевод и издание лучших произведений братских литератур.

Компартия Грузии, опираясь на богатые, плодотворные традиции литературных взаимосвязей Грузии с другими братскими республиками, заложенные выдающимися писателями старшего поколения, максимально способствует их дальнейшему углублению и развитию.

В июле 1979 года Центральный Комитет Компартии Грузии принял постановление «О работе Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей Грузии и задачах по дальнейшему укреплению интернациональных литературных взаимоотношений».

ЦК КП Грузии констатировал, что, претворяя в жизнь решения XXV съезда партии, постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», постановления ЦК КПСС о Грузинской партийной организации, Союз писателей Грузии и его Главная редакционная коллегия по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей проделали значительную

¹ «Заря Востока», 4 декабря 1976 г.

² М. Горький. Собр. соч., т. 30, с. 365—366.

работу по воспитанию трудящихся в духе высокой идейности и преданности социалистической Родине, советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Руководствуясь постановлениями ЦК КП Грузии о работе Союза писателей Грузии по интернациональному воспитанию трудящихся, постановлением ЦК КП Грузии и Совета Министров Грузинской ССР о состоянии и мерах улучшения переводческого дела, Главная редакционная коллегия по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей Грузии добилась заметных успехов в активизации творческих сил переводчиков и при активной поддержке Союза писателей и издательств Грузии способствовала повышению художественного уровня переводов в республике, осуществила целенаправленную деятельность по налаживанию и упрочению деловых творческих контактов с писателями и литературно-издательскими организациями братских республик и зарубежных стран, приобрела организационно-структурную стабильность, определила формы и методы своей работы¹.

В данном постановлении отмечено, что редакционная коллегия приступила к осуществлению рассчитанного на длительный период плана издания на грузинском, абхазском и осетинском языках лучших произведений русской литературы, литератур народов СССР и зарубежных стран, развернула последовательную деятельность по переводу и изданию произведений грузинской, абхазской и осетинской литератур, особенно современных авторов, на русском языке, на языках народов СССР и зарубежных стран.

«В последнее время, — сказано в настоящем постановлении ЦК КП Грузии, — значительно расширилась работа Союза писателей Грузии по дальнейшему укреплению интернациональных литературных взаимосвязей. Встречи деятелей литератур народов СССР носят все более деловой характер, оставляют глубокий след в культурной жизни республики. Успешно прошли Дни советской литературы в Грузии под девизом «Интернационализм многонациональной советской литературы в эпоху развитого социализма», по своему значению, уровню организации, разнообразию форм и глубокому содержанию заслужившие высокую оценку как одно из важных культурных и политических событий в жизни страны, способствующие дальнейшему укреплению литературных взаимосвязей, связи литературы с жизнью, единству организационной, хозяйственной и идеологической работы, политического, трудового и нравственного воспитания трудящихся»².

Отмечая большое политическое значение дальнейшего укрепления интернациональных литературных взаимосвязей в деле углубления и расширения взаимовлияния и взаимообогащения социалистических культур, еще большего сближения братских народов СССР, Центральный Комитет Компартии Грузии обязал Союз писателей республики и его Глав

¹ «Коммунистическая партия Грузии в резолюциях...», т. 4, с. 942—943.

² Там же, с. 943—944.

ную редакционную коллегию в своей повседневной организаторской и творческой работе неуклонно руководствоваться историческими решениями XXV съезда партии, постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», указаниями Л. И. Брежнев, постановлениями ЦК КП Грузии по вопросам интернационального воспитания трудящихся, по улучшению переводческого дела в республике, бороться за проведение в жизнь ленинского учения о партийности, классовости и народности художественной литературы.

«В условиях острой идеологической борьбы, — подчеркнуто в постановлении, — необходимо воспитывать трудящихся, творческую интеллигенцию в духе коммунистической убежденности, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, считая дело художественного перевода и литературных взаимосвязей важным оружием сплочения народов нашей страны в борьбе за коммунизм, за утверждение высоких гуманистических идеалов»¹.

ЦК КП Грузии призвал анализировать тенденции развития современной советской литературы, давать правильную партийную оценку процессам, происходящим в зарубежной литературе, пропагандировать прогрессивные течения и разоблачать неприемлемые, вредные нашему обществу тенденции, оперативно реагировать на живой литературный процесс, своевременно осуществлять переводы новых, наиболее интересных произведений. Центральный Комитет заметил также ряд организационных мероприятий, направленных на улучшение деятельности Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей Грузии.

Одной из действенных форм воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма стало у нас всенародное празднование юбилеев великих писателей, деятелей культуры, мыслителей и общественных деятелей. Эти юбилеи, которые благодаря отеческой заботе Центрального Комитета КПСС, его верности мудрой ленинской национальной политике приобретают, как правило, всемирное звучание, неизменно выливаются в триумф ленинских идей дружбы и братства народов, служат благородному делу широкой пропаганды культур братских народов СССР, взаимообогащения и сближения литературы и искусства всех республик Советского Союза, еще более тесного единения всех наций и народностей нашей великой Родины. Обращение к творчеству и жизни наших великих предшественников, широкая популяризация их бессмертного наследия уже сами по себе являются эффективным средством интернационального воспитания людей, так как творения этих титанов проникнуты высоким гуманизмом, идеалами дружбы и братства народов, ненавистью и презрением к мракобесию, реакции, любым формам социального и национального угнетения.

¹ «Коммунистическая партия Грузии в резолюциях...», т. 4, с. 944—945.

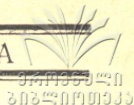
Таким юбилеям, как правило, предшествует большая научно-исследовательская и переводческая работа во всех республиках, в результате чего сокровищница культуры всех народов нашей страны обогащается лучшими образцами братской культуры того или иного народа. Во время юбилейных торжеств, которые проходят по всей стране, имеют место дружеские встречи, совместные мероприятия не только деятелей литературы и искусства, ученых, но и представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, всех социальных групп, что в значительной мере способствует сближению советских наций и народностей, укреплению в них чувства общесоветского патриотизма, подлинного интернационализма.

С чувством глубочайшей благодарности и признательности следует отметить решающую роль ЦК КПСС, его Политбюро, лично товарища Л. И. Брежнева в проведении этих юбилеев во всеоюзном и всемирном масштабах. ЦК КПСС и Совет Министров СССР добиваются, чтобы Всемирный Совет Мира, ЮНЕСКО и другие международные организации обеспечивали празднование юбилеев наших великих писателей и мыслителей прошлого во всех странах мира. Разве это не есть еще одно блестящее подтверждение подлинного торжества мудрой ленинской национальной политики, постоянной заботы Центрального Комитета нашей партии о расцвете и сближении социалистических культур всех народов СССР?

К сведению вконец изолгавшихся трубадуров буржуазной пропаганды и эмигрантского охвостья, любящих разглазговать о том, что Коммунистическая партия не заботится о развитии национальных институтов народов СССР, следует сказать, что никогда, ни в одну эпоху творчество великих сынов того или иного народа не имело такого большого внутреннего и международного звучания, как в нашу социалистическую эпоху, ни одно государство, ни одна партия не обеспечивали такого широкого всенародного признания своих великих предшественников, как наше социалистическое государство, наша славная Коммунистическая партия. Деятели прошлого, чьи юбилей отмечаем мы сегодня, не могли и мечтать о таком широком всемирном резонансе, о том, чтобы их творения зазвучали не только на десятках языков народов СССР, но и на многих иностранных языках.

* * *

Прошло 10 лет со дня принятия исторического для нашей республики постановления ЦК КПСС «Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии по выполнению решений XXIV съезда КПСС». За это десятилетие многое изменилось в экономической и культурной жизни Грузинской ССР. Один из важнейших итогов деятельности Компартии Грузии за этот период — оздоровление морально-психологического климата в республике. Партийная организация Грузии сумела мобилизовать все отряды творческой интеллигенции на выполнение этой исключительно ответственной задачи.

Валериан МАЧАРАДЗЕ,
Сергей ПОВАЛЬНИКОВ

ПОДЛИННИК РУССКО-ГРУЗИНСКОГО ДОГОВОРА 1783 ГОДА

ГЕОРГИЕВСКИЙ трактат как документ большой исторической важности с давних пор привлекает к себе внимание историков, и ему посвящено немало работ, однако описанием его внешних особенностей и изучением структуры и формы этого трактата, т. е. исследованием его с точки зрения дипломатики, палеографии, сфрагистики и т. д. еще никто не занимался. Правда, А. Цагарели в предисловии к вышедшему в 1898 году под его редакцией сборнику документов¹ затрагивает вопрос внешнего вида этого акта, но допускает при этом немало ошибок, из которых укажем только на две: во-первых, он не проводил различий между экземплярами договора и его ратификационной грамотой (ратификацией), и поэтому осуществленное им упрощенное описание ратификационной грамоты он выдает за описание договора (в изданном им сборнике он поместил текст ратификации², но выдал его за текст договора). Во-вторых, А. А. Цагарели был неправ, утверждая, что текст договора «писан церковным (хуцури) — строчными буквами»³. Грузинский текст договора (основной текст — преамбула, 13 основных и 4 сепаратных статьи) написан гражданским письмом (мхедрули), за исключением дополнительной статьи, которая написана смешанным письмом (мхедрули и хуцури)⁴; а текст ратификации, который издал А. Цагарели, написан смешанным письмом (основная часть ратификации написана гражданским письмом, и лишь отдельные слова, а иногда и строки — церковным)⁵.

В настоящей работе прежде всего преследуется цель описания внешних особенностей экземпляра Георгиевского трактата с грузинской стороны и органически связанных с ним документов, составленных на грузинском языке и ныне хранящихся в Архиве внешней политики России Историко-дипломатического управления МИД СССР. К их числу (этого рода документов) относятся: 1) полномочия на подписание договора, выданные царем Ираклием II Багратиону И. К. и Чавчавадзе Г. Р.; 2) экземпляр договора с грузинской стороны, состоящий из 13 статей основного текста, четырех отдельных (сепаратных) статей, образца текста присяги, которую Ираклий должен был принести после утверждения договора, и одной дополнительной статьи.

ПОЛНОМОЧИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТОРОН
НА ВЕДЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ И
ПОДПИСАНИЕ ДОГОВОРА

Заключению Георгиевского трактата предшествовало назначение уполномоченных сторон на ведение переговоров и подписание договора и выдача им специально оформленных для этой цели документов, так называемых полномочий. Перед открытием переговоров полномочия были взаимно разменены (т. е. полномочия представителей Картли-Кахети были вручены представителям России, а полномочия представителей России — представителям Картли-Кахети).

Уполномоченным со стороны России был назначен видный государственный деятель того времени Григорий Александрович Потемкин, которому разрешалось, в случае его отсутствия, «избрать и снабдить полною мочью от себя, кого он заблагорассудит». Потемкин Г. А. действительно не участвовал в переговорах, по его поручению их вел его родственник (двоюродный брат) Павел Сергеевич Потемкин — в то время командующий Кавказской линией. К сожалению, полномочия представителей России, переданные 19 июля 1783 года грузинской стороне, не сохранились⁶. По-видимому, они были утрачены в последующие годы⁷, однако из преамбулы договора можно судить об их содержании.

Со стороны царства Картли-Кахети полномочными представителями были назначены князь Иоанн Багратиони и князь Гарсеван Чавчавадзе. Подлинник выданных им полномочий хранится в Архиве внешней политики России⁸. Документ написан на бумаге большого формата (размер полулиста 53,0 x 37,2 см) голландского производства. Происхождение бумаги определялось по водяным знакам — на левом полулисте изображены фамилия и имя владельца бумагоделательного предприятия: Vander Lei, а на правом — изображение лилии на щите под короной («страсбургская лилия»).

Полномочия написаны на грузинском языке гражданским, или светским письмом (мхедрули), чернила черные. Почерк писца аккуратный. Текст полномочий занимает лишь одну неполную страницу полулиста (размер части полулиста, занимаемой текстом, составляет 38 x 31 см).

Текст на листе размещен аккуратно, строчки текста ровные. Расстояние между строками 0,1—0,2 см. Размер букв по высоте составляет 1,2—1,4 см. Поля ровные (равномерной ширины) и составляют: левое и верхнее 5,7 см, правое—0,5 см и нижнее, где расположены печать и подписи, — 11,5 см.

Полномочия заверены подписью и печатью Ираклия II. Кроме подписи Ираклия II, внизу справа имеются также подписи князей: Давида Орбелиани и Каихосро Чолокашвили. Сургучная печать (имеется в виду отпечаток на сургуче красного цвета), которой скреплена подпись Ираклия II, представляет особый интерес, поскольку в соответствующей литературе она не описана, а фотографический снимок ее еще не публиковался. Мы будем условно называть ее **Большая гербовая печать царства Картли-Кахети**⁹, хотя известно, что для скрепления ратификационной грамоты Георгиевского трак-

тата была употреблена специальная печать гораздо больших размеров. Других случаев употребления этой специальной печати пока не обнаружено.

УДК 94(075)
302.01(033)

Большая гербовая печать¹⁰ имеет форму круга диаметром 4,1 см, в котором на фоне мантии изображен герб царства и корона. В гербе центральное место занимает щит (размер 2,1 x 1,8 см), разделенный на четыре равные части (щиты) меньшего размера. В центре большого щита (поверх меньших щитов) расположен еще один небольшой щит (размером 8,5 x 9,5 мм), на котором изображен св. Георгий (Георгий Победоносец) на коне с копьем, разящий змея. В левой верхней части большого щита изображена фигура в виде шара с крестиком наверху («держава» — символ царской власти), в правой верхней части — музыкальный инструмент, похожий на арфу (лиру): в нижней левой части — праща (древнее ручное оружие для метания камня), в правой нижней части — крестообразно положенные скипетр и сабля. По обеим сторонам (слева и справа) большого щита — два стоящих на задних лапах льва. Внизу большого щита — орнамент, а сверху — корона. Печать обрамлена кругом из точек.

Авторы этой работы сопоставляли имеющуюся на полномочиях печать с известными гербами Багратионов, различие было очевидным. Например, в отличие от родовых гербов Багратионов, имеющих в рукописном труде царевича Вахушти¹¹, в гербе рассматриваемой Большой печати отсутствует «хитон господний»; в известных гербах князей Багратионов в центре большого щита нет щитка с изображением св. Георгия на коне¹². В специальной работе А. Лакиера, где довольно подробно говорится о гербах Багратионов, не находим конкретного описания герба, имеющегося на Большой печати¹³. А в трудах С. Барнавели, посвященных знаменам и печатям Грузии, где могли быть сведения об этой печати, не оказалось ни описания, ни фото рассматриваемой Большой печати¹⁴. Правда, С. Барнавели упоминает о «печати царства» 1785 года, но она не дает конкретного ее описания и фото¹⁵. Сопоставляя (по описанию) «печать царства»¹⁶ с печатью, которая поставлена на полномочии послов¹⁷, можно сделать вывод, что это одна и та же печать.

Попутно заметим, что, судя по изображению фигур на оттиске этой печати, она была тщательно выполнена, что дает дополнительное основание говорить о большом искусстве грузинских мастеров.

Касаясь содержания полномочий, заметим, что в них не только идет речь о заверении Ираклия II исполнить все, что будет постановлено и подписано уполномоченными, но и содержится обещание «дать ратификацию в уроченное время».

ТЕКСТ ЭКЗЕМПЛЯРА ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА С ГРУЗИНСКОЙ СТОРОНЫ¹⁸

Общая характеристика текста и его особенности. Известно, что общеустановленной для международных договоров формы не существует. Георгиевский трактат (договор) спра-

ведливо называется «трактатом» или «договором», поскольку, в отличие от «конвенции», которая резюмирует специальные интересы или вопросы, этот акт суммирует целый ряд вопросов, имеющих первостепенное и прежде всего политическое значение.

Георгиевский трактат (договор) удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к международным договорам; договор был заключен между двумя суверенными государствами; подписавшие его лица имели от верховной власти своего государства (своих суверенов) специально оформленные на то полномочия; договор прошел все необходимые стадии оформления международного договора, а именно: а) подписание, б) ратификацию и обмен ратификационными грамотами, в) опубликование.

Георгиевский трактат не объемлен по количеству статей и размерам текста (как, впрочем, и большинство международных политических договоров), но сложен структурно, так как, кроме 13 основных, имеет 4 отдельные (сепаратных) статьи и одну дополнительную и образец клятвенного обещания царя Картли-Кахети на верность российским монархам и на признание их покровительства и верховной власти над царями Картли-Кахети¹⁹.

Георгиевский трактат имеет, кроме того, вступительную часть (преамбулу), в которой подробно и аргументированно излагаются: 1) мотивы заключения договора, 2) перечисляются фамилии, титулы, официальные звания уполномоченных, назначенных сторонами для подписания договора, 3) указания на то, что уполномоченные сторон, предъявив и разменяв свои полномочия, «по силе их постановили, заключили и подписали» статьи договора.

Содержание преамбулы Георгиевского трактата имеет ту особенность, что в ней варьируются названия сторон. Так, российская сторона носит либо название государства «Всероссийская империя», либо титул главы государства «Ея императорское величество»; грузинская же сторона именуется только титулом главы государства: «Светлейший царь Картли и Кахети». Однако, согласно точному смыслу преамбулы, под сторонами, решившими заключить договор и назначившими для этой цели своих уполномоченных, разумеются главы государств. Это наиболее часто встречающийся в международной практике того времени случай. Даже с точки зрения современного международного права указание в договоре на глав государств в качестве сторон договора представляется вполне оправданным, так как глава государства имеет по преимуществу прерогативу выступать от имени государства как стороны международного договора.

Содержащееся в преамбуле перечисление целей и мотивов заключения договора также имеет свою особенность: в тексте преамбулы кратко указаны исторические предпосылки добровольного вхождения Грузинского царства под покровительство России. В преамбуле, в частности, говорится: «От давняго времени Всероссийская империя по единоверию с грузинскими народами служила защитою, помощию и убежищем тем народам и Светлейшим Владетелям их против угне-

тений, коим они от соседей своих подвержены были. Покровительство Всероссийскими Самодержцами царям грузинским, роду и подданным их даруемое, произвело ту зависимость последних от первых, которая наипаче оказывается из самого Российско-императорского титула. Ея императорское величество, ныне благополучно царствующая, достаточным образом изъявила монаршее свое к сим народам благоволение и великодушный о благе их промысел сильными своими стараниями, приложенными о избавлении их от ига рабства и от поносной дани отроками и откровицами, которую некоторые из сих народов давать обязаны были и продолжением своего монаршего призрения ко Владетелям оных».

В преамбуле подчеркивалось, что решение России принять грузинский народ под свое «покровительство» последовало ввиду «прошения ко престолу Ея величества, принесенныя от Светлейшего царя Картли и Кахети Ираклия Теймуразовича».

Структурно после преамбулы следуют статьи договора, в которых излагается его суть. Основное место занимают статьи, которые имеют правообразующее для сторон значение, т. е. статьи, из которых вытекают права и обязанности сторон. Такого рода статьи в международной практике обычно называют «материальными». В Георгиевском трактате «материальную» значимость имели практически все статьи.

Кроме так называемых «материальных» статей, Георгиевский трактат имеет «формальные» статьи, которые не устанавливают материальных норм и обязательств, а определяют способы и методы применения договора. В «формальных» статьях оговорены срок действия договора, порядок его изменения на основе «взаимной пользы», порядок и сроки ратификации договора и обмена ратификационными грамотами, содержится указание на подписание и приложение печатей и т. п.

Характерной особенностью «формальных» статей договора является отсутствие определения основного (аутентичного) текста договора.

Договор заканчивается следующим заявлением: «В достоверие чего нижеподписавшиеся полномочные подписали сии артикулы и приложили к ним свои печати в Георгиевской крепости, июля 24 дня 1783 года».

Обычно одновременно с указанием даты и места подписания указывалось количество экземпляров и язык договора, однако в Георгиевском трактате этих определений не имеется, что также является особенностью заключительной части «формальных» статей договора.

Подписи уполномоченных сторон (Павла Потемкина, князя Иоанна Багратиони, князя Гарсевана Чавчавадзе) завершают текст договора. Они расположены посреди листа в виде столбца. К подписям уполномоченных приложены их личные печати. Печати поставлены на сургуче красного цвета справа от подписей.

Характерной особенностью Георгиевского трактата является и то, что отдельные (сепаратные) его статьи так же, как и образец клятвенного обещания, оформлены как самостоя-

ятельные документы, т. е. имеют подписи и печати уполномоченных сторон.

Это скрепление печатями подписей уполномоченных под отдельными и дополнительными статьями, равно как и под клятвенным обещанием, объясняется, по-видимому, тем, что в основном тексте трактата ничего не сказано о дополнениях к нему.

Язык Георгиевского трактата. Для практики русской дипломатии второй половины XVIII века характерно применение французского языка, однако Георгиевский трактат составлен на языках сторон, т. е. на русском и грузинском, что является убедительным доказательством уважения национального достоинства каждой из сторон.

Как уже упоминалось, в обоих текстах Георгиевского договора (на русском и грузинском языках) нет указаний на то, что один из них является основным (аутентичным). Из этого можно сделать вывод, что оба текста стороны признавали равными по значению.

Особенности оформления Георгиевского трактата и его внешний вид. Как уже отмечалось, известен лишь один экземпляр подлинника Георгиевского трактата — это экземпляр с грузинской стороны на грузинском языке. Хранится он в Архиве внешней политики России (г. Москва). Говоря о внешнем виде договора и об особенностях его оформления, мы, разумеется, имеем в виду только этот сохранившийся экземпляр.

Итак, несколько слов о внешнем виде Георгиевского трактата. Прежде всего следует отметить, что текст документа написан черными чернилами от руки. (Пишущих машинок тогда еще не было, типографский способ печатания документов хотя и применялся, но при заключении договоров, как правило, пользовались рукописными текстами).

Почерк писца изяществом не отличается²⁰. Весь текст договора, за исключением подписи П. С. Потемкина, написан на грузинском языке «мхедрули» (так называемый гражданский, или светский вид письма), за исключением дополнительной статьи, которая написана смешанным письмом: гражданским («мхедрули») и церковным.

Бумага, на которой написан текст договора, крупного формата (размер полулиста 46,3 x 31,2 см). Это так называемая «большая голландская бумага» производства бумагоделательных предприятий нидерландского фабриканта Жана Кула, широко использовавшаяся тогда в России. По-видимому, в Грузию эта бумага поступала из России.

Происхождение бумаги установлено по имеющимся на ней водяным знакам, которые изображают так называемую «страсбургскую лилию» на фоне щита, размещенного под короной (правый полулист) и фамилию и инициалы владельца бумагоделательного предприятия: J. Kool (левый полулист)²¹.

Документ не отличается строгостью расположения текста на страницах листа бумаги. Размеры полей колеблются в следующих пределах: левое 3,8—4,3 см, правое 2,0—4,0 см, верхнее 3,1—3,5 см, нижнее 3,1—3,8 см. В отдельных местах

текст выходит на поля. Текст написан на обеих сторонах бумажного полулиста. Весь документ состоит из 6 полулистов указанного выше размера. Собственно текст документа размещен на 11 страницах. Рамка, обычно окаймляющая текст на странице листа, отсутствует. Отсутствуют также художественно выполненные заглавные буквы начальных слов. Размер букв по высоте 0,8—0,9 см. Расстояние между строками 0,4—0,5 см. Тексты статей отделены друг от друга промежутками размером 3,0—4,0 см. Первые слова договора внешне не отличаются от слов последующего текста.

Основной текст (преамбула и 13 статей), 4 отдельных (сепаратных) статьи и образец присяги написаны гражданским, или светским письмом («мхедрули»). Крупными буквами выделены лишь слова «Ея императорское величество», порядковый номер статей написан прописью (но не цифрами) и, кроме 13-й, подчеркнут²².

Образец присяги написан гражданскими буквами того же размера, что и основной текст и отдельные статьи. Образец присяги подписан и скреплен печатями тех же уполномоченных, что и основной текст.

Дополнительная статья, которая была подписана в Тбилиси 24 января 1784 года теми же уполномоченными, оформлена несколько иначе: заголовок написан крупными заглавными буквами («мтаврული»), высота букв — 2,5 см, а собственно текст статьи — смешанным письмом — большая часть гражданским («мхедрули»), а некоторые места церковным²³.

Подчисток и подтирок в документе не имеется.

Печати. Основные, отдельные (сепаратные) и дополнительные статьи (артикулы) трактата, равно как и образец присяги, как уже отмечалось выше, подписаны уполномоченными и скреплены оттисками их печатей на сургуче (красная) диаметром 33 мм, на ней надпись: «Virtus viam inveniet».

а) Печать Павла Потемкина круглая, гербовая (служебная) диаметром 33 мм, на ней надпись:

б) Печать князя Иоанна Багратиони представляет собой прямоугольник со срезанными углами размером 2 x 1,5 см. В центре его помещен другой прямоугольник размером 0,8 x 0,3 см, в котором заглавными («мтаврული») буквами написано имя «Иоане». Вокруг прямоугольника гражданскими («мхедрули») буквами надпись:

... მუხრან ... ნტლ ... მფარველ ... ვსქვე ... ტრსდვიმ ... ყომ —

Отдельные буквы этой надписи читаются легко, но целиком надпись расшифровать не удалось.

в) Печать князя Гарсевана Чавчавадзе прямоугольная, размером 1,6 x 1,4 см. На ней прямолинейными строками написаны гражданскими («мхедрули») буквами слова: „მ-ნა ღ-თსა ჰავჰავადე მანდატურთ უხუცესი გარსევან“, что в переводе означает «Раб божий Чавчавадзе мандатуртухуцеси²⁵. Гарсеван».

Листы подлинного экземпляра договора прошиты трехцветной шелковой нитью (цвета: желтый, оранжевый, черный), которая от времени утратила свою первоначальную прочность.

Обложка. Грузинский экземпляр договора заключен в тонкую бумажную обложку того же формата.

Ратификация договора. Договор был утвержден (ратифицирован) с российской стороны 21 сентября 1783 года²⁶, а с грузинской — 24 января 1784 года²⁷.

ОПУБЛИКОВАНИЕ ТЕКСТА ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

Основной текст договора (преамбула и 13 статей) и образец клятвенного обещания (присяги) были отпечатаны на русском языке типографским способом в Петербурге (вскоре после подписания) и разосланы представителям России за границей²⁸. Затем в конце 1783 — начале 1784 г. в типографии Академии наук была осуществлена новая публикация договора на русском и грузинском языках (параллельные тексты): на левой половине страницы — на русском, на правой — на грузинском (церковным шрифтом — «хуцури»)²⁹.

Итак, отпечатанный в типографии Академии наук двуязычный текст договора не был первым типографским текстом Георгиевского трактата, как это считал А. Цагарели³⁰.

Нужно отметить, что двуязычный текст договора, отпечатанный в типографии Академии наук, содержал не только основной текст (преамбула и 13 статей), но и, в отличие от первого напечатанного текста, который был разослан представителям России за границей, включал список князей и дворян Картли и Кахети, подписанный царем Ираклием II 28 июня 1783 года, т. е. еще до подписания договора. Упомянутый список, аналогично основному тексту договора, был также тогда напечатан на двух языках³¹.

Георгиевский трактат был включен в Полное собрание законов Российской империи 1830 г., однако в этом издании он был опубликован без отдельных (сепаратных) статей и дополнительной статьи³². В 1898 году проф. А. А. Цагарели в своей работе опубликовал ратификационную грамоту (ратификацию) договора с грузинской стороны (на грузинском языке), где вместе с основным текстом (13 статей) впервые были опубликованы отдельные (сепаратные) артикулы³³.

В 1949 году проф. Д. Енукидзе опубликовал ратификационную грамоту (ратификацию) договора с грузинской стороны (на грузинском языке) по имеющимся подлинникам в фондах Музея Грузии (ныне в Институте рукописей), но в текст включил также полномочие грузинских послов, который перепечатал из публикации А. Цагарели³⁴. В 1960 году проф. Я. З. Цинцадзе издал текст ратификационной грамоты (ратификации) на грузинском языке³⁵.

В 1965 году акад. И. Долидзе опубликовал текст трактата с грузинской стороны на русском и грузинском языках с приложением списка грузинских князей и дворян³⁶. В 1970 году проф. Р. Миминошвили и проф. Г. Пайчадзе издали текст трактата на русском и грузинском языках «полностью со всеми вариантами разночтений в ранних публикациях»³⁷, — как пишут издатели.

- ¹ Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, Грузинские тексты с 1768 по 1801 год. Под ред. А. А. Цагарели, т. II, вып. I. СПб, 1898, с. III (предисловие). [Далее: Грамоты, II, вып. I].
- ² Там же, с. 99—110.
- ³ Там же, с. III.
- ⁴ АВПР, ф. Трактаты, оп. 2, д. 178, лл. 3—8.
- ⁵ Институт рукописей АН Груз. ССР им К. Кекелидзе, ф. Н, д. № 2073-а и № 2073-б (далее: Институт рукописей).
- ⁶ Из архивных материалов явствует, что 19 июля 1783 года П. С. Потемкин, после своей вступительной речи, зачитал сначала полномочия на имя Г. А. Потемкина, а затем полномочия на свое имя от Г. А. Потемкина и, огласив, вручил их И. Багратиону. (Дневник переговоров будет рассмотрен отдельно).
- ⁷ Как известно, архив Грузинского царства был сожжен или похищен во время нашествия Ага Магомет-хана в Тбилиси (1795 г.).
- ⁸ АВПР, ф. Трактаты, оп. 2, д. 177, л. 4.
- ⁹ Подобная печать встречается также на конвертах, в которых в тот период грузинский царь пересылал свои письма российским монархам. Например, на конверте, адресованном Екатерине II (в архивном деле рядом с ним лежит письмо Ираклия II к императрице от 4 февраля 1785 года), см.: АВПР, ф. Сн. России с Грузией, 1774—1804 г., оп. 110/2, д. 18, л. 92 (конверт) и л. 91 (письмо); на конверте, адресованном Екатерине II (рядом лежит письмо Ираклия II императрице от 5 марта 1785 года), см. там же, л. 98 (конверт) и л. 99 (письмо) и др.
Однако в том же деле встречаются и конверты, на которых имеется сургучная печать красного цвета, но меньших размеров — **Малая государственная гербовая печать**. Она не только меньше по размеру, но и отличается по оформлению (отсутствует в центре щиток с изображением фигуры Георгия Победоносца); такая печать имеется, например, на конверте, адресованном Екатерине II (рядом лежит письмо царицы Дарии императрице от 4 февраля 1785 г.), см.: там же, л. 96 (конверт) и л. 95 (письмо); на конверте, адресованном гр. А. Безбородко (рядом лежит письмо царя Ираклия II графу А. Безбородко от сентября 1785 г.), см.: там же, л. 166 (конверт) и л. 165 (письмо); на конверте, адресованном императрице (рядом лежит письмо царицы Дарии Екатерине II от 9 сентября 1792 г.), см.: там же, л. 171 (конверт) и лл. 169—170 (письмо) и т. д.
- ¹⁰ АВПР, ф. Трактаты, оп. 2, д. 177, л. 4;
- ¹¹ Институт рукописей, ф. Н, д. 2079. Рисунки из труда царевича Вахушти опубликованы в Очерках истории Грузии, т. IV, Тбилиси, 1973, с. 225—226 (на груз. яз.).
- ¹² Ср.: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, ч. I-X, СПб, 1798—1840 (см. часть VII, № 2).
- ¹³ Ср.: А. Лакиер. Русская геральдика, ч. I—II, СПб, 1855, с. 383 517—528 (и Табл. XVII).
- ¹⁴ Ср.: С. В. Барнавели, Грузинские знамена, Тбилиси, 1953, (на груз. яз.); ее же: Печати и другие материалы по глиптике Грузии, Тбилиси, 1965. (Далее: Печати и другие материалы).
- ¹⁵ С. В. Барнавели. Печати и другие материалы, с. 73—74.

- 16 Институт рукописей, ф. Hd, док. № 1543.
  - 17 АВПР, ф. Трактаты, оп 2, д. 177, л. 4.
  - 18 В Архиве МИД СССР хранится только текст с грузинской стороны на грузинском языке.
  - 19 АВПР, ф. Трактаты, оп. 2, д. 178, лл. 3—8.
  - 20 В Архиве внешней политики России немало писем от грузинских царей российским монархам, написанных превосходнейшим почерком, радующим глаз и вызывающим восхищение.
  - 21 Клепиков С. А. Филигранные и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв., М., 1959, № 1153.
  - 22 АВПР, ф. Трактаты, оп. 2, д. 178, лл. 3—5, 6, 8.
  - 23 Там же, л. 7.
  - 24 Там же, лл. 6 об., 7 об., 8.
  - 25 Мандатуртухуеси — министр царского двора внутренних дел и почты в Грузии.
  - 26 АВПР, ф. Трактаты, оп. 2, д. 179, лл. 71—75, 76—79, 80—81 (сохранился лишь отпуск ратификаций с русской стороны, подлинник ее, переданный в свое время грузинской стороне, пока не обнаружен).
  - 27 Хранящийся в Институте рукописей АН Груз. ССР им. К. Кекелидзе подлинник ратификационной грамоты с грузинской стороны получен был из Москвы в 1922 г. (см.: ф. Н, № 2073-а и № 2073-б). Надо отметить, что в описании ратификационной грамоты, опубликованном в 1949 г., допущены неточности. Так, размер полулиста пергамента в действительности составляет не 50 x 34 см, а 48 x 34 см; при описании печати (далеко не полным) «праца» ошибочно названа «весом» (см.: Опись рукописей, т. V, Тбилиси, 1949 г., с. 41—42).
Желательно иметь более подробное описание печати ратификационной грамоты, тем более, что значение II эмблем, расположенных вокруг центрального щита, требует специального изучения, поскольку они существенно отличаются от элементов опубликованных гербов, а также и тех, которые помещены в рукописном труде царевича Вахушти (см.: Институт рукописей ф. Н, № 2079).
  - 28 АВПР, ф. Трактаты, оп. 2, д. 178, лл. 80—82:
  - 29 Там же, лл. 35—47.
  - 30 Грамоты, II, вып. I, с. III.
  - 31 АВПР, ф. Трактаты, оп. 2, д. 178, лл. 35—47.
  - 32 ПСЗ, т. XXI, СПб, 1830 г., док. № 15835, с. 1013—1017.
  - 33 Грамоты, II, вып. I, с. 99—110.
- 34 საერთაშორისო სამართლისა და საერთაშორისო ურთიერთობის დოკუმენტები, შეადგინა და კომენტარები დაურთო დ. ვნუქიძემ, თბ.. 1949.
- 35 ი. ცინცაძე, 1783 წლის მფარველობითი ტრაქტატი, თბილისი, 1960, გვ. 198-233.
- 36 ქართული სამართლის ძეგლები, II, თბილისი, 1965, გვ. 457-495.
- 37 ქართული სამეფო სამთავროების საგარეო პოლიტიკის ისტორიიდან, I, თბილისი, 1970, გვ. 182-245.

Михаил БАРАНОВ

ИСТОКИ ВДОХНОВЕНИЯ

ЯРКАЯ, темпераментная палитра полотен Зураба Нижарадзе уже давно полюбилась зрителю. Персональные выставки в Тбилиси и Москве привлекли много посетителей. Этот успех пришел благодаря его замечательному дарованию, исключительной целеустремленности в разрешении живописных задач, трудолюбию и преданности творческому делу.

Нижарадзе поставил себе целью найти в живописи гармонию таким образом, чтобы объем, цвет, линия звучали в одном аккорде и выступали как нечто цельное, неделимое, сплавленное. Присутствие этого принципа ощущается во всех его картинах очень остро.

Глядя на многочисленные и очень отличающиеся подчас друг от друга работы, можно подумать, что художник заботится только об одном — написать каждую работу по-другому, по-новому. Но в то же время он работает, хорошо осознавая, к чему стремится, и эта ясность творческой цели дает свои положительные результаты.

Многие годы художник трудился в своей мастерской, молча, без лишних слов, как кузнец в кузнице, прежде чем показать то, что получилось. (После групповой выставки в Москве в 1975 году у него не было персональных выставок). И вот через шесть лет — выставка. Ознакомившись с прекрасно продуманной экспозицией, включающей не только картины, но и гобелены и эскизы театральных занавесей, мы обнаруживаем много нового в развитии его живописного стиля. И главное — Нижарадзе радует нас впечатляющими живописными открытиями.

Как и прежде, он не «обременяет» себя «повествовательными» сюжетами. Но стройный, красочный мир человеческих реалий, населяющих картины художника, нельзя обвинить в бессюжетности, это — сюжетность, присущая живописи. А живопись З. Нижарадзе жизнерадостна, она цельно и последовательно раскрывает образы с гуманистических позиций и действительно нацелена на мир человеческих эмоций. Художник стремится к тому, чтобы подойти к человеку с чисто «художественной» точки зрения, обстоятельно исследовать цветовую гам-

му вокруг него, в особенности это касается обнаженной натуры. Он решает разные задачи, как сам выражается, пробует «тона низкие», «низкий рельеф» (что означает успокоенную тональность) или «высокие», с накалом цвета, «где приходится много работать, чтобы добиться гармонии сильного контрастирующего цвета».

Тяжелый, темно-зелено-красный колорит картин «Рыбачки» (1972), «Старика, несущего кровать», более просветленный «Продавца птиц» (1968) и других работ того периода — все это примечательные вехи образно-колористического мастерства. Уже тогда умел он открывать в живописи глубины человеческого характера. Это относится особенно к портретам, в которых объем, линия и цвет создают гармонию тональных аккордов изображения, а свет выступает как все завершающий и объединяющий фенсмен. Таковы великолепный по образной глубине, мощным цветовым ударами «интеллектуальный», обаятельно-женственный портрет Н. Хатискаци, отличающийся особым монументализмом выражения портрет М. Кордзая и, наконец, удивительный образ духовной незащищенности — портрет Т. Габуниа.

В портрете Ц. Цицишвили на передний план выдвинута задача раскрытия характера. Живопись подчинена этой же цели. Художник добивается высокой гармонии декоративных сочетаний тонов красного и голубого, подчеркивающих привлекательность облика молодой женщины. Свет в картине рассеянный, равномерно покрывающий все пространство холста.

В портрете М. Шенгелиа и голубом торсе на голубом фоне («Обнаженная») образ человека трактуется средствами цвета, линии и объема, как сгусток чувства, и выступает в единстве физического и духовного. Нижарадзе написал их расцвете своей молодости, и они всегда будут восхищать нас.

Поиски художника в следующих его работах получили новый поворот. В некоторых своих произведениях он проявляет большую цветовую успокоенность, а в других, наоборот, показывает небывалую динамичность и мощь сталкивающихся ярко-контрастных тонов красного, оранжевого, зеленого, черного.

Ярким примером работ первого плана является «Мальчик на лошади» — трогательное воспоминание о детской выставке. Поэтический мир вымысла художник стремится запечатлеть в изящно написанных композициях, в которых весомость объемов не подчеркивается. Это «Торжественное шествие», «Женщина с попугаем», «Женщина на ослике» и другие.

Повышенная цветовая ударность колорита свойственна вещам другого порядка, на которых художник как бы заостряет внимание зрителя: «Пугало», «Старуха с петухом» и другие. В них, пожалуй, наиболее ярко выявляется живописное представление художника о мире. Краски на полотне лепятся плотно, захлестывая друг друга, подчас разламывая форму и рисунок. Однако реалии картины, как цельный, законченный, самостоятельный мир, производят сильное впечатление. В своих произведениях такого рода Зураб Нижарадзе как бы испытывает предел совместимостей красок в едином целом художественного образа.

1979.05.20
1979.05.20

Удается ли ему создать гармонию красок, которая удовлетворяла бы художника? «На данном этапе да», — отвечает художник. А дальше — снова поиски и стремление одолеть себя. Оставить найденное лишь где-то в глубине памяти. Это удивительное стремление Нижарадзе-творца к постоянному совершенствованию — признак его неумности, душевной молодости, творческой зрелости.

Его полотна и в «эскизном» значении и «отделанные» не воспринимаются поверхностно-легковесными, в которых живопись «отслаивалась» бы от рисунка или краска закрывала поле, расцветавшее злаками того цвета, которые желательны мастеру. Замечательны по гармонии красок, цветовой насыщенности, декоративности пейзаж «Греми» (1979) и «Натюр-морт с сиренью» (1976). Есть на выставке еще один пейзаж (без названия), на котором изображен красный дом в цветущем саду. Хотя он скромнен по размеру и мотиву, в нем достаточно полно раскрываются живописные глубины искусства Нижарадзе. Во всех этих произведениях гармония ярких тонов всецело подчинена высокому вкусу художника. В них синтез цвета, объема и пространства раскрывает поразительную живописную ясность образа. Но теперь нам понятно, чего стоит эта цветовая легкость сияющих тонов, являющих собой все совершенство колористической гармонии. Все это пришло к художнику в муках поиска спустя почти десять лет.

В «Обнаженных» следует видеть не просто обычную художественную штудию, но нечто более фундаментальное, основополагающее, это выражение широты мировосприятия и взгляда художника на живую природу вообще. В них он хотя и не порывает окончательно с миром драматизированных тонов, но ищет большей живописной уравновешенности и успокоенности.

Внимательное изучение этих произведений показывает, какие разнообразные колористические задачи решаются в них. В «Обнаженной» (с клубками пряжи в руках) художник стремится привести все тона к голубой созвучности. Акценты оранжевого, желто-синего, красного в клубках пряжи создают гармонию цвето-ритмов. Мягкая воздушная среда фона объединяет все живописные компоненты в целостный образ.

«Обнаженная в коричневой шляпе» написана более монохромно; осязаема упругость скульптурных форм фигуры, возникающей из сумеречного полумрака фона. Размеренный способ наложения краски помогает созданию атмосферы покоя.

«Обнаженная с зеркалом» — это мозаика цвета, где диссонанс и гармония существуют в монолитном единстве. Яркие зелено-голубые, красные, оранжево-желтые цвета переливаются, кружатся веселым хороводом, как олицетворение молодости и силы жизни.

В «Обнаженной с полотенцем» царит покой, но фон вспыхивает яростно, и это хорошо оттеняет фигуру.

И, наконец, «Обнаженная» с бусами на шее. Здесь художник нашел особую впечатляющую тональность для выражения колорита. Фигура написана более открытым цветом. Мы видим сияющие, словно вибрирующие в солнечном свете крас-

ки. Это образ задумчиво-мечтательной молодости, нежности, страсти.

Такие живописные работы последних лет, как портреты В. Котетишвили, Л. Бабковой, Н. Канделаки, Г. Тавадшвили, Н. и А. Нижарадзе и другие, наглядно демонстрируют широту творческих возможностей художника, высокий уровень мастерства. Запоминается глубокий по образу, энергично написанный, красивый по цвету и привлекающий внимание значительностью содержания портрет В. Котетишвили. Примечателен и верный по характеристике, напряженно-драматический по колориту темно-красных, зелено-оранжевых тонов портрет Н. Канделаки.

В цветовой созвучности портрета М. Сарисвили найдена та ритмическая и образно-живописная монолитность, которая характерна для портретов Нижарадзе вообще.

Важной особенностью живописи этого художника видится нам то, что в своих произведениях он добивается высокой чистоты цвета. Он пишет мастихином. Прием этот не новый и применяют его художники из потребности заставить краски светиться во всю силу. Но есть и другая причина. «Когда работаешь кистью, — говорит художник, — то вольно или невольно следуешь за рисунком». Позже, у себя в мастерской, он уточнил это положение: «Живопись ставит перед художником очень сложные задачи в том смысле, что живописцу приходится не рисовать образ, а как бы лепить цветом. Рисование живописца не такое, как это понимают в обычном смысле, когда под карандашом рождается контур. Живописный образ лепится в соответствии с рисунком по своим живописным законам. И здесь успех, наверное, зависит от знаний, творческого опыта, может быть от характера и темперамента и так далее».

Это уточнение, как нам представляется, с достаточной ясностью исчерпывает вопрос о характере и значении рисунка в живописи Зураба Нижарадзе. Следовательно, «преодолеть» рисунок и в то же время сохранить его как элемент живописного образа, добиться небывалой гармонии цвета, форм, линий — вот достойная живописца задача, последовательное решение которой Нижарадзе так убедительно демонстрирует в своих работах.

Рисунки Зураба Нижарадзе — новый раздел, раскрывающий его творческую многогранность. Портреты и иллюстрации, выполненные гуашью, пастелью, карандашом, пером и тушью, по мастерству равнозначны его живописи. Техника графическая ему подвластна в совершенстве. Нижарадзе блестящий рисовальщик — он умеет схватывать в человеческом облике самое существенное, виртуозной и точной линией образовывать формы, подчеркнуть характер ритмикой масс, верно расставить ударные акценты пятен и линий.

В портретных рисунках он стремится облагородить модель, наделить ее чертами романтической приподнятости. Таковы портреты Л. Габуниа, А. Какабадзе, Н. Канделаки и другие. Большинство из них тщательно отделяются технически. Запоминается исполненный пастелью портрет кинорежиссера Отара Иоселиани. Прекрасная моделировка лица, в

основе которой лежит мастерский рисунок, богатая разработка цвето-свето-теневой фактуры создают впечатляющий облик не ординарного человека, но творца и мыслителя. В остронаправленных, почти иконографических глазах — сосредоточенное спокойствие и сознание духовного возвышения. Величие и покой человека, открывающего в искусстве светлый мир благородства и добра.

Книжные иллюстрации по роману Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» — тоже примечательная страница творчества художника. Высокий артистизм рисунка, глубокое проникновение в дух и строку литературного произведения великого французского сатирика еще раз высвечивают различные грани творческой зрелости Нижарадзе.

На выставке много рисунков женского торса. Восхищение женщиной всегда возвышенно и благородно. Но вместе с этим надо подчеркнуть, что художник изображает женщину земную — крепкую, сильную, иногда тяжеловесную. Радость бытия и безмерное счастье видеть, восхищаться красотой — вот истоки неиссякаемого жизнелюбия художника.

ПО СЛЕДАМ ФЕСТИВАЛЯ
СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ
В ТБИЛИСИ

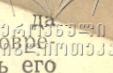
ХУДОЖНИК СЕРДЦА И УМА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
АВЕТА ТЕРТЕРЯНА

КАК-ТО в беседе Авет Тертерян сказал, что, прослушав музыкальное произведение, может рассказать о его создателе, о том, кто он, как живет и о чем думает. И поистине — каким вероятностным ни был бы характер музыкальной логики, какой многозначной ни была бы ее природа высказывания, истинный художник персонифицируется в ней во всей широте своей личности, силуэт воплощается в плоть и кровь, и мы слышим его сердцебиение, следуем за напряженной работой его мысли. Сила самовыражения как медиум сообщает нам, что знает он об этом мире, что может объяснить, сказать о прошлом и грядущем...

И Тертерян говорит о себе, о Человеке, Вселенной, говорит смело, открыто, громко на понятном, точном (именно точном в своем выражении) языке музыки.

Тертерян так ставит музыкальный объем, в такой временной и пространственной перспективе, что никакая другая сила не сможет воспрепятствовать медитативному погружению в состояние познания чего-то всеобщего, состояние самосозерцания, самопознания. И это при удивительной спонтанности, импульсивности творческого высказывания, при максимальной организованности и концентрированности логики развертывания, движения.

В своей раскрепощенности музыкального выражения, да и в целом — художественного сознания, Тертерян несет те критерии ответственности, которые вскрывают природу этой раскрепощенности, выражающей стремление к неограниченной свободе развития и веру в духовную мощь человеческой природы.

Тертерян — современник и потому, что «современность» для него это способ и метод мышления, это система его ценностной ориентации.

Он современник и по своей творческо-стилевой тенденции художественного толкования всеобщих категорий, абсолютных ценностей, тенденции расширения выразительных ресурсов, нахождения новой музыкальной семантики. И, что важнее, в этой тенденции самым главным остается стремление подчинить психологическому феномену все средства звуковоспроизводства. А этими средствами очень и очень богата тертерьяновская палитра.

Это относится и к неспецифическим, и формотворческим элементам композиции, создающим сложный сплав звучащей массы, беспредельно расширяющим звуковое поле. Это и великолепно найденный «монизм» ритмического и тембрового тематизма, создающего ощущение многорусной глубины и дающего эффект большой силы эмоционального воздействия. Это и сонорность как средство художественного обобщения, а не как феномен отрицания ладово-тематического принципа. И, конечно, отлично организованный «натиск» «внетоновых» тембров, расширяющий зоны неотчетливого звучания, звучащая, создающая ощущения «погружения» в эфемерный вакуум. Все средства выразительности, используемые художником, могут строить в партитуре тот многоплановый, сложный фон, на котором мастерски, с большой эмоциональной наполненностью фиксируется очень простое по объему созвучие — интонация, несущая в себе сильный смысловой акцент. В другом случае это может быть всего лишь один звук, вбирающий и как бы «всасывающий» огромные ресурсы неспецифического уровня элементов, ресурсы динамики, тембра, артикуляции. И это все для поддержания циклопической энергии одного звука... Разве все поддается экспликации...

Вся звуковая картина, созданная композитором, как бы воплощается, сосредотачивается в идею единой, всеохватывающей субстанции, проявляющейся в бесконечности отдельных вещей и явлений. Достигается она великолепным драматургическим чутьем построения мысли, с картезианской строгостью выверенной формой. И слышим, ощущаем, как отточенная дифференциация фонических «пятен» превращается в движущееся огромное звуковое «тело», мерцающее в неизмеримом пространстве... И здесь думаешь об этической цельности художника, не допускающей малейшей конформистской раздвоенности.

Как «обуздать», организовать звуковую стихию, как смоделировать, создать схему партитуры — не самоцель для Тертеряна. Об этом так ярко свидетельствует хотя бы Па-

тая симфония, ее наполненная до краев эстетическая информация. Тертерян не занимается «алхимией» звукового изобретательства во имя изобретательства и поэтому так непохож на тех «алхимиков», которые стараются во что бы то ни стало вывести «философский камень» осовременивания музыки во имя новаторства и ради новаторства. Нет, это привело бы его к неизбежному эпигонству, творческой инертности, к экспериментаторскому тупику, непоправимому.

Запрограммированное новаторство прямо пропорционально псевдоискусству — всеильная логика отбора не раз доказывала нам это. И тот, кто не понимает, что «в традиции уже заложено новаторство, и наоборот, в подлинном новаторстве живет традиция так же, как прошлое живет в настоящем и в настоящем будущее», — пусть не ищет панацеи от банкротства. Это слова Авета Тертеряна из нашего диалога о музыке, это его четкая эстетическая ориентация.

И что ж, достояние композиторского письма в руках Тертеряна как резец для обработки звучащего камня — вначале немного, угловатого, тяжелого, резец, воплощающий в дивных формах глубокие мысли о вечном, непреходящем, прекрасном. Мысли того звучащего, рукотворного камня, каким так бессмертен его народ, каким так горда его земля, история. И невольнo думаешь — вот где надо искать истоки высокой духовности творчества художника, «родословную» его музыки, уходящую корнями в изначальную сущность, говорить о творчески-психологическом генезисе личности композитора. Вот откуда такая почвенность выбора, смелость замысла и твердость действий!

Но то, что почва тысячелетней духовности и всепрощающий и строгий судья — подлинный художник всегда помнит, поэтому-то и в вечном долгу у него. Слушая музыку Тертеряна, ощущаешь, как низко он склоняет голову перед этим долгом, как почтителен и скромен перед ним. Значит, он продолжатель этой духовности, получающий святой эдикт приобщения, как одно звено в цепи тысячелетней преемственности.

Что думает он сам о себе как преемнике? Когда речь шла о народно-музыкальном творчестве, о безымянных творцах, передающих из уст в уста, из поколения в поколение сокровенные чувства и раздумья, Авет сказал: «Я стараюсь быть похожим на них, я и по существу делаю то же самое, что они. Они композиторы без нотной грамоты, мы ее знаем, к сожалению. Да, к сожалению, ибо нотная грамота в силу своей несовершенности беспощадно сковывает возможность передать все богатства нюансов, заложенные в душе человеческой и отраженные в песне безымянных гениев». Это позиция музыканта — позиция и художественная, и гражданская. Это вера и исповедь сына отечества...

И именно мощный импульс преемственности, заряжающий и инспирирующий психику художника, направил его на выработку сложной эстетической программы. Она направлена на расширение психологической зоны композиции путем переосмысления фольклорного феномена, нахождения музыкального эквивалента, адекватного звучанию народной песни.

1945
11033

звучанию народного инструмента. Он был найден. Ни народный песенный мелос, ни инструментальное интонирование не стали реквизитом почвенности, колористическим атрибутом национальной принадлежности. Они стали слагаемыми целостной музыкальной концепции, всей звучащей материи композиции. Так образовался качественно новый уровень связи с традициями фольклора, так по-новому вскрылась установка на иерархию народного и композиторского в творческо-стилевой системе Тертеряна-новатора.

И еще об одном. Музыкально-художественная интерпретация времени и пространства как категорий, осмысление и постижение их на уровне интуитивном или аналитическом — большая творческая победа Тертеряна-композитора и Тертеряна-аналитика. Ведь она дает ключ к еще более емкому толкованию национального и наднационального, как единичного и общего, толкованию существа художественного метаязыка, архетипа художественного сознания. И вот почему: время и пространство для Тертеряна это те понятия, с помощью которых он стремится не допустить разорванности картины мира, постараться как-то собрать его, стянуть расходящиеся концы, увидеть его в целостности, охватить, засесть во временной бесконечности. Его космогоническое время всеобъемлюще: оно охватывает все — и мгновенья магического танца времен Иштар и действия мистерий средневековой площади. Оно замирает, прислушиваясь к раскатам могучего хохота Пантагрюэля, оно застывает над Сардарпатским холмом, у руин Звартноц... И так заново, опять и опять возвращение к чему-то особо сокровенному, всеобщему, тому, что называем мы этическим, неизменяющимся, непреходящим.

И еще раз убеждаешься — художник не создает новых идей, только заново переплавляет он в кузнице своего таланта изначально данное, и вот она — бесконечная метаморфоза вечных идей жизни и смерти, любви и деяний, смысла и бессмертия. Муки искания и радость найтия — вечные спутницы художника на тернистом его пути постижения.

И если Авет Тертерян всегда на этом пути, то, войдя в мир его истины, поверишь — сольется глас его правды с той песней песни, что седьмой песней об Армении называется.

ВСЕГДА С ПАРТИЕЙ, ВСЕГДА С НАРОДОМ

В БОЛЬШОМ зале заседаний ЦК Компартии Грузии состоялся VI съезд журналистов Грузии.

В президиуме съезда — товарищи Э. Шеварднадзе, Г. Елукидзе, Т. Ростиашили, Н. Читанава, Т. Мосашвили, ответственный работник ЦК КПСС Ю. Майоров, секретарь правления Союза журналистов СССР Л. Ягодин, руководители средств массовой информации республики.

Съезд открыл председатель правления Союза журналистов Грузии, редактор газеты «Коммунисти» Г. Бединеишвили.

С огромным воодушевлением съезд избрал почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

С отчетным докладом о работе правления Союза журналистов республики выступил Г. Бединеишвили.

Отчет ревизионной комиссии Союза журналистов Грузии сделал главный редактор журнала «Сакартвелос соплис мურнеоба» Г. Чагелишвили.

В прениях выступили заместитель редактора газеты «Тбилиси» О. Иоселиани, председатель правления Союза журналистов Абхазии, редактор газеты «Апсны капш» С. Квичиния, председатель бюро Аджарского отделения Союза журналистов Грузии, редактор газе-

ты «Сабчота Аджара» Ш. Куридзе, министр высшего и среднего образования Грузинской ССР Д. Чхиквишвили, секретарь правления Союза писателей республики Р. Миминошвили и другие.

Впервые в практике съезда были организованы секции: республиканской и областной прессы, телевидения и радиовещания, местной печати, журналов и издательств.

Такая форма позволила охватить широкий круг творческих вопросов, вести предметное и конкретное обсуждение насущных проблем журналистики.

Во всех выступлениях журналистов республики была особо подчеркнута мысль о высокой социальной и политической ответственности журналиста, руководствующегося ленинскими принципами и традициями партийной журналистики.

Во второй день работы съезда перед собравшимися выступили руководители секций: прессы — Н. Черкезишвили, редактор газеты «Заря Востока»; телевидения и радиовещания — Н. Попхадзе, председатель Государственного комитета Грузинской ССР по телевидению и радиовещанию; местной печати — М. Давиташвили, редактор газеты «Соплис цховреба»; журналов и издательств — Э. Маградзе, председатель Государственного комитета республики по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

От имени правления Союза журналистов СССР делегатов съезда приветствовал секретарь правления Союза журналистов СССР Л. Ягодин.

С речью на съезде выступил секретарь ЦК КП Грузии Г. Енукидзе.

Съезд признал работу правления Союза журналистов Грузии удовлетворительной.

Были избраны новый состав правления Союза журналистов Грузии, ревизионной комиссии и делегаты на V съезд журналистов СССР.

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

В ТБИЛИССКОМ государственном академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили состоялся юбилейный вечер, посвященный 60-летию газеты «Комунисти» — знаменосца грузинской советской прессы.

В президиуме — товарищи Э. Шеварднадзе, Г. Енукидзе, Т. Ментешавили, З. Патаридзе, Д. Патишвили, О. Хабишвили, О. Черкезия, ответственный работник ЦК КПСС Ю. Майоров, секретарь правления Союза журналистов СССР Л. Ягодин, руководители республиканских министерств и ведомств, средств массовой информации, творческих союзов, деятели науки и культуры.

Вечер вступительным словом открыл редактор газеты «Комунисти» Г. Бединешвили.

Секретарь ЦК КП Грузии Г. Енукидзе огласил приветствие редакции газеты «Комунисти» Центрального Комитета Компартии Грузии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Грузинской ССР.

История газеты — это история народа. Он видит в ней доброго советчика и помощника, агитатора и пропагандиста. Всеми этими качествами щедро наделен флагман грузинской советской журналистики.

Находясь на переднем крае коммунистического созидания, газета оперативно, с глубоким знанием дела, на конкретных примерах пропагандирует передовые методы труда, хозяйствования и управления, неустанно воспитывает сознательное отношение к труду, неизменно заботится об убедительности, глубине мысли, яркости и отточенности изложения, наступательности в утверждении и развитии нравственно-психологического климата.

На протяжении всех 60 лет газета живет жизнью народа, партии, всегда находится на боевом посту.

Об этом много говорили выступившие на юбилейном вечере кадровый рабочий Тбилисского электровагоноремонтного завода им. Сталина Г. Гачечиладзе, редактор газеты Заря Востока» Н. Черкезишвили, президент Академии наук Грузии Е. Харадзе, председатель правления Союза писателей Грузии, лауреат Ленинской премии Н. Думбадзе, поэт К. Каладзе и другие.

От имени правления Союза журналистов СССР, всех советских журналистов коллектив газеты «Комунисти» приветствовал секретарь правления Союза журналистов СССР Л. Ягодин. Он сообщил, что в связи со славным юбилеем группа работников редакции удостоена Почетных грамот Союза журналистов СССР.

Все выступавшие говорили об огромном вкладе газеты в

воспитание трудящихся в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма.

Под конец редактор газеты «Коммунисти» Г. Бединешвили сердечно поблагодарил ЦК Компартии Грузии, Президиум Верховного Совета и Совет

Министров республики за высокую оценку деятельности коллектива.

В заключение юбилейного вечера состоялся праздничный концерт с участием ведущих мастеров искусств Грузинской ССР.

ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА

АЛПЕНИДЗЕ Владимир Тарасович. Род. в 1937 г. Член СП СССР и МОЖ, заслуженный журналист Груз. ССР, лауреат премии им. Гогобашвили. Автор книги стихов «Гори и юность», множество публицистических очерков, статей, эссе, сборника повестей «33 солдцеликих образа мудрого Иакова», трилогии «Любовь и бессмертие», сборников публицистических очерков и статей «Бразильские диалоги», «Португальские дневники», сборника сказок «Волшебное перо Жар-птицы» и др. Переводится на русский, языки народов СССР и зарубежных стран.

БАРАНОВ Михаил Моисеевич. Род. в 1925 г. Окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры, архитектуры им. Репина. Искусствовед. Автор статей о грузинских художниках.

БАХТАДЗЕ Инга Владимировна. Музыковед. Кандидат искусствоведения. Доцент Тбилисской государственной кон-

серватории. Член Союза композиторов Грузии. Занимается вопросами музыкальной эстетики. Автор свыше 20-ти научных трудов.

ДЕМУРХАНАШВИЛИ Соломон Николаевич. Род. в 1936 г. в с. Икалто Телавского р-на. В 1965 г. закончил Тбилисский пединститут. Первый сборник рассказов вышел в 1963 г. Автор множества рассказов, среди них — «Блаженны верующие», «Последний колокол», «Обыкновенный день» и др.

ДЖАВАХАДЗЕ Вахтанг Романозович. Род. в 1932 г. Окончил филологический ф-т ТГУ, отделение журналистики. Первое стихотворение опубликовал в 1947 году в газете «Норчи ленинели». Первая книга стихов «Любимые ветры» вышла в 1959 году. Автор множества стихотворных сборников. В 1970 г. в издательстве «Советский писатель» вышла книга стихов в русском переводе. Стихи В. Джавахадзе перево-

дились на языки народов СССР, печатались в зарубежных антологиях.

ЕЛИГУЛАШВИЛИ Эдуард Веняминович. Род. в 1931 г. Литературный критик, журналист. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Грузии. Автор книг «В оригинале и в переводе», «Их одним чеканом чеканили», «Современная грузинская поэзия».

КАХИАНИ Константин Евсеевич. Род. в 1905 г. Окончил ТГУ. Работает в Институте истории и этнографии АН ГССР. Кандидат исторических наук.

МАЧАРАДЗЕ Валериан Георгиевич. Род. в 1921 г. Доктор исторических наук, профессор Тбилисского университета. Работает в области русско-грузинских исторических связей XVIII века. Автор нескольких монографий.

ПАПАШВИЛИ Сергей Яковлевич. Род. в 1925 г. Окончил педагогический институт им. Пушкина. Старший инспектор-методист Государственного комитета профтехнического образования Совета Министров ГССР. Заслуженный учитель Грузинской ССР. Автор специальных книг и учебников.

ПОВАЛЬНИКОВ Сергей Иванович. Род. в 1926 г. Кандидат исторических наук. Со-

ветник МИД СССР. Автор ряда научных трудов в области истории международных отношений.

СТУРУА Иосиф Дэвович. Род. в 1957 г. Окончил Московский государственный институт международных отношений при МИД СССР. Работает в Государственном комитете по науке и технике Грузинской ССР.

ХЕРГИАНИ Мирон Буджаевич. Род. в 1945 г. в Местиа. Член СП СССР. Окончил ТГУ. В 1966 г. вышел первый сборник рассказов — «Сванские новеллы». Автор романов «Пусть облака останутся с тобой...», «Тигр скал», сборников рассказов, очерков, публицистических статей. Удостоен премии СП Грузии за сборник публицистических статей «А добрым именем кого назвать?». Переводится на русский и языки братских народов СССР.

ХЕЧУАШВИЛИ Георгий Накидович. Род. в 1917 г. Член Союза журналистов СССР. Редактор отдела журнала «Сакартвелос бунеба» («Природа Грузии»). Автор книги «Мать героя» и многочисленных рассказов, публиковавшихся в журнале «Мнатоби». В издательстве «Накадули» готовится его новая книга «Бурджа».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ, Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურნობა გრუზია“

— ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივი პოლიტიკური ჟურნალი (რუსულ ენაზე)

პაპოძის 1957 წლის ივნისიდან. № 2, თებერვალი, 1982 წ.

Сдано в набор 6.I.82 г. Подписано к печати 1.III.82 г.
УЭ 00101 Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—
усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 7.700 экз. Заказ
№ 3022. Адрес редакции: 380008. Тбилиси, ул. Ленина, 5.
Телефон: 99-06-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

«КНИЖНЫЕ НОВИНКИ»

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

КВЛИВИДЗЕ М. «Лицо». Стихи. Пер. с груз. Москва, 1981. 136 с. 10.000 экз. 45 к.

«НАУКА»

МШВЕНИЕРАДЗЕ В. «Современное буржуазное политическое сознание». Философский аспект. Москва, 1981. 448 с. 5.200 экз. 1 р. 80 к.

«МЕРАНИ»

АБШИЛАВА А. «Пора цветения персика». Пер. с груз. Тбилиси, 1981, 42 с. 2.000 экз. 20 к.

ДЕМУРОВА (СТАРОСЕЛЬСКАЯ) Е. «Губернатор-революционер». О В. А. Старосельском. Тбилиси, 1981. 120 с. 2.000 экз. 40 к.

«МЕЦНИЕРЕБА»

ГАГОШИДЗЕ Ю. «Самадло». Каталог археолог. материала. Тбилиси, 1981. 119 с. с ил. 1.200 экз. 1 р.

65 к

ИНДЕКС 76117

1100000
8000000

